

The Gap^{2/3}

Анна Лорер-Попова

The Gap 2/3

Предисловие

Не разделяю мнения моего дорогого друга Дерека, что он конченный придурок, если судить о нем по этой книге. По-моему, он замечательный. Но понимаю, почему ему было так тяжело про себя читать: ощущения действительно странные. Пару раз мне хотелось закрыть и сказать «я запрещаю это публиковать», и не потому, что какие-то факты не соответствуют действительности. Но потом я вспоминала, зачем это все, выдыхала и начинала с того места, на котором остановилась. Это не просто сентиментальный сериал про любовь и психологические проблемы — это история о том, как мы узнали, кто мы такие и как оказались воплощенными в белковую форму жизни (которая, несмотря на определенные плюсы, уже основательно надоела — особенно тем из нас, у кого жизненный опыт потяжелее моего), как получили возможность выйти за ее пределы и куда исчезли. Помните об этом, когда будете читать про какую-нибудь мою очередную выходку (и не только мою). Я надеюсь, это поможет вам в чтении. Еще надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся, хотя это и не гарантировано.

P. S. Есть мнение, что читать лучше на английском: цитаты из дневника Джаспера приведены дословно, а не в переводе, и в целом воспринимается не так мелодраматично. Я прочитала обе версии — и нашла, что они очень похожи, несмотря на разность языков. Поэтому читайте как удобнее. И не забывайте, что это только предыстория.

Яна

А я вообще уверен, что роль у меня второстепенная и можно было не заострять на ней внимание. И уж тем более не просить меня написать предисловие. Но остальные решили заострить и попросить, и вот я тут. Что я могу сказать? Получается, что, если просто быть собой и стараться не предавать свои убеждения, можно случайно сыграть не последнюю роль в мировой истории. Это приятно. Раньше я думал, что, если просто быть собой и стараться не предавать свои убеждения, получишь только головную боль и вечное ощущение, что сделал не все. Что, впрочем, не мешало мне так и жить: я делал, что считал правильным, и никогда не рассчитывал на феерический результат. И вот передо мной совершенно феерический результат. Впрочем, повторюсь: не преувеличивайте мою значимость. Это все ребята. Ребята молодцы. Вы молодцы, я сказал, хватит ворчать!

Желаю вам всем, чтобы ваше стремление быть собой и не предавать свои убеждения приводило вас только к хорошему, как привело меня. Это круто.

С горячим приветом, Амир Магди

Look me in my eyes

Посмотри мне в глаза.

Tell me everything's not fine

Скажи мне, что все не в порядке,

Or the people ain't happy

Что люди несчастны

And the river has run dry

И реки пересохли.

You thought you could go free

*Ты думал, что сможешь остаться
безнаказанным,*

But the system is done for

Но система устроена иначе:

If you listen here closely

Если ты прислушаешься внимательно,

There's a knock at your front door.

Услышишь стук во входную дверь.

We'll never get free

Мы никогда не станем свободными,

Lamb to the slaughter

Агнец на заклание,

What you gon' do

Что ты собираешься делать,

When there's blood in the water

Когда вода окрасится кровью?

The price of your greed

Цена твоей жадности —

Is your son and your daughter

Твой сын и твоя дочь,

What you gon' do

Что ты собираешься делать,

When there's blood in the water

Когда вода окрасится кровью,

When there's blood in the water

Когда вода окрасится кровью.

JORDAN EDWARD BENJAMIN

ДЖОРДАН ЭДВАРД БЕНДЖАМИН

Снят леса и селения

Небеса и сомнения

*Но сиянье обрушится вниз
Станет твоей судьбой*

ИГОРЬ ФЕДОРОВИЧ ЛЕТОВ

Глава первая

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, июль 9, 2078

Совершил безумный поступок, но очень доволен. Сегодня с утра окончательно выяснилось, что счет за мое долгое и унылое лечение оплачен из ниоткуда — то есть, наверное, откуда-то, но установить это место моими силами не представляется возможным. Цепочка состоит из тридцати семи звеньев, и это только то, что я смог раскопать за два месяца, прошедшие с выписки. На тридцать седьмом звене я сломался, и если у меня есть настолько упорный таинственный друг, то ему суждено остаться таинственным и не получить свои деньги обратно. Получить свои деньги, ХА-ХА-ХА. Да я бы отправился спать на улице, если бы нашел, кому возвращать долг. Это больше, чем я заработал и потратил за последние пять лет. На самом деле в глубине души я испытал огромное облегчение, когда понял, что не могу найти человека, сделавшего мне этот подарок. Главное, я убедился, что это не кто-то из Академии — или кто-то настолько умный из Академии, что у меня нет сил с ним бороться.

Сломавшись на последнем звене, я вдруг понял, что мое финансовое положение не настолько ужасно, как мне казалось. Конечно, моей зарплаты на Аляске даже до войны хватало ровно на оплату счетов, еду, одежду и транспорт, а теперь вообще нет никакой уверенности, что удастся продолжить хоть какую-то работу. Но много мне и не надо. И тогда я повел себя странно. Я обналичил две тысячи наших долларов — это почти тысяча американских и довольно серьезная для меня сумма, — запечатал их в конверт, поехал в больницу, в которой меня спасли, по пути купив кошачью переноску и букет цветов, и ввалился в кабинет к главному врачу. Вручил ей цветы, поблагодарил за спасение (отчасти искренне, отчасти из вежливости), положил конверт на угол стола, рассказал историю про кота и попросил во что бы то ни стало его найти, а конверт вручить в качестве вознаграждения тому, кто сможет это сделать. Она долго

грозила найти кота совершенно бесплатно, но я проявил нетипичную для себя настойчивость — терпеть не могу говорить о деньгах, но сегодня справился с собой и в итоге уговорил ее. Это Анкоридж в семьдесят восьмом году, тут не осталось никого, кому не пригодились бы деньги; это очень хорошая мотивация. А мне был нужен мой Красный Кварк.

Она обещала проинструктировать всех в больнице, что надо усиленно высматривать и ловить наглого рыжего кота, которого почти никто не видел: сумасшедший ученый платит за него щедрое вознаграждение. Я нисколько не обиделся. Я и есть сумасшедший ученый, и если звание настоящего ученого еще надо заработать (отдельный вопрос, как), то сумасшествие, вижу, пришло ко мне само.

Кварк, найдись. Я за тебя кучу денег отвалил и не жалею, наглое ты усатое животное.

Санта-Круз, Калифорния, июль 9, 2078

— Ты же понимаешь, что я могу не все? — говорит Бланш, серьезно глядя на него. — Почти все, но не все.

Вместо ответа он через стекло смотрит на океан внизу. Океан все понимает, в отличие от людей. Они сидят в машине на смотровой площадке Касл-Рок у моста через ручей Биксби, на обочине хайвея Кабрильо. Довольно странное времяпрепровождение, но, когда имеешь дело с Бланш, часто приходится соглашаться на то, что предлагает она. Иначе придется ждать, когда у нее снова появится на него время, а это может занять недели. Для него у нее обычно больше времени, чем для многих других, но все еще очень мало.

— Ты ведь понимаешь, что будет, если мы не решимся на это? — говорит он спокойнее, чем ему хотелось бы. — В конце концов, это и твоя родная страна тоже.

— И Франция моя родная страна. Предлагаешь мне и для них согласовать такую схему?

— Бланш, я не...

Она останавливает его жестом, и он замолкает. В полуметре от него за рулем своей ненормальной машины сидит единственный человек в мире, который жестом может попросить его заткнуться, и он всегда выполняет эту просьбу.

— Ты не хочешь стать президентом Египта? Мне кажется, эта страна — единственное, что тебя интересует. Так, может, начнешь работать на нее на полный день, а не на полставки?

Кажется, она не шутит.

— И что я сделаю на этом посту? Украшу своим лицом сайт правительства? Тоже дело, конечно. Хотя украшение спорное, можно найти лицо помоложе.

Ему все-таки не удается сдержаться, и внутри начинает тлеть черно-красный уголек злости.

— Не скромничай, твоим лицом можно украсить многое, не говоря уже о тухлом сайте правительства Египта.

Она улыбается, и он злится сильнее.

— Бланш.

— Прости, дорогой. Увлелась. На этом посту ты сможешь проворачивать операции с бюджетом на свой страх и риск, не приходя ко мне за прикрытием. Мне кажется, так будет намного честнее, разве нет?

— Честнее. Но и намного быстрее кончится. И если ты думаешь, что я боюсь за собственную жопу...

— Можешь не продолжать. Я знаю, что дело не в этом.

— Почему мы разговариваем в машине?

— Спустя полчаса тебе вдруг стало интересно? Ты быстр как стрела.

Из тлеющего уголька вырывается язык пламени.

— Мне было интересно с самого начала, но еще был предмет для разговора поважнее.

— Все ради Родины. — Она наигранно качает головой. — Мы разговариваем в машине, потому что у нас неприятная тема, а времена сейчас непростые. Я, конечно, свела к минимуму желание отдельных личностей устраивать конкуренцию между ветвями власти, но нарываться все-таки не стоит. А еще тут очень красиво. Мне нравится смотреть даже из машины.

— Ты думаешь, здесь нас не могут услышать?

— Кто?

— Хотя бы твои подчиненные.

— Мои подчиненные? Во-первых, не могут. Любому человеку — кроме меня, — который попробует открыть эту машину, оторвет голову. Нет головы — нет ушей. Слушать нечем. И нечего, потому что машины тоже нет. А во-вторых, некоторым из них было бы даже полезно послушать. А то мечтают заполучить мое место, а сами съехали бы сейчас вон туда, оказавшись на нем.

Она машет рукой в сторону живописного обрыва. Иногда академик Магди думает, что живет очень непростой жизнью человека, вынужденного следить за каждым своим шагом и словом. Но потом пару минут разговаривает с Бланш Бернар, после чего возвращается в свою жизнь, как на детскую площадку, где самая сложная задача — не упасть с качелей. Порой ему кажется, что она вообще не человек. Невозможно представить себе, как она, допустим, спит. Сон — это полная потеря контроля над происходящим как вокруг, так и внутри тебя. Как она может на это решиться?

— А тебе самой, кстати, не надоело?

— Сегодня вечер удивительных вопросов. Ты их специально готовил?

Амир молчит и смотрит на океан.

— Амир.

— Да.

— Что «да»?

Он снова молчит.

— Выбросить тебя из машины, что ли? Прямо тут.

— А ты справишься? — На этот раз его очередь улыбаться.

— С тем, чтобы тебя выбросить? Конечно, нет. Посмотри на меня.

Он смотрит, но тут же жалеет об этом. Не надо лишний раз на нее смотреть. Ничего нет хорошего в том, чтобы смотреть на привлекательную смуглую женщину ростом пять с небольшим футов, от которой зависят жизни миллионов людей. И которая, не волнуясь, распоряжается ими. Глаза начинают болеть, когда внимательно на это смотришь.

Бланш улыбается.

— Так что с тем, чтобы выбросить, конечно, не справлюсь. Зато легко могу сделать так, что ты выпрыгнешь отсюда сам.

Ну вот, опять. И главное, она ведь наверняка не врет.

— Никого не волнует, что мне надоело, дорогой. Вот в чем дело, — говорит она, отвернувшись к своему окну.

Окно изнутри совершенно прозрачное, как будто на нем нет даже самой минимальной защиты от солнечного света. А снаружи в него не видно вообще ничего. Машина похожа на маленький низкий черный танк. Видимо, она вообще существует в единственном экземпляре. Как и ее хозяйка. Он вдруг вздрагивает.

— Но старую-то схему мы оставим в покое, правда? Она сможет работать и дальше?

Бланш смеется.

— Вот ты и познакомился с главным ужасом всех реформаторов: а что, если после привлечения внимания к проблеме станет не лучше, а хуже? Может, ну их, реформы?

Он молчит. Теперь потушить пожар внутри не помогает даже вид океана.

— Оставим. Только веди себя разумно, хорошо? И если тебе снова начнут приходить в голову странные вопросы, задавай их сначала себе, а не сразу мне. И не думай, пожалуйста, что я это говорю из вредности. Ты знаешь, я еще ни разу не отказалась помочь, когда была такая возможность. Понятно, что этого мало и тебе хотелось бы большего. Но иногда мало — это единственное, на что можно рассчитывать.

— Я понял. Спасибо. — Он собирается по привычке выйти из машины, потом вспоминает, где находится. — Мне выйти здесь или ты меня отвезешь?

— Не надо выходить. Ты не успел довести меня до желания выбросить тебя из машины.

Она трогается с места. Исида, спаси Египет. Если даже Бланш не может, можешь только ты.

Дубна, Центральная Российская республика, июль 9, 2078

Игорь сидит на подоконнике до глубокой ночи, плачет, смеется, иногда одновременно, и старается вспоминать то хорошее, что все-таки было. Маму, единственного друга, который был у него в младших классах школы, кошку, которая всегда спала у него в ногах, свернувшись клубочком, когда он был совсем маленьким; Олю; как его взяли в Академию и у него вдруг появились

деньги и возможность учиться, а учиться ему всегда нравилось. Он вспоминает, как заговорил с Яной, хотя сам от себя этого не ожидал; как она стала приходить к нему в гости; как он рыдал у нее на плече, а потом рассказал ей все-все. Вспоминает, как они выбирали ему костюм, а потом пошли в бар, где она сказала, что хочет быть его девушкой; как он поцеловал ее, а потом испугался и почти убежал, и какой снег шел в тот вечер, и в каком она была платье, и как смотрела на него. Он ложится спать, но не засыпает, а ворочается в постели, в голову начинают лезть бредовые мысли о том, что будет, если после смерти все не заканчивается. Какого черта не заканчивается? Чему там продолжаться, если мозг перестает функционировать? Утром, когда уже начинает светать, он проваливается в неглубокий тревожный сон. Никаких снов не видит — или они оказываются такими незначительными, что зацепиться не за что.

Игорь просыпается уже под вечер, в начале пятого, садится в постели и с удивлением думает, что делает это в последний раз. Ощущение очень необычное, и в нелюбимом им пробуждении вдруг появляется какой-то призрачный смысл. Он по привычке идет на кухню, чтобы выпить кофе и окончательно проснуться, потом вспоминает, что в последний день решил не только не есть, но и не пить, возвращается в спальню и долго выбирает одежду. Сначала достает из шкафа футболку, потом думает, что его шрамы и на живой коже выглядят плохо, а на мертвом теле будут смотреться совсем отвратительно, потом грустно усмехается. Какая он, оказывается, кокетка — за пару часов до смерти думает о красоте. Перед смертью откуда-то берется смелость посмотреть в глаза самой неприятной правде, и он думает, что всю жизнь врал себе, что ему все равно, как он выглядит.

Ему было не все равно, он убедил себя в этом, потому что не верил, будто может выглядеть хорошо. Раз он безнадежно непривлекательный тощий косноязычный дурачок, остается только решить, что ему на это совершенно наплевать. Он зачем-то мнет футболку в руках. Как же отчаянно ему хотелось быть красивым. Яна сказала тогда, в ресторане, «а еще я думаю, что ты красивый». Он помнит это дословно. Он решил, что это неправда, что на самом деле она так не думает и не может думать, и все это из жалости, и от этого так больно и противно ныло в груди. А потом оказалось, что она не врала в остальном. Может, и в этом не врала? Яна, что с тобой? Почему ты не видишь, какой он убогий и жалкий? И все-таки он убирает футболку, ненавидя себя за это нелепое кокетство, но не находя никаких причин с собой бороться, достает рубашку, потом думает, что вешаться в рубашке — какой-то запредельный идиотизм, и меняет ее на тонкий джемпер с длинными рукавами и воротником-стойкой. Из штанов выбирает домашние джинсы. Еще обязательно нужны носки. Он и так никогда не ходит

без носков, собственные голые ноги кажутся ему отвратительными, но мертвые голые ноги — это вообще что-то за гранью всех представлений о допустимом.

Выбрав одежду, он смотрит на часы. Почти пять. Как раз есть время, чтобы принять душ, одеться и спокойно, не торопясь, написать записку. Игорь идет в ванную, моется, чистит зубы, очень тщательно бреется, как будто ему не в петлю, а на праздник. Потом не спеша одевается, глядя в зеркало. Он целую неделю ничего не ел и выглядит совсем неважно: от лица остались только глаза и нос. Он говорит себе, что это уже не имеет значения, и отворачивается от зеркала. У покойников все равно западают щеки. Нет никакой разницы, запали они до смерти или уже после. Осмотрев ванную в поисках малейшего беспорядка и устранив его, он выходит, садится за стол в кухне и кладет перед собой давно приготовленный лист бумаги. Первая из двух записок, которые ему нужны, дается относительно легко, хоть писать ее и неприятно. «Андрей Сергеевич, я обещал вам позвонить, если когда-нибудь решусь себя убить, а в ответ вы обещали меня не трогать, насколько это возможно. И вы свое обещание выполнили, а я свое не могу. Я не звоню не потому, что забыл про нашу договоренность или она мне не важна. Я знаю, что вы отличный специалист, и, скорее всего, сможете найти слова, которые меня остановят. А я не хочу и не могу этого допустить. Мне правда лучше уйти. Извините, что подвел вас. Спасибо за все, что вы для меня сделали или пытались сделать».

Когда записка Савинову готова, пора переходить к главному: написать записку Яне. Этот момент оказывается самым тяжелым из всех его приготовлений. Что ей сказать? Какие найти слова, чтобы она поняла? Чтобы не винила себя в случившемся? Он начинает что-то писать, рвет лист на части, швыряет в мусорное ведро, потом приносит целую стопку чистой бумаги. В ведро отправляется лист за листом. Все слова кажутся или лживыми, или глупыми и пафосными, или бессмысленными и пустыми, или все сразу. Так проходит, наверное, час. Он кладет ручку, сжимает голову руками, пытается поймать ускользающую формулировку, потом быстро пишет:

«Яна, я знаю, что такое нельзя простить, но все равно прошу прощения. Не знаю, как объяснить свой поступок. Может быть, ты понимаешь, и тогда объяснения не нужны. А может быть, нет, и тогда в объяснениях нет смысла. Я очень хочу, чтобы ты попробовала поверить, что ты ни при чем и это все равно случилось бы. Это правда. Я и до нашей встречи знал, что рано или поздно этим кончится. Я даже говорил тебе, что мечтаю это сделать.

Ты лучшее, что со мной было. Я знаю, что ты не можешь сказать обо мне того же, но я остановился вовремя и испортил тебе жизнь не так сильно, как мог бы.

Я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Спасибо тебе за все и прости меня, если сможешь».

Игорь дописывает, едва видя буквы, и не успевает смахнуть слезу со щеки — она падает на бумагу, прямо на слово «спасибо», и слегка размазывает его. Он собирается переписать, потом думает, что, может быть, не так уж и плохо, если она поймет, что он писал это и плакал. Перечитывает, вытирает слезы, оставляет письма на столе. На столе больше ничего нет. Пустая поверхность с двумя листами бумаги.

Он выходит в гостиную, берет вспотевшей рукой заранее приготовленный ремень, приносит стул, встает на него, продевает конец ремня в пряжку, перекидывает ремень через турник, крепко завязывает. Это оказывается сложно: сил совсем нет. Его почему-то бьет озноб, как будто в комнате холодно, пульс бешеный, словно он только что пробежал стометровку. Он осматривает получившуюся конструкцию на предмет надежности, находит, что все в порядке. Ладони уже не влажные, а мокрые от пота. Мокрые и ледяные. Он отмахивается от мысли, что через считанные часы они станут еще холоднее и останутся такими до того момента, как превратятся в пепел; медленно и осторожно просовывает голову в петлю и закрывает глаза. Начинает ужасно кружиться голова, руки дрожат, все тело трясет. Сердце яростно колотится в груди, как будто хочет проломить ребра изнутри, чтобы вырваться на свободу. Он думает, что нужно торопиться, пока не стало совсем плохо, зажмуривается сильнее и пытается подумать о чем-нибудь хорошем.

Но от вчерашнего умиротворения не осталось и следа. Ему вдруг делается невыносимо, до тошноты страшно, кажется, что он обоссался бы, если бы было чем. Он говорит себе, что так и должно быть, что это базовый страх смерти пытается помешать ему, что это просто физиология, тупая физиология. В нем проснулось животное, которое живет во всех людях, но прячется под толстым слоем воспитания, приличий, правил и запретов, а перед лицом смерти поднимает голову, стряхивает с себя все лишнее и начинает выть. Так и должно быть. Это нормально. Он знал, что так будет, и готовился. Нужно не теряться, из последних сил дать этому животному по голове, чтобы заткнулось, и сделать шаг. Прямо сейчас. Всего один шаг, больше ничего не нужно.

Ощущения из почти невыносимых становятся невыносимыми. Хочется забыть обо всех рассуждениях про то, что жить дальше ниже его достоинства, забыть слово «достоинство», забыть вообще все слова, слезть со стула и остаться в живых. Пусть не жить, а существовать, пить, еле шевелиться под тяжестью самой черной депрессии, как страшная плоская рыба на дне Марианской впадины, — что угодно, лишь бы не делать сейчас этого шага.

— Заткнись, — вслух говорит он.

Но заткнуться не получается. Теперь ему ужасно жалко себя, не только своего тела, но и себя вообще, хочется плакать, и не от каких-то хороших воспоминаний, как вчера вечером, а от детской обиды на весь мир. Он не просил эту жизнь. Он не выбирал рождаться у этих людей, получать это тело, это детство, эту судьбу. Жизнь навязали ему насильно, и он честно держался как мог, хотя никто ему не помогал, а теперь пришла пора завязывать, и даже с этим он остался один на один. Люди умирают от болезней и катастроф, их убивают другие люди, а ему придется своими руками причинить себе последнюю боль. Самому лишить себя неприятной, недостойной, осточертевшей — но все-таки единственной жизни, которая у него есть. Сейчас он умрет, так и не узнав, что чувствуют нормальные люди, у которых есть друзья, семьи, увлечения, которые с удовольствием едят и пьют, работают, и отдыхают, и занимаются сексом с теми, кто им нравится, а не с теми, кто прикажет снимать штаны. Всю жизнь, кроме раннего детства, его больно били, и больно унижали, и пользовались его телом, как пользуются вещами, забыв спросить, что он об этом думает, или просто не замечали и обращались как с пустым местом, и второе после первого казалось ему большим счастьем. Пока другие люди думали, чего бы еще пожелать, он радовался, что ему перестали ломать кости и отбивать почки, а девушке, которая была готова принять его таким, не принес ничего, кроме разочарования. И вот эта нелепая невеселая жизнь заканчивается совсем глупой и грустной сценой: он стоит на стуле, продев голову в петлю, жалкий, как попавший в капкан тощий лис, и трясется от страха и обиды.

Он велит себе собраться, прекратить этот цирк, пару секунд подумать о Яне, потому что умирать с воспоминаниями о том, как его били, совсем не хочется, а она самое хорошее, о чем он может думать, и сделать шаг вперед. Но попытка подумать о ней вместо утешения расстраивает еще сильнее: он не сможет обнять ее перед смертью. Самоубийцам не полагается такой роскоши, как возможность попрощаться с близкими. Если бы он умирал от болезни, она села бы рядом и держала его за руку. Но он убивает себя сам и будет мучительно умирать в одиночестве. Умирать нужно, но очень страшно, и больно, и обидно, и так тоскливо и неудобно, как будто после смерти есть жизнь, и это вечная жизнь спящего в подвале подростка, а вокруг подвала февраль, сумерки, грязный снег; и грязный снег тоже вечный, и февраль вечный, и сумерки ничем не закончатся. Он шумно и некрасиво всхлипывает, приказывает себе немедленно успокоиться, перестать быть трусом и тряпкой, достойно провести хотя бы последние секунды жизни и сделать шаг с проклятого стула. Прощаться с ней нельзя — значит, придется прощаться с воспоминанием о ней. Игорь делает глубокий вдох и вспоминает. Вспоминает, как она улыбается,

как сердится, как спорит, вспоминает их первый и последний поцелуй на ступеньках главного корпуса Академии. Она еще не знает, что главная боль, которую он ей причинит, впереди. Даже если ей больше не хочется стать его девушкой, она не из тех, кто совсем забудет о человеке, который был ей дорог. Даже если она уже встретила другого, это станет для нее ударом. Будет она плакать, когда ей скажут? Потом наверняка будет, и очень горько и долго, а вот так сразу, при постороннем человеке? Она же такая сдержанная. Такая воспитанная.

Игорь вдруг хмурится от внезапной новой мысли. Голова уже совсем не соображает, но он старается сосредоточиться. А кто, собственно, ей скажет? Кто вообще его тут найдет? К нему ведь никогда никто не приходит, не звонит. Сейчас каникулы, значит, в Академии его тоже не хватятся. Он едва сдерживается, чтобы не закричать от досады. В своих тщательных приготовлениях он не учел самого главного: его решительно некому искать. Он ни с кем не общается вне занятий, а до начала учебы целый месяц. Он не появится на ежегодном собрании, потом пропустит разрешенные ему три дня, и только на четвертый Академия начнет им интересоваться. Сначала попросят Катю, как старосту группы, связаться с ним. У Кати не получится, и она первым делом пойдет к Яне или позвонит ей, если Яна к этому моменту снова будет учиться в Калифорнии. И Яна, конечно, специально прилетит, услышав такие новости. У него внутри холодеет так, словно его выпотрошили и нафаршировали льдом из морозилки. Чертов тупой мудака! Он даже не забрал у нее ключи от своей квартиры! Они были нужны ей несколько месяцев, пока они писали работу, и он напрочь забыл об их существовании! Когда Академия хватится его, сюда придет не неизвестный ему сотрудник полиции или службы безопасности. Сюда придут две девчонки! Яна с Катей не из тех, кто сразу пойдет за помощью. Они решат сначала поискать его сами, чтобы не беспокоить полицию лишней раз. Потому что очень хорошие и ответственные. И что они найдут? Через месяц летней жары, в середине августа? Как будет выглядеть его труп к этому моменту? В нем смогут завестись опарыши, несмотря на закрытое помещение? Куски гнилого мяса уже начнут отслаиваться от костей при прикосновении? Кто-нибудь выползет из его вываленного раздутого языка, чтобы поздороваться с гостями, или посмотрит на них из его глазниц? Их стошнит прямо на то, что от него останется, или они успеют добежать до туалета? Плачущая Яна, ничего не трогая, закроет квартиру, вызовет полицию и будет ждать во дворе — или схватится за то, что останется от его тела, потому что горе окажется сильнее отвращения? И самое главное — готов ли он дать ей возможность проверить это?

Игорь сжимает зубы, так сильно, что начинает болеть где-то в основании черепа. Он вдруг ясно видит, как она поднимается в лифте, одна, потому что попросила Катю подождать во дворе на случай, если он найдется внутри в относительно порядке, больной или пьяный, — бледная, несчастная, уже догадывающаяся, что ей предстоит обнаружить. Как с замирающим сердцем жмет на звонок, потом поворачивает ключ в замке, приоткрывает дверь, зовет его по имени, потом еще раз, громче, а потом в нос ей бьет запах, и она понимает, что звать уже некого. Стоит ему еще секунду подумать об этом, и уже не понадобится вешаться, потому что сердце разорвется пополам. Блядь, ну почему, почему он даже сдохнуть не может нормально?!

Нужно слезть отсюда. Нужно слезть с этого чертова стула, забрать у нее ключи, придумать, как сделать так, чтобы его тело обнаружил кто-нибудь другой и побыстрее, и тогда уже что-то предпринимать. По лицу, кажется, текут слезы, а может, он просто весь мокрый от холодного пота. Он медленно поднимает руки, чтобы снять петлю с шеи, и теряет равновесие.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, открытая запись, июль 9, 2078

Я родился в сентябре две тысячи тридцать девятого. Спустя два с небольшим года НАСА объявило, что с аппаратом «Вояджер-1» окончательно потеряна связь. В два года я ничего не понимал и не могу помнить этот день, зато отлично помню, как впервые услышал об этом от своей бабушки Евы. Это второй человек, благодаря которому я стал тем, кем стал (точнее, кем должен был стать, но так и не смог). Их двое — бабушка Ева и профессор Мэннинг, мой дядя Роберт. Удивительно, но оба ребенка бабушки Евы, мой отец и его сестра, не имели никакого желания говорить о космосе. Они выходили из себя от одного этого слова. Наверное, их можно понять: когда тебе с детства ежедневно парят мозг поисками внеземной цивилизации, к определенному моменту от этого устанешь. Но я не жил с бабушкой, видел ее пару раз в год, и мне не могло это надоесть. Я слушал каждое ее слово, открыв рот.

Тогда мне было пять лет, и я уже неплохо помню себя в этом возрасте. Она расцеловала меня при встрече, с плохо скрываемым нетерпением вытолкала родителей за порог, сопроводив всегдашним комментарием, что мы не будем без них скучать, усадила на диван и сказала: «Смотри, что я покажу тебе, парень. Эта штука старше тебя на шестьдесят два года и улетела очень далеко. А потом мы потеряли с ней связь». Я посмотрел видео про историю аппарата, послушал песни, которые человечество отправило в космос на его борту, охнул при виде

фотографии, на которой Земля выглядит крошечным бледно-голубым пятном, — и это тогда, когда «Вояджер» еще не преодолел и половины Солнечной системы, — а потом спросил:

— Бабушка, а почему мы его больше не слышим? Он погиб?

— Не думаю, дорогой, — ответила она со свойственным ей оптимизмом, — скорее всего, он летит дальше, просто не может нам об этом сообщить.

— А что с ним будет, если так?

Сначала она выдала свою традиционную речь о том, что он попадет в руки к инопланетянам, которые послушают наше обращение, пошлют нам ответный сигнал, а потом прилетят к нам в гости, и начнется новая эра в развитии человечества. Эту речь я уже знал наизусть. Постоянное ее повторение не раздражало меня, как отца, и я слушал с удовольствием, но, когда бабушка сделала паузу, чтобы отдышаться, не удержался от нового вопроса:

— А если он никого не встретит?

Бабушка удивленно посмотрела на меня.

— Я уверена, что встретит, дорогой. Ведь не может быть такого, что мы одни-одинешеньки в целой огромной Вселенной!

— Но все-таки? — Я был упрямым ребенком (ХА-ХА-ХА, можно подумать, я сейчас не упрямый ребенок, а что-то другое) и не собирался отставать.

Она равнодушно пожала плечами. Как только речь переставала идти о грядущем объединении с инопланетной цивилизацией, бабушка теряла к разговору о космосе всякий интерес.

— Если с его корпусом ничего не случится, он сможет вечно скитаться по космосу. В тишине.

Я спросил, что такое «скитаться».

— Болтаться без дела и без дома, мой дорогой. Вот что это такое. Очень грустное занятие. Ничего хорошего.

На этом месте бабушка засмеялась, потрепала меня по голове и сменила тему. Мысль, что мы так и не встретим соседей, приводила ее в уныние.

Когда поздно вечером я лег спать, то не выключился в первые пять минут, как обычно бывало после целого дня, проведенного с бабушкой, а закрыл глаза и всмотрелся в темноту под веками. Темнота была не полной, в ней вздрагивали

какие-то красные и белые точки. Я представил себе грустный немой космический аппарат, заблудившийся в бесконечном пространстве: он не может ничего сообщить, не может вернуться домой, он так никого и не встретил и осужден вечно скитаться по космосу. Я дословно запомнил эту бабушкину фразу — «вечно скитаться по космосу в тишине», — и это было самое страшное, что я слышал за пять лет своей предыдущей жизни. Более того, сейчас мне без двух месяцев тридцать девять, и это все еще одна из самых страшных вещей, которые я слышал.

Наверное, дело было не только в грустной судьбе «Вояджера», а в том, что я впервые понял, как странно все в мире, куда я попал, сколько о нем не знают даже взрослые, как бесконечно черное пространство вокруг нашей крошечной планеты. Но факт остается фактом: несколько минут я всматривался в темноту под веками, повторяя про себя «вечно скитаться по космосу в тишине», а потом заплакал. Мне казалось — хотя, конечно, тогда я не думал такими словами, — что я сам такой же «Вояджер», обреченный, как выразилась бабушка, вечно болтаться без дела и без дома, что я бесконечно одинок, что я не могу никому рассказать своих мыслей, потому что, даже если попробую, это все равно будет звучать совсем не так, как у меня в голове. Что я, как и он, полон каких-то картинок, слов, песен и образов дорогих мне людей, но все это некому оценить, потому что я совсем, совсем один. И все это лишено всякого смысла. Бесконечная дорога из темноты в темноту. Кстати, вот пишу и понимаю, насколько пророческими были слова бабушки про «болтаться без дела и без дома» по отношению к моей жизни. Я действительно болтаюсь без дела и без дома, и никакого конца этой ситуации не предвидится.

В ту ночь я впервые ощутил всю глубину экзистенциального одиночества, хотя такие слова услышал намного позже. Весь ужас человека, всматривающегося в бездну. Наша планета — одинокая пылинка в огромной космической тьме. И нет и намека на то, что помощь придет откуда-то извне, чтобы спасти нас от самих себя.¹ Эти слова я тоже узнал намного позже, но в ту ночь я как будто стал «Вояджером», и глубину моего отчаяния нельзя передать даже сейчас, с помощью всех слов, которые я узнал за прошедшие годы. Я плакал так горько, так долго и так отчаянно, что бабушка проснулась и пришла ко мне — спрашивать, что случилось, и утешать. Я долго не мог выдавить из себя ни единого слова и только снова и снова всхлипывал у нее на плече. А когда наконец смог, то сказал всего два слова: жалко «Вояджер». Это было правдой, но не полной, далеко не всей, уже тогда я понимал, что не смогу ей объяснить, отчего плачу на самом деле. Бабушка обняла меня еще крепче.

— Не плачь, дорогой. Он обязательно встретит друзей. А потом они все вместе прилетят сюда. Представляешь, какая будет встреча?

От этих слов я заплакал еще сильнее. Я понимаю, что это звучит крайне странно, и пятилетние дети не могут быть уверены в таких вещах, но я был совершенно уверен, что бабушка ошибается. Я не стал возражать ей, чтобы не расстраивать, но про себя ясно понял в ту самую ночь: мы здесь совсем одни. Наша планета — такой же «Вояджер», который обречен скитаться в тишине. Никто не прилетит к нам в гости, никто не выйдет с нами на связь. Мы как моряки после кораблекрушения на крошечном островке посреди океана, которые написали записку, положили ее в бутылку и бросили в волны, не зная, что всему остальному человечеству пришел конец и некому будет прочесть их послание. Вот что такое «Вояджер». Бутылка с запиской, болтающаяся в огромном безжизненном океане на планете, где не осталось никого живого.

Спустя много лет, уже в Академии, разрабатывая свою теорию — точнее, прорабатывая ее детали, я ведь не придумывал ее, она пришла ко мне сама, просто взяла и пришла ко мне в голову, открыв дверь без стука, — я понял, на чем была основана моя детская уверенность. Мы действительно никого не встретим, потому что ищем не с той стороны. Но как же удивительно, что уверенность, которую я впоследствии подтвердил выкладками и расчетами, убедившими Академию принять меня в свои ряды в двадцать четыре года, я впервые ощутил в пять лет, плача на плече у своей увлеченной инопланетянами бабушки. Я просто вдруг понял, что мы здесь совсем одни. Откуда? Не знаю. С того дня прошло почти тридцать четыре года. Мы так никого и не встретили. Все больше способов поиска жизни во Вселенной, все больше потенциально подходящих планет — и ничего. Мертвая тишина в эфире.

И я даже не могу узнать, прав ли в том, почему так происходит. Черт, почему всегда, с чего бы ни начинал, я прихожу к тому, что гребаная Академия лишила меня возможности ставить эксперименты, и это главная трагедия моей жизни? Почему ни одно рассуждение не может обойтись без участия этих лживых мудаков? А впрочем, что значит почему? Потому что. Потому что я автор самой логичной, самой простой и самой внятной теории о том, какого хрена все так, которую благодаря этим упырям теперь нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Вот почему. Она ведь берет и складывает все, совершенно все, что никак не хотело складываться долгие годы. А из-за лживых мудаков я так и сдохну, не узнав, верна она или нет. А возможно, не только я, но и вообще все сдохнут, так этого и не узнав. Если физика продолжит зависеть от людей вроде Ярослава Ярошенко, которые не в состоянии воспринять ничего сколько-нибудь выходящего за рамки их представлений о должном, ее так и будут считать

красивой сказкой. Пока человечество не погибнет, наконец, в полном составе, от погасшего Солнца, метеорита, ядерной войны, страшной эпидемии и собственной глупости. Но так как я все это прекрасно знаю и сейчас просто повторяюсь в миллионный раз, а читателей у этой записи быть не может, то самое время заткнуться и пойти играть в «Поджигателя теней». К сожалению, у меня нет кота, а то пошел бы играть с котом.

Играть с котом — действие, от которого никогда не станет хуже.

Дубна, Центральная Российская республика, июль 9, 2078

Сердце падает в самый низ живота. Секунду он балансирует на краю стула, отчаянно пытаюсь удержаться на нем, и одновременно судорожно срывает с головы ремень. Ремень обдирает ему лоб, кажется, в кровь и отпускает его на миг раньше, чем он падает вперед, лицом вниз, а стул летит в противоположную сторону. Он не успевает подставить руки и ударяется об пол всем телом: подбородком, коленями, ребрами, ключицами — и остается лежать, задыхаясь от пережитого ужаса. Какое-то время в голове нет вообще ничего, ни одной мысли, внутри прыгает и ликует животное, которое до последнего хотело жить и получило свое, и звенит боль от удара. Потом он осторожно переворачивается на спину, уставляется на качающуюся петлю и вздрагивает всем телом, словно еще раз только что упал. Он жив. Он лежит тут, а мог бы висеть там, под потолком. И Яна бы никогда не узнала, что в последнюю секунду он вспомнил о ключах и передумал.

Игорь переводит сбивающееся дыхание и очень ясно понимает, что после этой секундной борьбы за жизнь, с которой только что собирался расстаться, уже никогда не сможет ничего с собой сделать. Чуть не повеситься по нелепой случайности после того, как передумал делать это сегодня, — прививка от самоубийства навсегда. Он подносит ладони к лицу, удивленно смотрит на свои пальцы и понимает, что возможность шевелить ими — большое счастье. Это какие-то новые, неизвестные ощущения, и он предается им без тени стыда и сомнений. Он дышит. Он двигается. Он думает.

С большим трудом он встает на ноги — его тошнит и трясет от воспоминания о произошедшем и от физической истощенности, — медленно идет в кухню, дрожащей рукой берет со стола свое письмо Яне и читает его. На первом же слове ему хочется заорать. Это невыносимое, наглое вранье, на которое невозможно смотреть без отвращения. Как он мог еще час назад всерьез такое писать?! И не просто писать, но и развешивать над этим сопли? Как он смел просить у нее прощения, бросая ее одну со всем, что осталось бы после его

смерти — с горем, воспоминаниями, с мыслями, что она делала что-то не так, раз после встречи с ней он отчаялся окончательно? Сбегая, как самый последний трусливый мудака? Он, понимаете, хочет ей добра. Поэтому пойдет лежать в гробу, а она пусть остается и до старости живет с мыслью, что парень, который ей нравился, сначала велел ей убираться из его жизни, а потом очень страдал и в итоге покончил с собой.

Он дочитывает письмо до конца. В нем бьется страшная злость на себя, но и она какая-то новая. Это злость не на то, какой он никчемный урод, трус и мудака, а на то, каким никчемным уродом, трусом и мудаком он только что был. В этой злости кроется знание, что больше он не сможет быть прежним. Автора этого мерзкого письма не существует, он остался висеть в петле, которую сам себе приготовил, а на пол рухнул совсем другой человек. Этот человек знает, что нельзя сбегать, обрекая своего единственного друга на пожизненные размышления о том, был ли шанс уговорить его остаться.

Игорь разрывает листок на куски, бросает в мусор, дрожащими руками наливает в кофейную чашку воды из чайника, выпивает мелкими жадными глотками, наполняет снова, снова выпивает. На столе лежит телефон, звук которого он предусмотрительно отключил перед тем, как лезть в петлю, и на нем мигает уведомление о новом сообщении. Руки из дрожащих становятся прыгающими, когда он видит, что сообщение от нее. «Извини, пожалуйста, что беспокою, хотя не должна этого делать, — пишет она примерно в ту минуту, когда он тщательно мастерит из ремня петлю, кружок, блядь, «Умелые ручки». — Все по плану, сегодня отнесла заявление, первого числа документы будут готовы, я все подпишу и останусь учиться здесь. Просто хотела сообщить об этом. Еще мне очень важно узнать, все ли у тебя в порядке, но я пойму, если не ответишь. Извини еще раз».

Он падает на стул, набирает один текст ответа, другой, третий, четвертый, стирает все, просит у аппарата видеовызов и пристраивает его на столе. Секунду, пока идет соединение, думает, не сменить ли видео на виртуальный визит, потом решает, что у него настолько нет сил, что даже его голографическое изображение не хотело бы сейчас двигаться.

— Привет, — говорит она каким-то странным голосом, но изображение не появляется. — Не ожидала тебя услышать.

— Я хочу не только услышать, но и увидеть тебя. Привет.

— Я не в форме. Думаю, это не лучшая идея.

— Я тоже не в форме, так что все честно.

Она медлит секунд двадцать, потом появляется перед ним.

За ее спиной кусок ослепительно-синего неба, деревья с неизвестными ему желтыми цветами, у нее голые плечи — на учебу в России она никогда так не одевалась, — и подозрительно блестящие глаза.

— Ты что, плачешь?

Она улыбается, явно через силу.

— Все в порядке. Лучше скажи мне, почему ты так сильно похудел. И откуда у тебя на лбу ссадина.

— Яна, ты плачешь? Что случилось?

— Уже нет. — Она переводит взгляд куда-то в сторону. — Давай начнем с другого. Я просто хотела сообщить, что сдержу свое слово и уеду. Не думала, что ты позвонишь. И я не...

— Я не сомневался, что ты сдержишь слово. Ты хочешь со мной разговаривать?

— Да. Только не очень понимаю, как и о чем.

— Расскажи мне, почему ты плакала. Пожалуйста.

— Игорь, давай не будем. Никому не станет лучше, если я расскажу.

— Нет, давай будем. Пожалуйста, расскажи. Если только это не тайна, которую обязательно нужно сохранить.

Он вдруг удивляется тому, как звучит его голос: совсем не так, как неделю назад, когда он принес нотариусу завещание. Неделю он ни с кем не говорил и не слышал себя, и вот его слова звучат удивительно твердо и вменяемо.

— Я ходила на свидание, — говорит Яна после паузы, и он чувствует, как ему становится тяжело и неприятно в области грудной клетки, как будто на нее положили пару кирпичей. — Вчера вечером. С очередным хорошим парнем, которому я очень нравлюсь и который проявил чудеса терпения, приглашая меня снова и снова. И я подумала, что нужно отвлечься, а то сойду с ума. И пошла, а потом сбежала. Все было ужасно.

— Он пришел в шортах с пальмами и черных носках до колена, заказал водки и пива и смешал в пропорции один к одному? — Игорь нервно смеется.

— Нет. — Она тоже улыбается сквозь вновь подступающие слезы. — Он прекрасно оделся, прилично себя вел и был очень милым. Дело вообще не в нем. Я не могу, Игорь. Не могу. Я даже смотреть не могу ни на кого другого. Я

не должна тебе рассказывать о таких вещах, но я просто не знаю, как мне теперь жить. Ты со мной встречаться не можешь, а с другими не могу я. Я не знаю, что мне делать. Не знаю.

Она опять смотрит в сторону, чтобы переждать, пока слезы отступят. Ветер бросает прядь волос ей в лицо, она ловит ее и заправляет за ухо.

— Давай я тоже расскажу то, чего не должен.

— Давай. Чтобы все было честно, как ты говоришь.

— Я почти повесился полчаса назад.

— Я две недели вижу во сне, что ты умер. Каждую ночь.

— Примерно тогда я и принял это решение.

Она снова прячет глаза, чтобы скрыть слезы, но скрыть не получается — теперь они слишком видимые и настойчивые.

— Каждую ночь, Игорь. Каждую ночь я вижу, что ты мертвый и совсем худой

— одни кости, обтянутые кожей. И я откуда-то знаю во сне, что ты самоубийца.

— Она делает паузу, чтобы проглотить слезы. — И еще знаю, как больно, страшно и одиноко тебе было в последние минуты, и даже умирать расхотелось, но ты был уверен, что это единственный выход, и честно довел дело до конца.

Она закрывает лицо руками и плачет, не в силах больше сдерживаться.

— Так и было. Все так, кроме самого последнего шага. Я подготовился за эти две недели, закончил все дела, встал на стул, засунул голову в петлю, а потом вспомнил, что меня некому хватиться до середины августа. И еще вспомнил, что у тебя мои ключи. Долго прикидывал, в какой стадии разложения будет труп, когда ты войдешь в квартиру, и пришел к выводу, что в не самой подходящей для этой встречи. И насчет ощущений ты тоже права. Я бы действительно честно довел дело до конца, если бы не ключи, но так страшно и плохо мне не было еще никогда.

Оба молчат.

— Я ведь тоже прав? Ты бы сама пошла меня искать, не доверяя это посторонним?

Вместо ответа она наклоняет голову — так, что в кадре остается одна макушка, — а потом возвращается и подносит прямо к камере что-то блестящее. Камера фокусируется: это те самые ключи, которые только что спасли ему жизнь.

— Вот, — говорит она. — Я ношу их с собой каждый день, всегда. Даже в самых маленьких сумках, куда влезают только карта и блеск для губ.

Он смотрит на ключи. Потом на нее. Как все это безумие могло произойти? Как он мог всерьез думать, что она просто поплачет немного после его смерти, а потом продолжит жить, как ни в чем не бывало? И как называется то, что она к нему чувствует, вот эта странная штука, которая заставляет ее таскать с собой железо, открывающее его дверь, через океан от самой двери?

— Я вспоминала про них перед отъездом, думала написать, передать как-нибудь. А потом поняла, что не хочу ничего писать и отдавать тоже не хочу. Так и уеду. Пусть у меня что-то от тебя останется, даже если это будут ненужные ключи, которыми все равно больше никогда не придется пользоваться.

Яна моргает, чтобы не заплакать снова, накрывает ладонь с ключами второй ладонью и прижимает их к щеке. Смотреть на это просто невозможно. И отвернуться невозможно тоже.

— Значит, не зря я тут сижу. — Он нервно смеется. — В общем, я решил слезть и подготовить план, по которому кто-нибудь найдет меня раньше. А потом потерял равновесие. Чудом вытащил голову до того, как свалился вниз. Представляешь, какой это был бы идиотизм — повеситься случайно?

— Я чувствую, как мне с каждым твоим словом становится все хуже. Если упаду в обморок, не пугайся слишком сильно.

— Это вся история, собственно. Ударился об пол со всей дури и понял, что только что завязал с суицидальными наклонностями. Пошел, перечитал записки, которые до того написал, обнаружил, что это не записки, а какой-то сопливый мудизм, и теперь тоже не знаю, что делать дальше.

— У меня два вопроса, можно?

— Давай.

Несуществующие боги всех мировых религий, как ему ее не хватало. Возможности просто говорить с ней. Открывать рот, произносить слова и понимать, что она их слушает.

— Почему ты такой худой. Про ссадину на лбу поняла — содрал кожу веревкой, когда пытался выбраться.

— Это была не веревка, а ремень, но да. А второй?

— Кому были адресованы записки с сопливым мудизмом.

— Я худой, потому что неделю вообще ничего не ел. Планировал, как бы это назвать, сделать несимпатичную смерть от повешения чуть более симпатичной. Одна записка была для Савинова: я ведь обещал позвонить ему, если решусь на самоубийство, на этом обещании построено все наше с ним общение уже много лет. А я не позвонил, испугался, что он сможет меня отговорить. Пришлось приготовить для него немного сопливого мудизма о том, что я не забыл и не забил, а просто зассал, что он меня остановит. Извини за выбор слова, но это именно то, что я сделал. — Он усмехается, горько, недобро, но и не так зло, как обычно, и сам удивляется этому. — А вторая записка была адресована тебе.

Она убирает руки от лица, поднимает глаза и смотрит прямо на него, прядь сбегает из заключения за ее ухом, несильный и, видимо, очень теплый ветер тут же начинает с ней играть. Игорь смотрит на это и вдруг добавляет:

— Я тебя люблю.

Яна открывает глаза шире, хотя у нее и так большие глаза, а он продолжает:

— Не знаю, что чувствуют другие люди, когда думают, что кого-то любят. Но мне почему-то кажется, что то же самое. Знаешь, я в тот вечер — ну, в тот, ты понимаешь, про что я, — решил, что вот сейчас ты выйдешь из ванной, а я буду умолять тебя не уходить. А ты вышла и сказала, что я был прав и тебе пора идти и вообще лучше уехать из страны. Я очень хотел открыть рот, но рот не открывался, как это часто со мной бывает. И ты ушла. Вот такая глупая история.

Она хочет что-то сказать, но он перебивает:

— Я не обвиняю тебя, совсем наоборот. Я же сам говорил, что тебе нужно уйти. Просто потом передумал — и не смог сказать об этом. А потом, когда меня отпустило, уже опять передумал. Решил, что для тебя так будет лучше. Я не самый разумный выбор. Я вообще не представляю, как у меня хоть что-то получится с другим живым человеком, даже таким терпеливым, как ты. Но даже если получится, я не самый разумный выбор. Правда.

— Я не хочу разумный выбор. Вокруг сплошной разумный выбор, но я его не хочу. — Она кивает куда-то в сторону. — Вчера я ходила с разумным выбором на свидание, сбежала с него, выпила бутылку вина в одиночестве и рыдала до четырех часов утра. Думаю, на этом основании уже пора сделать вывод, что разумный выбор не для меня.

— Ты хочешь остаться там? В Калифорнии?

— Нет. Может быть, я когда-нибудь и вернулась бы, тут по-своему здорово. Но не сейчас. Я еще не могу нормально общаться с отцом. Ты бы меня не узнал,

если бы увидел рядом с ним. Я веду себя, как комнатная собачка, которая сделала лужу посреди гостиной и сейчас ее будут наказывать. Мне даже не обязательно быть в чем-то виноватой, он одним взглядом приводит меня в такое состояние. Так что я не хочу здесь оставаться, совсем не хочу. — Она грустно смеется. — И я тоже тебя люблю. Давно и сильно.

— Не ходи к ним первого. Скажи, что передумала. Возвращайся. Ты мой лучший и единственный друг, самая красивая женщина из всех, кого я видел, и смогла обратить на меня внимание, потому что разумный выбор не для тебя. Я считаю, нужно быть полным идиотом, чтобы не предложить тебе вернуться. Хотя у вас там очень мило, как я вижу.

— Приезжай ко мне в гости, если хочешь. Пока еще каникулы.

— Нет. — Он улыбается, тоже грустно. — Спасибо, но не сейчас. Пока рано. Мне вообще надо что-то с собой сделать.

— Главное, не то, что ты пытался сделать сегодня.

— Нет, с этим я завязал. Староват для таких приколов, как выяснилось.

Она улыбается, но по взгляду понятно, что в этой шутке есть не просто доля правды, а очень большая доля. Она боится за него, все еще ужасно боится.

— Правда. Не переживай об этом. Больше никаких самоубийств, обещаю. Я в завязке. — Он глупо хихикает при слове «завязка». Как будто это смешно. — Но что-то делать надо, потому что... Потому что я не представляю, как мы будем общаться, когда ты приедешь. Хотя очень тебя жду.

— Ну, мы будем общаться. Это уже много. А может, ты даже поцелуешь меня, и это продлится не четыре секунды, а десять.

— Я думаю, даже двадцать.

— Оу. Это круто.

— Яна. Ты ведь понимаешь, про что я? Это не тот случай, когда у человека никаких проблем, кроме комплекса неполноценности.

— Понимаю.

— Ты будешь терпеть мою больную голову? Хотя чего это я. Ты уже ее терпишь.

— Вот именно. А теперь к ней еще будет прилагаться бонус в виде двадцатисекундных поцелуев.

— Договорились.

— Договорились.

— Когда ты вернешься?

— У меня тут уже кое-какие дела, потому что я вообще не собиралась возвращаться, ты знаешь. Но постараюсь поскорее.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, открытая запись, июль 18, 2078

Я еще не рассказывал здесь, что подружился с котом, пока лежал в больнице. Но настало время сообщить об этом всему миру! Рассказываю: подружился с котом, красивым, рыжим и совершенно таким, какой мне всегда был нужен. Потом выписался, пожалел, что недостаточно убедительно звал кота пойти с собой, и вынес мозг главному врачу больницы необходимостью его найти. И переноску им привез, чтобы было куда его заманивать, если объявится.

И вот два часа назад эта святая женщина позвонила мне со словами, что кот явился не запылится, без всяких реверансов и приглашений залез в переноску и спит там как ни в чем не бывало, без задних лап. В этот момент его увидели и закрыли внутри переноски, а он даже не проснулся. Я помчался туда, переживая, все ли с ним в порядке, — все же сложновато спать так, чтобы пропустить момент лишения тебя свободы, но рыжему лентяю удалось! Все с ним было в полном порядке, переноска была заполнена спящим рыжим котом. Тем самым! Надеюсь, что не похищаю его у каких-нибудь хороших людей. Если прежние хозяева опознают его по этой фотографии, немедленно отдам, хоть и загрузу. А пока я просто очень рад, что все получилось.

Теперь у меня есть клевый рыжий кот по имени Красный Кварк. На приставку «Красный» он говорит недовольное «мррр», но выбора у него нет. Он же правда Кварк и правда красный. Вот посмотрите, какое чудо:

Прикрепленная картинка: фотография красивого рыжего пушистого кота Кварка

Дубна, Центральная Российская республика, июль 22, 2078

Чем меньше времени оставалось до ее возвращения, тем хуже ему становилось. Он нисколько не жалел, что вышло так, как вышло. Но чем больше он думал о

том, как себя вести, встретив ее в аэропорту, как вообще вести себя каждый день и как долго она протянет в этом подобии отношений, прежде чем сбежать куда глаза глядят, тем хуже ему спалось, дышалось, тем стремительнее таял и без того не богатырский аппетит и мрачнело отражение в зеркале. Он собрался с силами и предпринял очевидное: купил себе гору новой одежды по размеру и каждое утро делал зарядку, чтобы перестать походить на скелет. Все прочее оставалось загадкой, и чем сильнее он старался ее разгадать, тем больше боялся предстоящей встречи. Адреналиновый приход после неудавшегося самоубийства, который помог ему признаться в любви в тот день, прошел, а он остался — неуверенный ни в чем, кроме того, что правда её любит, ничего не знающий об этой стороне жизни, не сумевший даже поцеловать её нормально в день их последней встречи на том крыльце.

А потом ему написала Оля. Один черт знает, как она нашла его адрес — наверное, так же, как Яна несколькими месяцами раньше нашла ее, — но это и не важно. Важно, что он полночи провел, бесцельно пялясь в монитор и думая, что будет делать в день, когда в Москве приземлится самолет, который доставит Яну к нему, и уже собрался ложиться спать — когда заметил уведомление о новом письме от Ольги Солдатовой. Он моргнул, не веря своим глазам, убедился, что ему не показалось, и нетвердой рукой щелкнул по сообщению. Письмо было простым, ясным и сдержанным, как она сама.

«Привет. Не уверена, что ты меня помнишь, но, если помнишь, мне нужно с тобой встретиться. Я буду в Москве на следующей неделе.

Оля».

Он перечитал еще раз. Скорее всего, она догадалась, что с завещанием что-то не так, начала копать и выяснила, что это никакое не завещание, а их с Яной безумная идея, и теперь собирается вернуть ему деньги с рекомендацией засунуть их себе в задницу и не строить из себя благодетеля. В общем, этого следовало ожидать. Он стал писать ответ, стер все к чертовой матери, снова написал, снова стер, снова написал, прочитал четыре раза и наконец отправил.

«Привет, Оля.

Конечно, помню. Напиши, когда и где тебе удобно. Я приеду в любой день».

Несмотря на то что тема их будущего разговора кристально ясна, это самая пугающая встреча, на которую он когда-либо собирался. Ему придется сидеть рядом с ней, слушать ее, смотреть ей в глаза. Ответ приходит раньше, чем ему удается в полной мере осознать, что его ждет.

«Прекрасно, тогда послезавтра в восемь. Место уточню позже».

Он проводит остаток ночи без сна, отключается, когда уже рассвело. Около двух часов дня Яна будит его звонком, они болтают. Он почему-то не рассказывает ей про письмо. Все оставшееся время до встречи с Олей он проводит за двумя занятиями: сном и навязчивыми мыслями, как лучше ответить на ее предложение забрать деньги и никогда больше не лезть в ее жизнь. В назначенный день он просыпается за час до звонка будильника и слоняется по квартире, каждые десять минут проверяя почту. Оля не пишет. Он принимает душ, пьет кофе, открывает шкаф и зачем-то надевает костюм, как будто собирается на экзамен, а не на личную встречу. В половине шестого, когда он уже думает, не написать ли самому, от нее приходит короткое, как и все предыдущие, письмо с адресом.

Игорь вызывает такси — задача добраться до Москвы общественным транспортом кажется ему невыполнимой, — падает на заднее сиденье и прижимается лбом к стеклу. Это не шутка и не ошибка, Оля действительно нашла его и ждет в Москве. Дорога кажется нереальной — город, как обычно, похож на утренний кошмар, который снится случайно задремавшему после звонка будильника человеку, и тревога и страх перед необходимостью столкнуться с кошмаром своего детства лицом к лицу удивительно точно находят отражение в картинах за тонированным окном.

По указанному адресу оказывается приличная недорогая гостиница. Он решает, что Оля ждет его в баре, выясняет, что бар на седьмом этаже, и садится в лифт, все три стены которого целиком состоят из зеркал. Игорь всматривается в свое отражение. У него вид человека, который сбежал с операционного стола, оставив половину внутренностей в руках врачей. Не чувствуя собственных шагов, как будто дело происходит во сне, он заходит в большой полутемный, почти пустой зал, неуверенно оглядывается по сторонам и видит ее. Она сидит к нему спиной в самом дальнем углу. Если бы не ее свежие фотографии, возможно, он бы не узнал ее со спины — она поменяла цвет волос на более светлый и перестала быть костлявым нескладным подростком. В отличие от него.

В голову вдруг приходит подлая мысль, что нужно развернуться и быстро убежать, пока она его не заметила, он колеблется, уговаривает себя сделать шаг в ее сторону, но ноги не слушаются, и тут она поворачивается и смотрит на него. Игорь старается сделать вид, что только что вошел, и медленно идет к ней. Когда он подходит вплотную к ее столику и останавливается, не зная, что сказать или сделать, Оля поднимает на него глаза, внимательно рассматривает, а потом говорит:

— Привет.

Она выглядит уставшей, но это она — настоящая и очень красивая.

— Привет, — отвечает он и чувствует, что ноги отказываются его держать. — Я сяду?

— Разумеется. — Оля сдержанно удивляется и кивает. — Выпьешь что-нибудь?

Он мотает головой и тяжело опускается на стул напротив нее.

— Как хочешь. — Она делает глоток из своего стакана с каким-то коктейлем ядовито-зеленого цвета и снова внимательно смотрит на него. — Ты как-то странно выглядишь.

— Как? — спрашивает он, уставившись на темную блестящую поверхность стола.

— Одновременно очень хорошо и очень плохо. Болеешь?

Он кивает, не поднимая глаз. Находиться с ней рядом еще мучительнее, чем он себе представлял.

— Чем? Если это мое дело, конечно.

— Проблемами с головой, в основном. — Он вдруг решает говорить правду в ответ на все ее вопросы. — И алкоголизмом.

— А так сразу и не скажешь. — Она оценивающе смотрит на него.

— Стараюсь. — Он пожимает плечами.

К ним подходит официант.

— Я прошу прощения, — говорит Оля, — можно пока не обращать на нас внимания? Мы подойдем сами, если что-нибудь будет нужно.

Она улыбается, широко и не очень естественно, официант кивает, улыбается в ответ и исчезает.

— Врач, к которому я хожу много лет, говорит, что надо признаваться себе во всем. — Она смотрит на него, и адресованная официанту улыбка медленно исчезает. — Мне больно тебя видеть.

Он сглатывает слюну и формулирует ответ.

— Я вообще не понимаю, почему ты еще не бросила стаканом мне в голову. Если что, я не против.

— Это эффектно, но неконструктивно, — рассудительно говорит она, как будто всерьез рассматривала такую возможность, качает головой и делает глоток. — Ладно. Давай перейдем к тому, ради чего я тебя сюда вытащила.

Он сжимает зубы так, что начинает ломить в висках, и кивает.

— Отлично. — Она делает еще глоток. — В таком случае объясни мне, пожалуйста, почему ты не хотел со мной разговаривать после того случая во дворе.

Он не верит своим ушам и первый раз за все время смотрит ей в глаза.

— Извини, что?

— Что слышал. — Оля выдерживает его взгляд, не моргнув, хотя видно, что это дается ей нелегко. — Если ты думаешь, что мне будет приятно повторить еще раз, то ошибаешься.

Он поднимается на ноги, держась за стол.

— Если ты не возражаешь, я все-таки выпью.

— Нисколько. — Она усмехается. — Я вот тоже решила, что выпить не помешает.

Игорь медленно доходит до барной стойки, заказывает стакан чистой водки со льдом и на треть опустошает его под понимающим взглядом бармена. Кажется, она ничего не знает про деньги и просто решила встретиться с ним и поговорить. Эта мысль не укладывается в голове даже после водки. И самое ужасное, что теперь уже поздно и придется как-то отвечать на ее вопросы. Он берет стакан и возвращается к ней.

Довольно долго они сидят, не глядя друг на друга, а потом он зачем-то спрашивает:

— Тебе правду?

— Думаешь, я шла на эту встречу для того, чтобы слушать вранье? — с вызовом спрашивает она, и за ее злостью он слышит страх.

Игорь делает хороший глоток.

— Ну, во-первых, естественно, потому что я мудака.

— Эту часть можешь опустить за ее очевидностью.

— Как скажешь.

Он набирает в легкие воздуха и вспоминает, как говорил с Яной о своем детстве, первый раз в жизни не раздумывая над каждым словом. Нужно просто сказать правду. То, что было на самом деле, не нужно придумывать, а значит, должно получиться.

— Я не мог. Не мог этого слышать, — тихо говорит он. Оля внимательно смотрит на него, и в ее глазах что-то неуловимо меняется. — Боялся, что ты захочешь рассказать, что будешь плакать, а я не смогу тебя слушать и утешить не смогу. Я до сих пор не могу слышать про такие вещи. Я бы не смог тебя пожалеть, понимаешь? Мне хотелось орать и драться, когда я слышал о чем-нибудь подобном, чтобы не вспоминать. Знаешь, что бы я сделал, если бы ты что-нибудь сказала? Я бы велел тебе заткнуться. Или ударил. Все что угодно, лишь бы ты делала вид, что все в порядке. Конечно, я тогда не думал именно так, такими словами. Я вообще об этом не думал, все получалось как-то само. Но это правда. Мне проще было сделать вид, что тебя не существует, чем послушать.

С ее лица окончательно спадает маска.

— Ты сказал — чтобы не вспоминать?

Он кивает.

— С тобой что-то случилось? Когда ты жил с родителями или уже там?

— Да это ерунда на самом деле. — Игорь виновато пожимает плечами. — По сравнению с тем, что бывает с другими людьми, это полная ерунда.

Она хмурится и пристальнее вглядывается в его лицо. Он думает, что случившееся с ним и в самом деле неприлично легкий случай — хотя бы по сравнению с тем, что случилось с сидящей напротив женщиной, — и черная пелена стыда застилает ему глаза.

— До того, если для тебя это важно. Когда я еще жил дома.

— Важно.

— Мачеха. Новая женщина отца после смерти мамы. Два года с перерывами.

— Два года? — переспрашивает она, прикидывая что-то про себя. — Сколько тебе было лет, когда все началось?

— Не хватало нескольких дней до двенадцати. Но это ерунда, правда. Она ведь даже не держала меня, не применяла силу. Я попытался сопротивляться всего

один раз, в самом конце этой истории, а обычно просто впадал в ступор, и она сама все делала.

— Нет, — тихо, но очень уверенно говорит Оля. — Это не ерунда.

Игорь поднимает на нее глаза, в голове появляется первый смутный вопрос, но тут же исчезает.

— А еще было очень стыдно перед тобой. Что я даже не попытался ничего сделать, просто смылся, как последняя мразь.

Он приканчивает стакан, вытаскивает со дна кусок подтаявшего льда, крепко сжимает в руке. Холод немного приводит его в себя. Он глубоко вдыхает и думает, что, оказывается, очень хорошо встречаться там, где есть другие люди. Будь они наедине, он бы уже валялся у нее в ногах и рукавом вытирал сопли, а при свидетелях еще ничего, держится: сидит на стуле и даже что-то блеет.

— И до сих пор стыдно.

— Извини, — говорит она и быстро встает, и ему кажется, что она вот-вот заплачет. — Я сейчас.

Игорь провожает ее глазами, идет к барной стойке и заказывает второй стакан. Оля возвращается минут через пятнадцать, какая-то совсем другая, словно прошло не пятнадцать минут, а пятнадцать лет, садится на свое место и говорит, глядя в сторону:

— Я теперь не могу понять только одного: почему я не нашла тебя раньше?

Он нерешительно поднимает на нее глаза.

— Все так глупо. Ужасно и глупо, и из-за этого еще ужаснее. — Она качает головой. — Давай выпьем. А потом я кое-что тебе расскажу.

Она поднимает стакан с коктейлем, он тоже поднимает свой, слышит звон и вдруг понимает, что все эти годы у него был близкий человек. Их не связывает ничего хорошего, но кто, в конце концов, сказал, что плохое не может связывать? Оля приканчивает стакан и морщится, как будто в нем был не коктейль, а чистый спирт.

— После того как ты ушел, ничего не было.

Несколько секунд он молча смотрит на нее, не моргая, а потом спрашивает:

— Что?

— Да, Игорь. Да. И, главное, я пыталась тебе об этом сказать еще тогда.

Он наклоняется ближе, словно боясь упустить какое-нибудь слово.

— Когда ты ушел, я поняла, что кричать и сопротивляться бесполезно. Или не поняла, а на меня просто что-то нашло; не знаю. Я сказала им правду. Что меня скоро заберут родственники, что они уже собирают документы, что они любили моих родителей и любят меня, и, если я расскажу им, что меня кто-то тронул, они сделают все, чтобы отправить этих людей в тюрьму.

Он слушает ее, боясь дышать.

— И еще я сказала, что у нас с тобой ничего не было. — Оля невесело улыбается. — Что у меня вообще ничего ни с кем не было. У них же такая логика, что после первого раза уже все равно, а если никакого раза не было, не стоит связываться. И это сработало. Они еще повывалялись, конечно, пообсуждали, что родственников я выдумала и вообще пизжу и что они будут со мной делать, чтобы мне расхотелось пиздеть, но уже было видно, что скоро сдуются.

— Оля, если это правда, — он слышит свой дрожащий голос откуда-то со стороны, — то это лучшее, что я слышал в жизни.

— А почему «если»? Тоже думаешь, что я пизжу?

Оля смеется, и из уголков ее глаз выкатывается по слезинке, и она быстро их смахивает.

— Не думаю. Просто это настолько здорово, что трудно поверить.

— Если история про отморозков — лучшее, что ты слышал в жизни, остается только посочувствовать, — весело говорит она и снова смеется, но смех больше похож на истерический плач. — Давай сменим тему на время, ладно?

— Давай. — Он с готовностью кивает и прикладывает к стакану.

— Можно спрашивать про твою жизнь?

Еще полчаса назад он бы засомневался.

— Конечно.

— У тебя есть девушка?

— Сейчас, кажется, есть. Но не думаю, что это надолго.

— Почему? — Она наигранно поднимает правую бровь. — Боишься, что надоест?

— Что?

— Ты так часто задаешь вопрос «что»! — Снова нервный смешок. — Она надоест, что же еще.

— Она мне?

— Ну да, а кому, мне, что ли? — Оля перестает улыбаться и качает головой. — Ты всегда был немножко странным, и сейчас ничего не изменилось.

— Наоборот, ей надоест. И я, в общем,нисколько не обижусь.

— У вас проблемы?

Он молчит, пытаясь придумать сколько-нибудь достойный ответ, потом плюет.

— У меня. Одна сплошная проблема вместо жизни, сколько себя помню. Мне иногда кажется, что она ненормальная.

— Жизнь?

— Нет, она. Девушка. Хотя жизнь, безусловно, тоже. — Он смеется и чувствует, как к глазам подступают слезы; привычка плакать и смеяться одновременно оказывается заразной.

— Это точно. А девушка почему ненормальная? Ты делаешь что-то ужасное?

— Пока я вообще ничего не делаю. — Игорь вдруг с удивлением понимает, что правда хотел бы поговорить с Олей. Она кажется достаточно нормальной для того, чтобы дать ценный совет, и в то же время не настолько нормальной, чтобы прийти в ужас от его истории. — Мы вместе учимся и много общались в последнее время, работали над одной темой, потом она сказала, что я ей нравлюсь. Я понял, что она тоже мне очень нравится, но ответил, что ничего не получится. Не хотел, чтобы она встречалась с таким уродом, она слишком хороша для этого. Она уехала в Штаты к отцу. Я окончательно решил, что не хочу жить, собрался повеситься, не смог, потому что забыл забрать у нее ключи от квартиры, а шокировать ее видом своего разложившегося трупа не входило в мои планы. А она бы обязательно прилетела, услышав, что я пропал. В тот же день мы созвонились и договорились, что она вернется и мы будем встречаться, потому что любим друг друга. И все. Ее самолет через неделю, а я понятия не имею, что мне делать, чтобы это продлилось подольше. Я ничего не умею. Мне нечего ей дать. У меня ничего ни с кем не было, Оля, кроме вот этого, не знаю, как назвать... ничего.

— Роковой мужчина. — Оля смеется. — Вы еще не начали встречаться, а она уже летит ради тебя через океан.

В глазах темнеет.

— Я рад, что тебе весело. Я бы тоже хотел повеселиться, но не могу.

Он пробует успокоиться, но все становится тяжелым, даже просто сидеть на стуле ужасно трудно.

— Игорь, ты влюбился. Вот что это такое. — Она осторожно трогает его за руку, и у него нет сил даже понять, плохо ему от этого или нет. — И ты волнуешься, потому что все влюбленные волнуются. А ты волнуешься еще в десять раз сильнее — потому что опыта у тебя нет, а ощущение собственной неполноценности есть.

Он едва заметно кивает.

— Но так нельзя. Если ты оставшуюся неделю будешь вот так себя есть, то вместо девушки получишь нервный срыв и больницу.

— Я бы с радостью перестал, но не знаю, как.

— Ты когда-нибудь был у врача? — неожиданно строго спрашивает Оля. — У специалиста, так сказать, по голове? Тебе бы курс транквилизаторов начать прямо сейчас, чтобы успокоиться перед вашей встречей. А потом и со всем остальным поработать.

— Нет. Один раз написал письмо, получил ответ в духе «старайтесь смотреть на все с оптимизмом и во всем находить положительные стороны» и решил, что такого лечения мне не надо.

— Понятно. Это был не специалист, а говно.

Игорь смеется.

— Сильно сказано. А если найти специалиста, который действительно специалист, думаешь, поможет?

— Почти уверена. — Она пожимает плечами. — Мне помогло.

— Яна тоже как-то говорила, что мне нужен врач.

— Мне уже нравится твоя Яна. Схожу за добавкой. — Оля кивает на свой пустой стакан.

Она возвращается через пару минут, садится и задумчиво говорит:

— Ты, конечно, вряд ли меня послушаешь, раз не слушаешь даже свою девушку, но тебе правда надо к врачу. У тебя есть все, чтобы жить и радоваться: близкий человек, учеба, перспективы. И деньги, думаю, тоже. Будущее есть, понимаешь? Надо только с прошлым разобраться. Соберись и сходи к нормальному специалисту. Потом будешь вспоминать, как собирался вешаться, и не верить, что это был ты.

— Я подумаю об этом.

— Серьезно подумаешь?

Он кивает.

— Конечно. Но, наверное, все равно ничего не выйдет. Дело же не в том, что я считаю это бесполезным, а в том, что я не представляю, как это: прийти к незнакомому человеку, сесть напротив и сказать, что у меня вот такие и такие проблемы, посоветуйте, что делать. Я незнакомым людям часто даже «здравствуйте» сказать не могу, стою молча, пока человек не решит, что я немой или дурак, и думаю, что лучше бы моя мать сделала аборт.

— Ну, еще раз письмо напиши, значит. — Оля улыбается. — Только сначала найди хорошего доктора, а то получишь еще один сам знаешь какой ответ.

Он снова кивает.

— Все будет хорошо. — Она наклоняется вперед и снова берет его за запястье.
— Вот увидишь. Ты только соберись, и все будет хорошо.

Он отдергивает руку.

— Не говори так, ладно? Ненавижу, когда так говорят.

— Почему? — спрашивает она, нисколько не обидевшись.

— Потому что для тех, кто так говорит, это просто пустой звук.

Она наклоняется еще ближе, и в ее теплых глазах загорается злость.

— Пустой звук? Мои родители погибли, когда мне было двенадцать, оба в один день. Потом меня отправили в детский дом, где я чудом не стала жертвой группового изнасилования, а мальчик, который мне нравился, перестал со мной после этого разговаривать. Потом я вышла замуж, и у меня родился больной ребенок, и почти три года я каждый день думала, что он умрет. А теперь у меня наконец-то все хорошо, и за слова про пустой звук ты не получишь по морде только потому, что я добрая.

— Мне было бы легче, если бы получил. — Он делает глубокий вдох, стараясь успокоить взбесившийся пульс. — Извини.

— Моя цель не в том, чтобы тебе стало легче, — говорит она совершенно спокойно, как будто предыдущих тридцати секунд не было, — а чтобы стало легче мне.

— Надеюсь, что станет.

— Уже. — Оля откидывается на стуле. — Ладно, это ты меня извини. У тебя не морда, а вполне приятное лицо. И я понимаю, что тебя достало слышать, что все будет хорошо, когда все плохо.

Игорь молчит, глядя в одну точку на столе.

— И подумай над моими словами. В конце концов, повеситься никогда не поздно. — Она улыбается, как будто весело, но в глазах нет никакого веселья. — Кстати, почему-то люди, которые много пьют, всегда именно вешаются, а не что-нибудь еще. Может, ты знаешь почему?

— Я бы предпочел пулю в голову или нажраться лекарств, но у нас со всем этим очень строго. Оружие трудно достать, а чтобы получить рецепт, нужно пройти двести обследований. Остается прыгать из окна, резать вены и вешаться. Вены я уже резал, когда был маленьким, второй раз не хочу, прыгать из окна страшно — меня в прямом смысле слова тошнит при одной мысли о том, чтобы лететь вниз. — Он равнодушно жмет плечами. — Ничего интересного.

— Я так злилась на тебя все эти годы, — разочарованно говорит Оля. — Злилась, обижалась и даже ненавидела. А оказывается, человека, к которому я все это испытывала, не существует.

Он искренне удивляется.

— Почему?

Она неопределенно машет рукой и делает глоток.

— Ты понимаешь, что я злилась не из-за того, что ты не стал играть в супергероя? Я же не совсем дура. Если бы ты остался, было бы только хуже. Сам бы получил по голове, и меня они на твоих глазах ни за что бы не отпустили.

— Ты правда так думаешь?

— Ну конечно. — Оля качает головой. — Даже странно, что ты спрашиваешь. Это в кино худенькие мальчики и девочки раскидывают по сторонам компании

крепких злоумышленников, а в жизни лучше не пробовать.

Он смотрит на нее не отрываясь.

— Дело, естественно, не в этом. Я бегом побежала к тебе, чтобы сказать, что все обошлось, а ты не стал со мной разговаривать. Причем не просто не стал, а отшатнулся с таким видом... Не знаю даже, как описать. Как будто решил считать меня пустым местом. Это я сейчас знаю почему, после того как наконец-то нашла тебя и спросила. А что я должна была тогда подумать?

Его ладони за секунду покрываются липким потом.

— Ты не знал, что ничего не было. Значит — по крайней мере, тогда мне это показалось единственным вариантом, — решил, что я больше недостойна твоего внимания. После того, что случилось.

— Оля, но это же не...

— Ты не мог бы заткнуться и дослушать? Я попыталась еще раз, и еще, но ты упорно от меня бегал. Сейчас я понимаю, что нужно было попробовать как-то по-другому, записку там, что ли, написать. А тогда я решила забить на тебя в ответ. Это было не очень трудно, тем более что меня совсем скоро забрали из этой жопы. Но сложившаяся у меня в те дни картина мира, в котором парень, видя, что девочку собирается по очереди трахнуть компания уродов, мало того что не пытается им помешать, так еще и считает ее после случившего недостойной его драгоценного внимания, в дальнейшем доставила мне море приятных моментов. И еще в этой картине мира присутствовал тот факт, что я не способна отличить хорошего человека от мудака. Ты же был единственным, с кем я общалась во всем этом сумасшедшем доме. И вот, пожалуйста! В общем, мне еще много лет казалось, что все мужчины мира, кроме моего покойного отца, — грязь, к которой противно прикасаться, просто некоторые — один сорт грязи, как эти уроды, а некоторые — другой, как ты. И еще никому нельзя доверять, потому что с тобой сначала общаются как с человеком, а потом случается что-нибудь страшное, и вот ты уже никто.

Игорь сидит, сжав голову в ладонях с такой силой, как будто хочет сломать ее.

— Самое ужасное, что из-за всего этого со мной мучились люди, которые были вообще ни при чем: приемные родители, друзья, будущий муж. С мужем мы познакомились, когда мне было восемнадцать, а ему двадцать три. Я ему морочила голову год. Страшно вспоминать. Назначала встречи, потом не приходила, потом звонила как ни в чем не бывало. Говорила, что нашла другого, потом признавалась, что наврала, просила прощения, снова назначала встречи... Ужас. Он пару раз не выдерживал, посылал меня к черту и начинал встречаться

с какими-то девицами, но через некоторое время возвращался. Когда я стала доверять ему настолько, чтоб хотя бы приходиться на все свидания и брать трубку каждый раз, когда он звонит, — Оля быстро вытирает стоящие в глазах слезы, — решила пойти к нему в гости. Пришла, он стал укладывать меня в постель, а я устроила страшную истерику. Он стал меня утешать и спрашивать, что случилось, и я ему рассказала вот эту историю, про тебя и уродов, с одной маленькой поправкой: не стала уточнять, что они меня все-таки отпустили и ничего не было. Хотела проверить, захочет он иметь со мной дело, зная про меня такое, или поведет себя, как ты тогда. Совсем была без головы. Он пришел в ужас, носился со мной, собирался кого-то там искать и убивать, боялся до меня дотрагиваться еще, наверное, полгода, чтобы я не подумала, что он такой же и хочет от меня чего-то против моей воли.

Оля залпом приканчивает свой коктейль.

— Наверное, надо выпить водки, как ты, а то эта цветная херня не действует. Через полгода я ему призналась, что соврала, рассказала, как все было на самом деле и что до сих пор ни с кем не спала, и он чуть меня не убил. Ну, то есть нет, конечно, но орал так, что слышал, по-моему, весь дом с первого по девятый этаж, и называл словосочетаниями, каких я раньше не слышала. Ушел, сбрасывал мои звонки, а я как раз поняла, что люблю его, и какой он хороший, и как надо за него держаться. Несколько месяцев мы не виделись, потом я ему написала письмо, что люблю, страдаю, умираю, все поняла и прошу прощения, он ответил, чтоб я шла лечить голову, потому что нормальные женщины так себя не ведут. И я пошла. Еще через полгода мы снова стали встречаться, он стал моим первым и единственным мужчиной, и все наладилось. Встречались несколько лет. Потом узнали, что у нас будет ребенок, и поженились. Потом родился Ванька, начался кошмар с его здоровьем, и стало не до переживаний и самокопания. А через три года его удалось вылечить, я снова стала думать обо всем и поняла, что что-то тут не так. Решила тебя найти и выяснить, что же тогда случилось. Первый раз засомневалась, когда ты так быстро и хорошо ответил на мое письмо, но подумала, что, наверное, ты тогда был маленьким дерьмом, а сейчас вырос, набрался ума и тебе стыдно. А теперь оказывается, что все это просто идиотское стечение обстоятельств.

— Не знаю, поверишь ты или нет, но если бы...

— Не оправдывайся. Ты уже сказал достаточно, чтобы я все поняла. Расскажи лучше про себя еще что-нибудь.

— Не знаю, что рассказать.

— Ну, например, как ты познакомился со своей девушкой.

— Мы вместе учимся, я уже говорил. Она перевелась в нашу группу в начале учебного года.

— И? — Оля вдруг берет его стакан и делает из него основательный глоток. — Извини, лень идти за добавкой.

— Хочешь, я схожу?

— Нет. — Она улыбается. — Сиди.

— Сначала нас познакомили при очень дурацких обстоятельствах, я решил, что она больше никогда со мной не заговорит после этого. Но она заговорила и, пока я молчал, думая, что ответить, не стала повторять, как делают все остальные, не рассердилась, не ушла, а молча ждала. Мы как-то пообщались. Потом еще раз. И стали часто разговаривать.

— Ясно. А как она выглядит? Красивая?

— Очень. — Он делает глоток и придвигает стакан поближе к Оле. — Я ее не понимаю.

— Странный переход. — Она смеется. — Почему не понимаешь?

— Она могла бы встречаться с нормальным мужчиной. А выбрала почему-то меня, и я порчу ей нервы.

— Паша, мой муж, тоже мог бы встречаться с нормальной девушкой, а не терпеть мои выходки. Он отличный парень — симпатичный, веселый, ответственный, и я была далеко не единственной, кому он нравился. Но ему не нужна была абстрактная нормальная девушка, понимаешь? Ему нужна была я. Он верил, что я это все делаю не для того, чтобы над ним поиздеваться, а потому, что у меня проблемы и я не могу по-другому.

— Яна тоже верит.

— Ну, так она и не ошибается, правда?

— Не знаю. Наверное, нет.

Оля снова делает глоток из его стакана, морщится и смеется.

— Надо пить быстрее, пока она совсем не согрелась! Ты себя в зеркале давно видел?

— Что?

— Почему ты все время спрашиваешь «что»?

— Потому что не могу поверить, что ты на самом деле это спрашиваешь, и думаю, что ослышался. Сегодня видел.

— А мне кажется, что не видел уже много лет. Ты очень хорошо выглядишь. Выражение лица, правда, отсылает к классической литературе, где все ходят бледные и благородно страдают, а в остальном просто прекрасно. Плотно завтракать пару месяцев, заниматься спортом, пить поменьше водки, научиться улыбаться — и можно будет идти работать моделью.

— Издеваешься?

— Как ни странно, нет. В общем, я к чему? Твоя девушка совершенно зря кажется тебе странной. Мне вот все понятно, например. У тебя отличные мозги и внешность, и совесть есть, что уже совсем редкий случай! — Оля звонко смеется. — А что тараканы в голове крупнее среднестатистических, так для этого есть специалисты.

Он пристально смотрит на нее, пытаясь найти в ее лице какой-нибудь признак того, что она пытается его обмануть, но не находит.

— Я вернусь минут через пять, — она решительно встает, — а ты пока позвонишь ей и скажешь, что пойдешь к врачу. Или не позвонишь. Но я бы на твоём месте позвонила!

Оля уходит, а он достаёт телефон и кладёт его перед собой на стол. Случившееся этим вечером настолько невероятно, что не послушать её было бы преступлением. Кажется, с людьми иногда случаются настоящие чудеса. Он подносит телефон к уху. Яна берёт трубку через секунду, как будто все это время только и делала, что ждала его звонка.

— Привет, — говорит она. — Рада тебя слышать.

— И я тебя. Как дела?

— Нормально, а твои?

— Хорошо. Очень. Но об этом лучше не по телефону. — Он закрывает глаза. — Ты ещё не передумала ко мне лететь?

— Нет, с чего бы?

Игорь с облегчением выдыхает. Ему всё ещё трудно поверить, что она на самом деле возвращается в Россию, чтобы быть его девушкой.

— Отлично. Тогда мне нужна твоя помощь.

— Конечно, какая именно?

— Мне нужно найти врача. Психотерапевта. Я не хочу обращаться к Савинову и подумал, что кто-нибудь из института Льюиса мог бы подсказать хорошего специалиста у нас, но не внутри Академии. Ты же многих из них знаешь.

— Все это так на тебя не похоже. — В ее голосе звучит тревога, но ее намного меньше, чем радости. — Но я так рада это слышать. Сегодня же узнаю и пришлю тебе контакты.

— Договорились. Спасибо тебе. За все.

Оля возвращается, садится напротив, внимательно смотрит на него, потом на лежащий на столе телефон.

— Ты позвонил?

— Да. Спасибо, Оля.

— А теперь еще послушай моего второго совета и дойди до врача.

— Я очень постараюсь так и сделать.

— Хорошо. А теперь давай допьем твою водку, — она смеется, — и я задам последний вопрос.

Он кивает, пьет, двигает стакан к ней, и она широким жестом опустошает его.

— Я понимаю, что это звучит несколько странно, но — ты совершенно случайно не имеешь отношения к загадочному наследству от несуществующего родственника, которое я получила в конце прошлого года?

Ну вот она и добралась до главного. А он, идиот, уже решил, что она ни о чем не догадывается и просто хотела поговорить о прошлом.

— Игорь, — Оля и наклоняется к нему, — если ты ответишь «да», ничего не произойдет. Я не стану ругаться, вставать в позу и требовать, чтобы ты забрал свои деньги назад. Я просто получу ответ на еще один волнующий меня вопрос.

Он смотрит ей в глаза.

— Ну?

— Да, — решается он. — Но я не хотел тебя обидеть.

— Ты сказал «обидеть»? — переспрашивает она, не дожидаясь ответа, привстает со стула, наклоняется к нему, обнимает за шею и звонко целует в щеку. — Ты спас мою семью от... много от чего. Не думаю, что этим можно обидеть. — Оля садится на место, в ее глазах снова слезы. — И я ничего тебе не верну, даже если попросишь. — Она смеется, и слезы скатываются по щекам. — Так и знай!

— Не попрошу.

— А твоя девушка знала об этом?

— Не только знала, но и помогла договориться с нотариусом.

— Держись за нее руками, ногами и зубами, вот что. Начинай прямо сейчас. Вставай, иди отсюда, записывайся к врачу и начинай держаться.

Игорь вызывает такси, просит счет, потом соображает, что это счет за алкоголь. Много алкоголя. И что Академия придет в неопишуемое оживление, увидев такое движение по его карте.

— Что-то случилось? — спрашивает Оля.

Он мотает головой из стороны в сторону.

— Игорь, давай не будем валять дурочку. Я же вижу: случилось.

— Академия запретила мне пить. Вообще.

— И если ты сейчас оплатишь этот счет, тебе придет конец. — Она договаривает за него. — Понимаю. Наслышана про ваши правила. Тебе нельзя по нему платить и пить сегодня было нельзя, но ты так удивился, услышав мой вопрос, что был не в силах об этом думать и просто пошел за водкой.

Игорь кивает, глядя в стол.

— Но все в порядке, — продолжает Оля. — Человека, который сделал моей семье такой подарок, я уж как-нибудь угощу парой стаканов.

— Я не...

— Игорь, я знаю, что тебе это неприятно. А еще я знаю, что, если твоя девушка прилетит и обнаружит, что ты точно к вашей встрече пустил свою жизнь по пизде, тебе будет неприятнее в тысячу раз. Поэтому лучше потерпи сегодня.

Она опять совершенно права. Игорь кивает, она платит, они выходят из бара и молча едут в лифте. На улице она обнимает его.

— Спасибо за помощь. И за то, что оказался не тем, кем я тебя считала.

— Прости меня, — говорит он. — Мне так стыдно за тот день.

— Это мне теперь стыдно. — Оля еще крепче прижимает его к себе.

Подъезжает машина.

— Ладно, прекрати реветь!

— Ты это себе или мне? — спрашивает он и смеется, и Оля тоже смеется, и они смотрят друг на друга мокрыми глазами и смеются, как сумасшедшие.

— Обещай, что напишешь мне, когда все наладится, хорошо? — говорит она. — Я буду за тебя болеть!

— Обещаю.

Оля последний раз быстро обнимает его и уходит обратно в отель, не прощаясь. Игорь вдыхает прохладный вечерний воздух, ждет, пока слезы отступят, вытирает лицо, садится в машину и зачем-то повторяет водителю адрес.

Той же ночью Яна написала Льюису письмо с просьбой порекомендовать специалиста в России. Льюис ответил очень быстро, через какой-то час. Это было еще одно его качество, которое приводило ее в восторг: каким бы занятым он ни был и какую бы должность ни занимал, симпатичные ему люди могли быть уверены, что он всегда найдет для них пару минут.

«Привет, Яна. Визитка доктора во вложении, она все сделает. Передай своему другу, что он молодец и на правильном пути. Удачи вам обоим.

Стивен».

Дубна, Центральная Российская республика, июль 29, 2078

Доктора тоже звали Ольга, и это почему-то помогло ему сделать самый первый шаг и написать ей: здравствуйте, мне очень нужно к вам на прием, но я с большим трудом разговариваю с людьми; если вас это не пугает, запишите меня, пожалуйста, на какое-нибудь удобное время. Уточнить, что ее порекомендовал Льюис, Игорь отчего-то не стал. Она ответила в тот же день. Написала, что все в порядке и, если ему удобно, можно встретиться в среду в шесть. С вечера понедельника его начало трясти от ужаса еще сильнее, чем от мысли о предстоящей встрече с Яной, но другого выхода, кроме как пойти на этот прием,

не было. Выход в окно раз и навсегда перестал существовать для него после последней попытки покончить с собой.

Ольга оказалась удивительно приятной девушкой. Она вышла в холл медицинского центра, чтобы встретить его, они представились, поулыбались друг другу (она искренне, Игорь немного вымученно), прошли в кабинет, где она усадила его в удобное кресло, а сама села напротив.

— Я не знаю, что говорить. — Игорь пожал плечами.

Она ободряюще улыбнулась.

— Думаю, раз вы ко мне пришли, в вашей жизни есть что-то, что вас не устраивает.

Он кивнул.

— Давайте начнем с того, что именно.

Он открыл рот, тут же понял, что не сможет произнести вслух того, что надо произнести, и закрыл его. Повисла пауза.

— Трудно сказать?

— Нет. Я знаю, что именно, но я... Мне... — Теперь холодным потом покрылись не только ладони, а, кажется, все тело. Больше всего он ненавидел блеять что-то невразумительное, сбиваясь после каждого слова.

Ольга терпеливо ждала. В этом они с Яной были похожи.

— Я не знаю, как говорить о таких вещах с незнакомым человеком. Я вижу вас впервые в жизни, и все это очень странно.

Он хотел извиниться, но она опередила:

— Я понимаю, что вам непросто, все в порядке.

Игорь кивнул.

Она, кажется, ангел или просто отличный специалист, но это нисколько не облегчает стоящую перед ним задачу. Что ей сказать? Она совершенно посторонний человек. Просто вывалить на нее все, что его волнует?

— Ольга, извините, не принимайте, пожалуйста, на свой счет, но мне кажется, что я зря сюда пришел, — наконец говорит он. — Я не могу.

— Мы можем прерваться в любой момент. Как только вы почувствуете, что нужно остановиться.

— Останавливаться не придется. Я не могу даже начать. — Он нервно усмехается; состояние стремительно выходит из-под контроля. — Я так и знал.

Было бы здорово, если бы она сейчас сделала что-нибудь: сказала ему, чтобы убирался, или продолжила задавать вопросы, или что угодно другое. Игорь собирается с силами, чтобы еще раз извиниться и убежать как можно быстрее и дальше, но ничего не получается. Случилось то, чего он больше всего боялся: даже самые нелепые слова перестали выдавливаться, и он просто сидит тут, потеет и задыхается. Игорь вдруг обнаруживает себя в секунду от того, чтобы расплакаться от бессилия. Он очень надеялся на эту встречу, хоть и старался не думать об этом. И вот теперь надеяться стало не на что, и это чудовищно обидно, больно, горько и страшно. Слезы наворачиваются на глаза, повисают на ресницах; это едкие, как кислота, слезы злости и отчаяния. Игорь пытается сказать, что ему нужно выйти; ничего не получается; он машет рукой и отворачивается. Оля встает, достает откуда-то стопку бумажных носовых платков и ставит на журнальный столик рядом с его креслом. Он ждет, пока она сядет на свое место, берет платок, быстро вытирает лицо, вполсилы сморкается. Ему удается перестать реветь, и это уже неплохо. Она не мешает ему, не торопит, не бросается расспрашивать и успокаивать.

— И часто у вас тут такое? — зачем-то спрашивает он. Тон получается неожиданно хамским.

— Случается, — спокойно отвечает она. — Хотите воды?

Игорь кивает. Она ненадолго выходит и возвращается с высоким стеклянным стаканом прохладной воды. Он делает несколько больших глотков, стараясь не смотреть в ее сторону. Это окончательно приводит его в себя.

— Готовы продолжить? — спрашивает Оля.

Он прислушивается к звенящей пустоте внутри и кивает.

— Давайте начнем с самой конкретной задачи. В воскресенье прилетает девушка, которую мне нужно встретить в аэропорту. В нормальном виде, с цветами, с чем там еще это делается. И не в таком состоянии.

— Это ваша девушка?

— Да. То есть нет.

Она вопросительно смотрит на него.

— Она прилетает специально, чтобы ею стать. Мы по телефону договорились, что будем встречаться. Когда она улетала, еще не была моей девушкой, с тех пор

мы виделись только в звонках, и вот она возвращается. И я не... Я не представляю, как это делается у нормальных людей. Мне кажется, что я поведу себя настолько тупо в первые же полчаса, что она развернется и улетит обратно.

Он чувствует, как пульс учащается до шума в висках.

— Я очень хочу, чтобы она прилетела, но чем ближе этот день, тем хуже. Я не могу есть, спать, иногда не могу дышать. Пульс как после бега. Раньше от всех проблем я просто выпивал стакан водки, но теперь бросаю, потому что она не должна встречаться с алкоголиком. Вернее, ей придется с ним встречаться, но пусть это хотя бы будет завязавший алкоголик.

— Почему вы думаете, что вы алкоголик?

— Потому что у меня стоит такой диагноз. Поставила Академия, которая редко ошибается. Да и еще бы мне им не быть — отвратительная наследственность плюс плотное употребление с двенадцати до четырнадцати лет, потом с восемнадцати до девятнадцати, а потом с двадцати почти без перерывов. Но я не уверен, что это физическая зависимость. Я просто не могу... Не могу выносить это трезвым. Пью, чтобы стало легче.

— Вы сказали: чтобы стало легче. Стало легче в чем?

Он машет рукой.

— Это отдельная тема, над которой придется долго и тяжело работать. Мне становится страшно при мысли, насколько долго и насколько тяжело. Но об этом я хотел бы в следующий раз. Пока задача простая: прийти в такое состояние, чтобы встретить ее и не упасть в обморок. И следующую встречу с вами начать не так, как сегодняшнюю.

Она спокойно кивает. Значит, не будет предлагать прямо сейчас отправиться в самую темную комнату в его голове.

— Как вы относитесь к лекарствам?

— Если они действительно помогут, то прекрасно.

— Очень хорошо, потому что они вам нужны.

Он даже не вчитывается в выданный рецепт, просто заходит в аптеку, покупает таблетки, воду и прямо на улице принимает две шутки сразу. Когда-нибудь потом, на следующих сеансах, ему придется пойти дальше, полезть в темноту, в чавкающую грязь воспоминаний, может быть, зайти так далеко, как он не решался даже наедине с собой, и позволить этой приятной девушке, которая не

сделала ему ничего плохого, идти по чавкающей грязи рядом с ним. Но это будет потом, а сейчас румяные блестящие капсулы летят в желудок, как довольные посетители аквапарка с самой высокой горки, и от одного этого ему легчает. Игорь стоит посреди улицы, закрыв глаза, и старается не дать себе понадеяться слишком сильно. Ничего не выходит: его жизнь переворачивается перед глазами в воздухе, как подброшенная монетка, и на одной стороне есть Яна и он сам, живой и настоящий, а на другой — прежняя жизнь, похожая на бесконечное путешествие насекомого по грязно-серой кафельной плитке на стене больницы, где он однажды пришел в себя после первой неудавшейся смерти. Потом он соображает, что торопился и даже не посмотрел дозировку. Действительно поторопился: принимать нужно трижды в день, но по одной. Нахлобучивает от румяных капсул неожиданно сильно и быстро — мир начинает походить на кино, которое просто смотришь, не принимая в сюжете никакого участия. На секунду ему становится страшно: задачи сделать так, чтобы стало совсем все равно, не стояло. Потом Игорь прислушивается к себе и обнаруживает, что все равно и не стало. Он все так же сильно ждет ее, просто сердце уже не как умирающая муха, истерично бьющаяся о стекло.

Оставшиеся до ее прилета три дня даются намного легче. На третий он даже ловит себя на мысли, что ему приятно готовиться к этой встрече, выбирать одежду, придумывать план на вечер, что впервые за долгие годы он снова чувствует какое-то удовольствие от происходящего. Больше половины жизни хорошим днем он считал такой день, в который не слишком плохо и тошно: выспался; ничего не болит; на завтрак в рот влезло что-то, кроме кофе, без отвращения и тошноты; никто не приставал с разговорами; удалось до вечера продержаться ниже радаров, не привлекая к себе внимания, и не испытать стыда, отчаяния и желания провалиться сквозь землю. А теперь получалось, что в хорошем дне, кроме отсутствия плохого, может быть и что-то приятное; что радость, пусть еще совсем зеленая и хрупкая, с трудом различимая под асфальтовой серостью страха и тревоги, так же ощутима, как и боль; что плюс — это не отсутствие минуса, а самостоятельное явление.

Он находит в себе силы, чтобы пройти с букетом через огромный зал прилета терминала L аэропорта Шереметьево. Больше всего на свете он ненавидит привлекать к себе внимание, а на взволнованного, несмотря на таблетки, странного чувака с цветами будет оглядываться каждый второй. Но химия делает свое дело, а он очень хочет встретиться с ней так, как это положено с такими женщинами, и хлопает дверью такси, перехватывает букет покрепче потной ладонью и отправляется в путь. Первые метров сто даются с большим трудом — он сжимается даже от самых одобрительных взглядов, как будто хочет втянуться в пол, — потом что-то внутри него решает, что вряд ли его здесь съедят, а на

остальное можно наплевать. Он высматривает нужный ему выход и решительно идет к нему, вообще не глядя по сторонам.

Когда появляются пассажиры с ее рейса, пульс впервые со среды неприлично учащается, но потом он видит Яну и начисто забывает, что у него вообще есть пульс. Она еще прекраснее, чем в их последнюю встречу, загорелая, в простом, но очень красивом снежно-голубом платье — она так оделась ради встречи с ним?! в это почти невозможно поверить, но, кажется, так и есть, — и у нее тоже не слишком уверенный вид. Игорь поднимает руку и машет ей. Она видит его, улыбается и быстро идет навстречу, потом видит цветы и улыбается еще шире.

— Привет, — говорит он, когда она подходит совсем близко и в нерешительности останавливается. — Это тебе.

Последние слова — чистейшая глупость: кому еще в этом зале он мог бы принести букет. Но он никогда в жизни не дарил цветов, а она так безоблачно улыбается, осторожно забирая их у него из рук, что он вдруг прощает себе эту глупость без тени сомнения. Это новое и удивительное ощущение. Краем сознания он отмечает, что нужно запомнить его, а потом неожиданно для самого себя наклоняется и целует ее. В темноте под опущенными веками проносится воспоминание: он говорит ей, сидя ночью на кухонном полу в клубах дыма, что не может видеть, как волнующиеся мальчики дарят радостным девочкам цветочки, пока он ходит мимо, будто призрак, не способный ни жить, ни уйти отсюда. Прошло каких-то восемь месяцев, и вот он ожил и сам стал таким мальчиком. Кто бы мог подумать, что так бывает.

Глава вторая

Дубна, Центральная Российская республика, октябрь 15, 2078

Он стал ходить к Оле раз в неделю, и иногда ему хотелось спрятаться в ящик для постельного белья, но не идти, а иногда он, наоборот, не мог дождаться следующей среды и просил дополнительную встречу на неделе. Поначалу первое случалось намного чаще, чем второе. Но он слишком сильно хотел сделать все, чтобы не потерять Яну снова. Она уже улетела один раз на другой континент из-за его больной головы, второго быть не должно. И все же это давалось огромным трудом — в некоторые дни ноги физически отказывались нести его в нужную сторону. Но труд был не напрасным, и это тоже поддерживало: все постепенно вставало на свои места, на очень странные и

неожиданные места, причем иногда это происходило не в процессе сеанса, а когда он шел по улице, или пил кофе на кухне, или принимал душ. Оказалось, все очень просто, так просто, что даже обидно. Когда-то ощущение физического удовольствия намертво склеилось у него в голове с ощущением жуткого внутреннего дискомфорта, страха, вины и стыда, и теперь нужно было оторвать одно от другого. А еще нужно было пережить всю злость, боль, отчаяние и ненависть, которые накопились у него за прошедшие годы. Очень, очень много злости, боли, отчаяния и ненависти, но процесс шел. Он чувствовал, что старая жизнь бесповоротно кончается, но еще не мог начать новую и торчал в этом промежутке между жизнями, как застрявший в лифте.

Он встречался с Яной, носил ее на руках в прямом и переносном смысле, готовил для нее невероятную еду по хитрым рецептам, двести раз в день говорил, какая она красивая, и удивительная, и самая лучшая на всем белом свете, и как он счастлив, что она вернулась. Плохо было одно: они спали одетыми в пижамы, майки и футболки, в зависимости от погоды, и только иногда обнимались сквозь сон. Он боялся даже пробовать заняться с ней сексом, заранее представляя, что может из этого выйти, а она не предлагала и не настаивала. Он нашел в себе силы рассказать об этом Оле — он уже о многом успел ей рассказать, пока что очень сухо и без подробностей, тем тоном, каким все это описано в его личном деле, но и это был огромный шаг вперед. Оля стала задавать осторожные вопросы, и довольно скоро он вслух произнес то, что боялся облечь в слова даже для себя самого: он избегает секса, потому что находит это занятие отвратительным. Приятным физически, дарящим короткие минуты острого, но очень стыдного удовольствия, преступно привлекательным и завораживающим, но мерзким, отталкивающим, извращенным и гадким. Тогда Оля спросила, какое еще занятие кажется ему настолько же отвратительным и одновременно приятным; он долго думал, а потом сказал: «Есть еду, по которой уже видно, что она испортилась, когда очень голоден». Его чуть не стошнило от этого воспоминания, но он сдержался. Оля так же спокойно, как и всегда, спросила, привлекает ли его перспектива есть с Яной испорченную еду, и он почти закричал на нее, что она сошла с ума и как она смеет такое спрашивать, потом успокоился и извинился. Конечно, ему не хотелось есть с Яной испорченную еду и заниматься сексом не хотелось тоже — дико хотелось одной частью себя, своего тела и личности, и так же отчаянно не хотелось другой, той, которая все помнила и всего боялась. Когда ужас оделся в слова, то почему-то перестал быть таким ужасным: получалось, что в его реакции нет ничего неестественного и странного.

Весь его не очень богатый опыт говорил, что заняться сексом с человеком, которого любишь и уважаешь, невозможно, потому что это кошмарное в своей

мерзости занятие. Оно в его голове было неразрывно связано со стыдом, страхом и гневом такой силы, что за все эти годы он даже никогда не пробовал доставить себе удовольствие самому. Раз в несколько лет у него случался привычный, почти невыносимый секс с очередной «учительницей», решившей, что он девственник, которому нужна помощь в раскрепощении, раз в несколько недель — неприятное пробуждение от стыдной для взрослого мужчины подростковой поллюции; в остальное время этой стороны жизни не существовало вовсе, и этому он радовался сильнее всего.

Нужно было как-то постепенно получить другой опыт, новый и нормальный, но пока это казалось фантастикой. Сначала он ужасно переживал из-за этого, но спустя несколько месяцев с удивлением обнаружил, что больше не считает секс обязанностью, а себя — человеком, который эту обязанность не выполняет. Яна — взрослый самостоятельный человек, и, если бы ей были в тягость их отношения, она бы ушла. А она не уходила и только целовала его, улыбалась и повторяла, как хорошо, что все так сложилось. И выписку из его медицинской карты в Академии, которую он прислал ей с подписью «подумай еще раз», — где были описаны все поломки и нарушения его грустного тела, все страшные сломанные зубы, которые заменили на новые и красивые, все неправильно сросшиеся кости, которые ломали повторно под наркозом, ограничения по нагрузке на позвоночник из-за старого ушиба, вполсилы работающая почка, которую однажды здорово отбили, и, если бы не врачи Академии, жить бы ему сейчас с одной почкой вместо двух, если вообще жить, — вернула назад.

Игорь с замирающим сердцем открыл ее ответ — где-то в глубине души он все время ждал, что вот-вот она все поймет про него и передумает, — и обнаружил, что одноразовый пароль от выписки, созданный специально для нее, не использован. Яна спрашивала, не думает ли он, что она выбирает себе коня. И уточняла, что не открывает содержимое не потому, что ей не интересно, а потому, что хотела бы услышать от него лично все то, что он сочтет нужным сообщить о своем здоровье, чтобы запомнить, чего ему нельзя, от чего может стать плохо и чем в таком случае можно помочь. В первый раз он быстро закрыл письмо на этом месте и смог дочитать только со второй попытки, отдышавшись как следует. Это было слишком круто. В определенном смысле даже круче, чем признание в любви. Она выбирала его, зная о нем ужасные вещи (и подозревая о других ужасных вещах), хотела быть с ним и была так серьезно, так честно уверена, что не передумает, что бы ни содержалось в карте, что даже он со своим бездонным ощущением неполноценности постепенно проникался этой уверенностью. Он точно был ей нужен.

Зато стало ясно, что есть задача посложнее: перестать считать себя человеком второго сорта, уродом, существующим по недоразумению. Такая девушка не могла полюбить кого попало, и придется принять себя таким, какой есть, хотя бы из уважения к ней. Однажды он задумался о том, в какой момент стал так к себе относиться. Раньше ему казалось, что так было всегда, но по здравом размышлении получалось, что нет. Его очень любила мама, и до ее смерти он был не то чтобы безоблачно счастливым — жизнь с агрессивным алкоголиком давала о себе знать, — но нужным и важным. И эта ее любовь была единственной причиной, по которой он не сошел с ума и смог довериться сначала Яне, а потом и психотерапевту. А ненавидеть себя он начал в тот момент, когда его тело отказалось слушаться. Когда он хотел одного, а оно совсем другого, и оно победило. Когда нескладное тощее тело без пяти минут двенадцатилетнего мальчика стало слушаться другого человека — неприятного, отталкивающего, которого он уже тогда выносил с большим трудом.

Сначала он стал ненавидеть свое тело, потом свое отражение в зеркале, потом себя целиком. Потом совсем разучился разговаривать. Он никогда не был душой компании, но как-то умел связывать слова в предложения, а после того, как у него появился опыт, которым нельзя было поделиться без риска быть непонятым или наказанным, разучился. И чем труднее ему было выглянуть за пределы своей головы, вырваться из клетки собственного тела, раз за разом так обидно предававшего его, тем сильнее он себя ненавидел. Но последней каплей была, конечно, Оля. Он только сейчас понял, какой это был ужас. После такого мог сломаться даже нормальный взрослый, не говоря о больном подростке.

Через несколько месяцев терапии он не без удивления заметил, что стоит перед зеркалом и изучает собственное отражение, и оно не вызывает у него особенного восторга, но и отвращения тоже. Чувство, которое он испытывал, — Оля учила его стараться всему дать название, — больше всего было похоже на интерес мастера к материалу, с которым придется работать. В каком-то смысле это так и было. Мужчина Яны Ярошенко должен не только воздерживаться от чистой водки из стакана, но и прилично выглядеть. И он взялся за работу, так же упорно, как раньше занимался саморазрушением: начал ходить в спортзал, считать калории в еде, чтобы перестать походить на скелет, тщательно выбирать одежду и даже набрался смелости и записался в группу добровольцев для испытания нового метода удаления шрамов.

Метод сработал — кожа на их месте все еще была немного светлее остальной, но нужно было присмотреться, чтобы это заметить. После этого он понемногу начал носить обычную одежду по погоде и постепенно превратился во все еще

неуверенного в себе, но вполне обычного молодого человека его возраста. По крайней мере, для стороннего взгляда.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, октябрь 19, 2078

Нет, ну это же уже ни в какие ворота. Я скоро правда начну разрабатывать оружие. И оружие это будет уничтожать намного эффективнее, чем ядерное: пара минут — и нет планеты, чего мелочиться. Теперь они выступили с заявлением, что снимают с меня все обвинения.

Это не просто «нет совести», это... Не знаю, как это назвать. Есть ли вообще такие слова.

1. Группа ученых не хочет вступать в Академию и занимается исследованиями.
2. Продвигается до того уровня, когда Академия начинает волноваться: еще немного в том же духе, и в мире задумаются, а зачем эта Академия вообще нужна, если можно сделать все самому. Раз уж даже Аляска, у которой денег почти нет, что-то смогла, что сможет какая-нибудь Германия, если перестанет платить им дань?
3. Академия начинает сообщать на каждом углу, что Аляска на самом деле разрабатывает оружие — там засели террористы, которых во имя безопасности срочно нужно обезвредить.
4. Фигачит по Аляске ракетами.
5. Выжидает год, пока шум уляжется, и объявляет двоих погибших террористами, разрабатывавшими оружие, а всех остальных — ни в чем не виноватыми.
6. Чего ждать шестым пунктом? Приглашения вернуться в Академию?

СУКИ. Нет других слов, и это слабое. Я им, блядь, покажу разработку оружия. Я им покажу, как я ни в чем не виноват.

На волне ненависти зачем-то позвонил Бланш Бернар — не самый разумный поступок, иметь такие имена в истории вызовов должно быть ниже достоинства любого уважающего себя человека. Не знаю, что хотел ей сказать. Но эта сука, конечно, не ответила, так что выяснить не представляется возможным.

Санта-Круз, Калифорния, ноябрь 9, 2078

— Привет, Джаспер.

Он молчит.

— Ты так и будешь молчать? Вообще-то это ты мне звонил, может, скажешь хоть что-нибудь?

— Это было три недели назад.

— О, уже лучше. Извини, что перезвонила не сразу, было много дел. Начнем сначала: привет, Джаспер.

В ответ снова тишина.

— Кэмерон? Ты так и будешь молчать? Тогда я отключаюсь.

— Что тебе от меня нужно?

Бланш ненаигранно поднимает брови.

— Мне от тебя? Повторюсь: вообще-то это ты мне звонил.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

— Не имею понятия.

— Зачем вы сняли с меня обвинения? Какого черта? Когда прекратится это цирковое представление в публичном доме?

— Хм. Попробую по порядку: мы сняли с тебя обвинения, потому что закончили расследование и убедились, что именно ты действительно занимался исследованиями, не имеющими отношения к разработке оружия.

— Я говорил вам об этом тысячу раз, вашу мать! Это во-первых. А во-вторых, никакого оружия не было, и ты прекрасно об этом знаешь!

— По второму вопросу: какого черта что? Уточни, пожалуйста, — как ни в чем не бывало продолжает она. — По третьему вопросу: я никогда не присутствовала на цирковых представлениях в публичном доме и удивлена, что такое вообще бывает. Поэтому тоже не могу ответить по существу.

— Бланш, ты прекрасно знаешь, о чем я спрашиваю! Хватит корчить из себя дурочку, ты сука, но не идиотка, я совершенно точно это знаю!

— Джаспер, я крайне огорчена такой характеристикой, хотя не могу сказать, что не ожидала ее. У нас остались вопросы друг к другу или мы можем прощаться?

Он снова молчит.

— Ну, раз ты ничего не отвечаешь, то позволю себе в ответ дать небольшую характеристику тебе. Так вот: мне крайне прискорбно наблюдать, как один из самых талантливых ученых, которых я видела, сидит на краю света, похоронив все свои идеи. «Зато ты принципиальный». Да, безусловно. В учебниках физики для будущих школьников так и напишут: Джаспер Ирвин Ньюэлл Кэмерон мог перевернуть мир, не стал этого делать, но зато умер честным и принципиальным; на этом мы вынуждены закончить главу об этом выдающемся человеке.

Молчание в эфире из злого становится яростным.

— Если тебя когда-нибудь перестанет устраивать такая ситуация, Джаспер, ты можешь прийти в Академию и попросить взять тебя назад. И если это случится не завтра, а спустя какое-то время, моим ребятам придется еще раз проверить, не успел ли ты вляпаться во что-нибудь. Но на сегодняшний день все обвинения сняты: ты ни в чем не виноват, кроме упорства, с которым копаешь себе могилу. — Бланш делает паузу. — Да и в этом ты виноват только перед собой. Так что у меня к тебе нет никаких претензий. Даже несмотря на то, что пару минут назад ты назвал меня сукой.

— Вы убили моего учителя и чуть не убили меня самого. Я лучше сдохну, чем вернусь.

— Мэннинг погиб в автомобильной аварии. Мне очень жаль, что так получилось. Правда.

— Вы убили его, и тебе это прекрасно известно.

— Начнем с того, что в день его смерти мне было двадцать три года, я только что переехала в Каир из Парижа и даже близко не подходила к Академии. Я не убивала Мэннинга. Более того, никто его убивал.

— Мы оба знаем, что это наглая ложь.

— Мы оба знаем, что дело уже давно не в нем. Дело в том, что в двадцать четыре года намного проще решиться проверять революционную теорию, чем в тридцать девять. Скажи мне честно: ты ведь не хочешь вернуться и проверить не только из-за Мэннинга? Ты просто боишься узнать, что всю свою жизнь построил на ошибке.

В трубке снова свинцовая тишина.

— Я права? Ты не приходишь сюда, потому что не можешь позволить себе выяснить, что теория лицевой стороны — заразительный юношеский бред и правы не вы с Мэннингом и Левицким, а Ярошенко? Что нет никакой лицевой стороны и никакой изнанки и все это тебе приснилось в бредовом сне? На Ярошенко, кстати, я бы просто молилась, будь я на твоём месте. Пока он жив и считает твои мысли не просто бредом, а вредным бредом, их не сможешь доказать не только ты, но и никто другой. Он просто не даст никому денег на нужные исследования. Ты получил бы их и в обход Ярошенко, потому что ты звезда. А другие не смогут. Пока он на своём месте, главный страх твоей жизни не осуществится, Джаспер. Никто не докажет, что ты ошибаешься.

Свинец на том конце близок к тому, чтобы расплавиться и политься ей в уши.

— Пока никто не в силах ни доказать твою теорию, ни опровергнуть, можно жить в уверенности, что ты гений, и это не будет ложью. И этим ты и занимаешься. Вот почему ты сидишь на Аляске, Джаспер. Что ж, вполне понятный выбор. Можешь продолжать. Меня тебе провести не удастся, а с собой поступай так, как считаешь нужным. Хорошего дня.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, ноябрь 9, 2078

Дорогой Джаспер из будущего, который станет это перечитывать спустя сколько-нибудь лет. У меня для тебя важная информация: ты тупая скотина. Пожалуйста, не забывай об этом. Это поможет тебе найти ответ на самые разные вопросы. А почему все так бла-бла-бла, бла-бла — а потому что ты тупая скотина. Это все.

Я в целом не даю себе оптимистичных оценок последние пятнадцать лет, но сегодняшний день — это слишком. Поговорить (зачем? зачем ты вообще ей звонил тогда?!) с Бланш Бернар, рассердиться до красных глаз, сломать коммуникатор, бросив его в стенку, — это что-то новое. Кота напугал, придурак, а еще он стоит денег (и коммуникатор стоит, и кот, кстати, тоже). Страдать потом весь день по неудавшейся жизни — это что-то новое дважды. Пойти за пивом и по дороге думать «а что, если она права и нужно вернуться?» — это что-то новое в десятой степени. Но надо отдать ей должное: стукнуть незнакомого человека в самое больное место так, чтобы перехватило дыхание, может не каждый. Не зря она работает тем, кем работает.

Ты, чувак, не то чтобы очень, но это все-таки слишком. Еще раз увижу что-нибудь подобное — убью. Не хочешь оставлять Кварка без хозяина — прекрати

это раз и навсегда, сукин ты сын. Достаточно того, что вся планета превратилась в блядский цирк, как метко выражается Соня.

Бланш, сука, делает вид, что понятие «блядский цирк» ей не знакомо. Да она в нем главный режиссер.

Бураково, Тульская область, Центральная Российская республика, июнь 7, 2079

— А почему она такая темная? — с сомнением говорит Яна.

Игорь смеется.

— Ну это же речка, а не Красное море. Так и должно быть.

— И ты уверен, что тут можно купаться?

— Ну конечно. А почему нет? Нас утащит водяной?

Она тоже смеется, но слышно, что ей все еще не по себе.

— А вдруг ко мне подплывет рыба, а я ее не увижу?

— И что? — Игорь целует ее в лоб. — Она съест тебя, пользуясь твоей неосведомленностью?

— Ну мало ли!

— Не съест. Рыб, которые на такое способны, здесь вообще не водится. — Он берет ее за руку. — Пойдем. Не бойся.

Яна нерешительно идет за ним.

— Какая теплая, — говорит она, когда они заходят в воду по грудь. — Странно. И страшновато, потому что ничего не видно. Я противная дочка советника, которая никогда не видела речки, да?

— Ты прекрасная дочка советника. — Игорь останавливается, поворачивается к ней, обнимает ее за талию. — Хочешь, я один, если тебе страшно? А ты подожди меня на берегу.

— Не хочу. — Яна прижимается к нему. — Хочу посмотреть, как ты плаваешь.

— Будешь бояться, но плыть?

— Да.

Она такая трогательная в своем недоверии к темной воде, такая красивая. Он поворачивается к ней лицом, крепко-крепко прижимает к себе, целует, проводит рукой по спине вдоль позвоночника. Она тоже гладит его спину.

И тут с ним случается что-то странное. Он обнаруживает себя — нельзя сказать, что это делает он, потому что он ничего не делает, оно само — целующим ее в шею и одновременно развязывающим узел, который держит на месте нижнюю часть ее купальника. Его рука оказывается у нее между ног, его язык у нее во рту; ее рука забирается ему в трусы, потом осторожно стягивает их. Не успевая ничего сообразить, с полным ощущением, что за него это делает кто-то другой, он поднимает ее и целует в грудь. Всегда легкая, Яна в воде не весит вообще ничего. Она обнимает его за шею, виснет на нем, они целуются. Несколько секунд — этого не может быть, не может, — и он летит куда-то вниз, как оступившийся на крутой лестнице. Все получается; он с изумлением и почти ужасом обнаруживает себя внутри этого тоненького тела, отстраняется, чтобы посмотреть ей в лицо, и видит, что она прикусила губу и откинула голову. Кажется, происходящее потрясаяще не только для него.

Его хватает секунд на сорок. Яна осторожно и очень нежно, еще нежнее обычного, целует его в шею. Он проверяет дно рядом с собой, аккуратно ставит ее на ноги, утыкается носом в ее волосы, думает, что нужно что-то сказать или сделать, но ничего не говорится и не делается. Так проходит еще какое-то время, потом он выдавливает из себя что-то вроде «извини, я сейчас», отпускает ее, падает в воду с головой, выныривает и плывет к противоположному берегу. Так быстро, как будто за ним гонятся призраки.

Как все оказалось просто. Просто и в то же время удивительно. Наверное, так чувствует себя расставшийся с девственностью подросток — кажется, что ничего не изменилось, и что-то в тебе всегда знало, что нужно делать, и только ждало подходящего момента, но в то же время изменилось совершенно все. Он снова ныряет, так глубоко, как только может. Он ведь и есть подросток, только что расставшийся с девственностью. То, что было раньше, — не опыт, а страшный сон. Неужели он закончился? Неужели теперь всегда будет вот так, ну или не так, а как-нибудь иначе, но главное, что не так, как раньше? Неужели обе Оли правы и все действительно получилось?

Когда он вылезает из воды, уставший и наплававшийся до головокружения, Яна сидит на берегу, завернувшись в полотенце. Он садится рядом, снова пытается найти какие-то слова, потом понимает, что не хочет находить никаких слов, и обнимает ее одной рукой. Она придвигается ближе.

— Я ничего не понял, — честно говорит он и гладит ее плечо. — Но хочу еще.

— Я тоже ничего не поняла и тоже хочу еще.

— Более того, я хочу забить на изучение родной страны, ради которого мы сюда приехали, вернуться в отель и не выходить до завтрашнего утра.

Она смеется.

— И я хочу именно этого.

— Хорошо, что водитель у нас ты. — Он тоже смеется и обнимает ее еще крепче. — Я бы сейчас не смог нормально ехать и разбил арендованную машину.

На пару дней они почти перестали разговаривать — все общение сводилось к «будешь кофе?» — и только и делали, что занимались сексом. Еще спали и ели заказанную в номер еду, но в качестве дополнения к основному занятию, когда силы подходили к концу. Яна выдержала почти год отношений без секса и теперь хотела наверстать упущенное. А он хотел наверстать упущенное за всю жизнь. Он наконец научился разрешать себе не только боль, но и удовольствие.

Боль, кстати, не до конца оставила его в покое, несмотря на почти абсолютное счастье, владевшее им сутки напролет. Время от времени его так остро накрывало жалостью и состраданием к тому мальчику, которым он был еще год назад, два года назад, в восемнадцать лет, в четырнадцать лет, в двенадцать лет, что хотелось или реветь, или драться. Драться было не с кем, поэтому оставалось реветь. Почему он вообще еще здесь? Почему не сошел с ума, не покончил с собой, не спился окончательно и не вылетел из Академии? Он же никогда не верил во всякие «все будет хорошо», так почему все-таки все хорошо и он здесь, живой и здоровый, обнимает любимую девушку?

В том, что он может сказать ей «я тебя люблю» и не соврать, он больше не сомневался. Чувство, которое заставило его остановиться в секунде от тщательно спланированной смерти, которое терзало его, не давало покоя и в итоге сделало другим человеком, теперь выросло во что-то, чему не было ни начала, ни конца. И она стала относиться к нему иначе, он это знал. Она всегда любила его, видимо, даже тогда, когда они просто дружили и о чем-то большем не могло быть и речи. Может быть, даже тогда, когда они почти не общались. Она любила его всегда, но теперь ее любовь стала совсем другой.

Может быть, в том, что у него все получилось так поздно, даже что-то есть. Игорь столько раз читал рассуждения людей, которым к его возрасту надоело заниматься сексом, читал и не верил своим глазам. Постоянные партнеры им

быстро надоедают, новые в какой-то момент перестают существенно отличаться друг от друга, и все занятие превращается в набор бессмысленных движений. А ему скоро тридцать, и он только что открыл для себя эту сторону человеческой жизни, то, что большинство его ровесников прошли лет десять назад. Впереди его ждали сотни потрясающих часов, проведенных в удовлетворенном разглядывании ее сосредоточенного лица, выражающего только то, что он все делает правильно.

И то, во что он никогда не верил всерьез и одновременно никак не мог перестать верить где-то в глубине души, случилось: он стал человеком, которому нравится его жизнь. Первые пару месяцев они сходили с ума, потом все утряслось. Они снова могли с удовольствием проводить время как раньше — смотреть кино, смеяться над какой-нибудь ерундой, готовить еду, спорить, засыпать, просто лежа рядом. Игорь продолжал ходить к Оле, и постепенно ему стали удаваться многие другие вещи, раньше казавшиеся невыполнимыми. Он начал разговаривать с одноклассниками, вступать в дискуссии на занятиях, при необходимости обращаться с вопросом к незнакомым людям. Он почти бросил пить — только считанные разы за эти месяцы после самых тяжелых разговоров с психотерапевтом не удерживался и наливал себе стакан, — начал есть и превратился из нездорово худого угловатого подростка в просто худого молодого мужчину.

К этому моменту он совсем перебрался к Яне — они и раньше чаще ночевали у нее, чем у него, а теперь договорились, что будут жить вместе в ее квартире. Поскольку ничего требующего ухода, вроде комнатных растений, в его квартире не было, он почти перестал там появляться. Заезжал раз в месяц, чтобы проверить, все ли в порядке, и взять что-нибудь из обычно не очень нужных, но иногда пригождающихся вещей, неприятно удивлялся, вспоминая, как был заточен в этих стенах, как в одиночной камере, и быстро, как будто его могли снова насильно тут оставить, высказывал на улицу. Он только сейчас стал понимать, какое тяжелое впечатление производит эта квартира. Она была похожа на склеп, а не на человеческое жилье.

Единственным вопросом, который продолжал всерьез его мучить, было висящее над будущим, как грозовая туча на горизонте в хороший теплый день, потенциальное знакомство с Ярославом Ярошенко. Каким-то удивительным образом им удалось целый год не привлекать его внимания — или он грамотно делал вид, что не в курсе их отношений. Но это не могло продолжаться вечно. Когда-нибудь Ярослав приедет в Россию или просто спросит, как у нее дела с личной жизнью, и Яна не станет врать. Она специально не касается этой темы в общении с отцом, но никогда не будет врать в ответ на прямой вопрос. И,

услышав, что в ее жизни есть мужчина и это тот самый человек, из-за которого она как-то отправилась по доброй воле на встречу со службой безопасности Академии, советник придет в неопишное оживление. Это она влюблена в него и считает, что все прекрасно, но Ярослав не влюблен.

Первым делом он прочитает его личное дело — хоть это и запрещено законом, но какой может быть закон для одного из самых влиятельных людей мира? — и сделает вывод, что нельзя позволять дочери с ним связываться. Конечно, выхода не было никакого, кроме как ждать и пытаться сделать что сможет, когда до этого наконец дойдет, но все же его очень пугала фигура Ярослава. Пугала не столько тем, что вмешается в их жизнь и все испортит, сколько тем, что придется смотреть в глаза кому-то, для кого он навсегда останется уличным подростком, которого бьет охранник магазина.

Игорь хорошо представлял себе господина Ярошенко. Яна не любила о нем рассказывать, но из того, что она упоминала, складывалась довольно четкая картинка, да и сама эта нелюбовь говорила о многом. К тому же какое-то время назад ему стало интересно, с кем рано или поздно предстоит познакомиться, и он провел несколько часов, читая про Ярослава в интернете. И хотя сведений о нем Игорь нашел немного — академик Ярошенко не любит разговоров о своей персоне, а служба безопасности Академии тщательно следит за информацией о Совете, — у него сложилось впечатление, что они уже знакомы.

Ярослав относился к той удивительной и счастливой породе людей, которые никогда ни в чем не сомневаются. Они будто родились с полной уверенностью, что являются первым сортом, четко знают, как выглядит второй сорт, а как третий, и как с этим вторым и третьим нужно обращаться. Игорь ни на грамм не сомневался, что первое, что сделает Ярослав, узнав об их с Яной отношениях, — прилетит сюда и посмотрит на него так, что к нему в считанные секунды вернется прежняя самооценка. Нужно будет очень основательно настроиться на эту встречу. Он должен, просто обязан вести себя достойно. Понятно, что Ярослав никогда не начнет считать его человеком и до конца своих дней останется в уверенности, что его дочь сошла с ума и связалась с генетическим мусором. Но все-таки нужно будет держаться. Не теряться, не трястись, не блять, не молчать, а смотреть ему в глаза и держаться. Не позволить презрительному взгляду этого человека отнять у него с таким трудом вылеченное чувство собственного достоинства.

Но все-таки, несмотря на эти мысли, лето получилось идеальным. Он впервые в жизни выехал из России и побывал сразу в четырех странах, он плавал в двух морях и гулял по десятку городов в обществе самой прекрасной женщины на свете, и на них с улыбкой оглядывались прохожие, такими они были красивыми

и счастливыми. С незнакомыми людьми в других странах было даже проще, чем дома: они не знали, каким он был раньше, и воспринимали его с чистого листа — расслабленным, загорелым и очень счастливым. Счастлив он был как-то совершенно неприлично. Его даже почти перестала расстраивать ухудшающаяся ситуация в мире: проблемы стран, не желающих подписывать Соглашение, усиливающийся религиозный терроризм, и христианский, и мусульманский, печальная участь многих талантливых ученых. Это все как будто находилось где-то в другой галактике, за миллионы световых лет от его солнца, счастья и детского восторга. Он был счастлив так, что иногда задумывался, как долго это может продолжаться и не ждет ли за поворотом какая-нибудь отменная гадость.

И, как это почти всегда бывает, она ждала.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, август 17, 2079

Скоро два года, как я не занимаюсь серьезной наукой. Объясняю строителям, как вернуть учебный центр в такое состояние, чтобы можно было возобновить там хотя бы десять процентов занятий. Потрясающе осмысленное дело. Такое впервые в моей жизни за... не помню, сколько лет. Иногда перед сном верчу в голове какую-нибудь мысль, но потом плюю на все и засыпаю.

Скоро начну задаваться вопросом, зачем вообще жить. Хотя как это, я же знаю зачем — чтобы кормить наглого кота Кварка и чесать ему шею. Он от этого балдеет. Иду вечером домой, думаю: вот и зачем я выжил? — дома вижу кота, и все проходит. Коты — добро. Кто с этим не согласен, с тем я предпочту не ночевать в одной квартире. Зарежет еще ночью. Кто знает, чего ожидать от людей, которые не любят добро. «Предпочту не ночевать», ХА-ХА-ХА. Вспомни лучше, когда ты в последний раз ночевал с кем-то в одной квартире. С пьяным коллегой два с половиной года назад, когда тот так нажрался, что не мог вспомнить свой точный адрес, а ты знал только район. Тоже мне, предпочел бы он. Причем я настолько унылый дедуля, что даже не особенно печалюсь от этого.

Можно было бы (если не быть таким тормозом) встречаться с какой-нибудь женщиной, которую интересуется примерно то же, что и меня. Вот если бы про Соню раньше сообразить — может, что бы и вышло. А то помню, как одна барышня еще времен моей учебы в Академии уехала домой в три часа ночи, потому что я говорил во сне и мешал ей спать. Чего, спрашиваю, хоть говорил-

то? «Волновался, почему не видно четвертого, ведь он точно должен здесь быть». И тут я, вместо поцелуев и уговоров не уезжать, ору: но он действительно должен здесь быть, я уже всю голову себе сломал с этим четвертым! Бедная девушка. Никогда не забуду ее лицо в тот момент. Но, с другой стороны, а я что могу сделать? Если меня очень сильно волнует, где четвертый, а все остальное — намного меньше? Причем я не считаю, что я нормальный, а они глупые или еще что-то там такое. Они нормальные как раз, не всем же быть психами. Но, когда трудно найти тему для разговора, так это все утомительно... Если бы они материализовывались ночью прямо в постели, желательно сразу голыми и с нужным настроением, а потом так же исчезали — вот это было бы нормально. А предпринимать что-то, здороваться, прощаться, какие-то идиотские неловкие моменты выяснять — да ну его к собачьим чертям. Посплю лучше с Кварком. Он теплый и молчит. Почему я так долго жил без кота. Дурак потому что. Но коту надоело, что его нет, он пришел и решительно положил конец бескотному безобразию. Кстати, он теперь не Красный, а Странный Кварк. Я устал слушать его возмущенное мяуканье после слова «Красный». Перебрал варианты и остановился на «Странном», кот даже головой о мою руку потерся на этом слове. Вообще, конечно, я персонаж анекдота — якобы гениальный физик, который ни черта так и не смог сделать и живет с котом по имени Странный Кварк.

Я вот иногда думаю: а может, сука Бланш права, может, для меня и к лучшему, что Мэннинга убили и мне пришлось убираться из Академии. Я, когда страдаю о своей Трагической Судьбе и Неудавшейся Жизни, всегда почему-то исхожу из предположения, что если бы мне удалось закончить свои исследования, то я бы выиграл. А иногда вдруг думаю: а с чего я это вообще взял? А если бы исследования закончились тем, что я дурак и не прав вообще ни в чем? И живой Мэннинг грустно покачал бы головой, а меня отправили доучиваться вместе с остальными? Лучше бы это было для меня?

Да хрен. Если честно, это было бы лучше только для Мэннинга, потому что он остался бы жить. А для меня только хуже. Я бы покончил с собой, скорее всего. Или начал выпивать по бутылке виски каждый день прямо с утра — то есть тоже покончил с собой, только медленно. Это же единственное, что заставляет меня жить, — мысль, что я все-таки правильно понял эту долбаную Вселенную. И, наверное, надо сказать спасибо людям, благодаря которым у меня отсутствует возможность проверить, так это или нет. По крайней мере, в гипотетическом мире, где все пошло иначе (привет, гипотетическое поле, засеянное гипотетической кукурузой, почему ты не веселишь меня больше?), я все еще Джаспер Ирвин Ньюэлл Кэмерон, великий ученый, который Понял Все. Ну, почти все. А что в реальном мире я дурак дураком — так это только и

исключительно потому, что власть захватили кровавые злодеи и происходящее в мире можно емко описать одной из любимых сониных фраз «как страшно жить!», произносимой с издевательски-трагическим выражением и возведенными к небу глазами. Вот еще хороший вопрос: почему я теперь так часто вспоминаю Соню? Как это вообще работает? Характеристики Сони как объекта никоим образом не изменились. Либо изменились, но исключительно в худшую для меня сторону: она забыла думать, что я существую, и счастливо живет с каким-нибудь коренным жителем Тайваня.

Я общался с ней несколько лет, и у меня внутри в связи с ее персоной не происходило никаких значимых волнений и колебаний. Соня и Соня. Веселая. Очень решительная. Хороший ученый. Приятно работать вместе. Вот и все. А теперь я получил информацию о ее отношении ко мне (это единственное, что произошло) — и нате: а Соня всегда говорила так-то, ах, как это остроумно, а еще она тоже любит кошек, вот Кварк наверняка бы ей понравился, а какая у нее большая и красивая задница. Меня интересует не Соня, иначе я бы обратился на нее внимание намного раньше, а влюбленная в меня Соня. Почему? Понятно, что никакой Сони нет и не будет, интересен принцип.

Так и живу. Встаю по утрам, иду, потом возвращаюсь, забиваю себе голову разным бредом вроде этого. Уехать с Аляски мне некуда, а если бы вдруг стало куда, не уверен, что я еще способен на какие-то резкие движения. Здесь в ближайшие десятилетия ничего не будет, ходят такие же растерянные люди, как я, и пытаются восстановить хоть что-то. Денег ни у кого нет, сил нет, да и веры в будущее не очень много. При этом президент — вот уважаю ее, безмерно уважаю, это человек с большой буквы Ч, из-за таких, как наша Ирма, это слово еще что-то значит, — заявила, что государство будет платить минимальную зарплату всем, кто готов трудиться на восстановление города и не планирует никуда бежать. И оно платит. И сама она выходит каждый день в рабочем комбинезоне и работает. Зато можно быть уверенным, что незнакомый человек, встреченный на улице (хотя таких уже немного осталось), примерно такой же упертый псих, как ты сам. Остальные давно свалили куда глаза глядят.

Так что здесь даже хорошо. В полной заднице, но среди своих. Холодно только сатанински. Который год живу и никак не привыкну, что это вот такое лето. У нас в Калифорнии зимой-то такая холодина бывает не каждый день, а тут лето. «У нас в Калифорнии». Нет никакой «твоей Калифорнии», Джаспер. Хрен тебе без масла. Это их Калифорния.

Глава третья

Дубна, Центральная Российская республика, сентябрь 16, 2079

В середине сентября академик Ярошенко позвонил дочери и радостно сообщил, что летит на конференцию в Россию и очень ждет встречи с ней.

Пора было хотя бы попытаться поместить в отцовскую картину мира тот факт, что у нее есть любимый мужчина — причем очевидно не подходящий на эту роль, с его точки зрения, и она закрыла глаза, чтобы бояться не так сильно, и сказала:

— Здорово, что ты приезжаешь. Я бы заодно хотела познакомить тебя со своим молодым человеком. Я не рассказывала раньше, потому что не была уверена, что все получится, но сейчас мы вместе уже достаточно долго. Думаю, тебе пора знать.

— Отличные новости, — воскликнул Ярослав, но по голосу было непонятно, действительно он рад или иронизирует в своей обычной манере. — И с кем же мне предстоит познакомиться? Что это за достойный — а я очень надеюсь, что он достойный, — молодой человек? Чем он занимается? Сколько ему лет? Как его зовут? Что у него за родители? Все это важно, ты же понимаешь.

Яна вонзила ногти в руку с такой силой, как будто хотела проткнуть ладонь насквозь. Началось.

— Понимаю, — обреченно сказала она. — Его зовут Игорь, в ноябре ему исполнится тридцать, и он учится в моей группе.

— Студент Академии, — констатировал Ярослав. — Это очень хорошо.

— Очень способный студент Академии, папа. Левицкий от него в восторге.

— Левицкий, — повторил он. — Как ты знаешь, у нас с Юрием много разногласий, но это очень уважаемый человек и ученый. Что ж, вдвойне хорошо.

— Его мама умерла, когда ему было десять лет. Она очень любила его и как следует занималась его воспитанием.

Яну передернуло от собственной формулировки, но с отцом нельзя иначе. Ярослав делано вздохнул.

— А вот о его отце я, к сожалению, не могу сказать ничего хорошего. В отличие от меня, Игорю не очень повезло с отцом.

Она впилась ногтями в руку еще сильнее, хотя пару минут назад казалось, что сильнее некуда. Так нагло цинично врать и льстить было непривычно даже для нее — девочки, знающей этого человека лучше, чем кто-либо во всем мире.

— Рад слышать, что ты по достоинству ценишь свою семью, дорогая, — масляным голосом пропел он. — Но не очень рад, что у твоего... возлюбленного другая ситуация.

Она открыла рот, чтобы мрачно сообщить, что ситуация намного более «другая», чем кажется Ярославу, и что не рад он будет сильнее, чем им всем хотелось бы, но тут он продолжил:

— Погоди-ка. Молодой человек по имени Игорь из твоей группы.

Яна задержала дыхание.

— А не тот ли это Игорь, из-за неразумного поведения которого ты пару лет назад гостила у нашей уважаемой службы безопасности?

Она зажмурилась до искр под веками. Вот и все.

— Тот, — обреченно и очень спокойно подтвердила она. — У тебя отличная память.

В трубке раздался звук, похожий одновременно на криканье, кашель и хрип.

— Я понял, — сказал Ярослав. По его голосу было ясно, что он действительно понял, причем все и сразу, и никакие загадки Вселенной более не имеют для него значения.

— А можно поинтересоваться, что именно ты понял? — зачем-то уточнила Яна.

Ярослав откашлялся, как перед публичным выступлением.

— Я понял, что мы имеем дело с весьма неоднозначной личностью. То, что он учится в Академии и о нем положительно отзываются заслуживающие доверия профессора, говорит о нем очень хорошо. Но то, что он склонен угрожать товарищам физическим насилием, говорит о нем очень плохо. К тому же, когда даже такой человек, как ты, — с нажимом произнес он, и Яна подумала, что слова «такой человек, как ты» в устах ее отца звучат оскорбительнее, чем нецензурное выражение в четыре этажа, — находит, что молодому человеку не повезло с отцом, это, безусловно, также говорит не в его пользу. В общем, я

должен тщательно обдумать полученную информацию. Я перезвоню тебе, дорогая.

И он отключился, не дождавшись ответа. Яна несколько секунд рассматривала телефон, как будто увидела его впервые, а потом перезвонила отцу.

— Ты забыла что-то сказать?

Она так и видела, как его бровь медленно ползет вверх. Иногда у него ползут обе брови сразу, но сегодня в ход пошла одна. Это значит, что он не только удивлен, но и планирует применить тонкую, как бревно, иронию.

— Да, — твердо ответила она, поражаясь собственной смелости, граничащей с безумием. — Как ты считаешь, имеет право твоя единственная дочка обратиться к тебе с просьбой?

— Это странный вопрос, дорогая. Конечно, имеет.

— Тогда я очень хочу попросить тебя об одной вещи.

— Внимательно слушаю.

— Мы оба знаем — да, папа, мы никогда не говорили об этом прямо, но мы оба это знаем, — что ты можешь получить доступ к любому личному делу, несмотря на то что это запрещено законом. И мы оба знаем, что первое, что ты сейчас собираешься сделать, — прочитать личное дело Игоря от первой до последней буквы. Так вот, я прошу тебя не делать этого, а сначала расспросить людей, которые знают Игоря, вроде того же Левицкого, потом познакомиться с ним лично. И только потом — если, конечно, это все еще будет казаться тебе важным, — пойти читать его личное дело. Потому что я могу сказать тебе сразу: то, что там написано, тебе не понравится. Очень не понравится. Но если ты выполнишь мою просьбу, найдешь в себе силы и попробуешь судить человека не по буквам на бумаге, а по нему самому, по тому, какой он сейчас, то ты поймешь, почему я полюбила именно его, а не кого-нибудь из толпы тех, кого ты считаешь хорошими женихами.

Она замолчала, переводя дыхание. В трубке царило уже даже не молчание, а какая-то inferнальная пустота.

— Я очень прошу тебя, папа. — Яна вдруг почувствовала, что у нее на глаза наворачиваются слезы. — Очень прошу. Просто возьми и познакомься с ним, как каждый день делают тысячи отцов во всем мире. Посмотри ему в глаза, пожми руку. И вот если после этого ты будешь недоволен моим выбором, тогда

мы поговорим. Но я уверена, что ты будешь доволен. Пожалуйста, не суди о нем по личному делу. Я очень, очень тебя прошу.

— Не волнуйся, — холодно сказал он, и стало понятно, что все бесполезно. — Я никогда не делаю поспешных выводов. Ты же знаешь.

Он всегда делает взвешенные, аргументированные выводы, что все люди, кроме него и нескольких человек из его ближайшего окружения, — мусор, заселивший нашу планету по досадному недоразумению. Иногда ей кажется, что она его просто ненавидит. Просто ненавидит собственного отца. Единственного живого родственника, который у нее остался. Иногда ей кажется, что она ненавидит его всей душой. В висках начало стучать.

— Я уже сказал, что перезвоню тебе, как только буду готов продолжить наш разговор на эту тему.

— Я помню, — отозвалась она уже совсем тусклым голосом. — Но я просто думала, что ты можешь меня послушать.

— Я внимательно послушал тебя, дорогая. Но могу только повторить, что перезвоню тебе позже.

И он снова отключился.

К приходу Игоря она уже пришла в себя, но поняла, что почему-то не может рассказать ему о разговоре с отцом. Яна убеждала себя, что это глупо, что намного легче вместе ждать дальнейшего, но чем больше она себя уговаривала, тем яснее понимала, что ничего не расскажет. Может быть, она хотела дожидаться, пока Ярослав предпримет какие-нибудь шаги, из которых уже будет ясно, чего бояться? Может, в глубине души она, как дурочка, верила, что случится чудо и отец вдруг все поймет? Она так и не нашла ответа. Игорь пришел от Оли, обнял ее, сел ужинать, спросил, что случилось, когда она просидела десять минут, не сказав ни слова. Яна ответила, что неважно себя чувствует: болит голова из-за меняющейся погоды. Кажется, он поверил.

Ярослав перезвонил на следующий день. Сказал, что не готов общаться по телефону и просит ее встретить его в аэропорту, чтобы все обсудить лично.

Дубна, Центральная Российская республика, сентябрь 19, 2079

В аэропорту она встречала его не одна, а с целым кортежем из службы безопасности. Как обычно, ее аккуратно усадили к нему в машину, не спросив ее согласия. Очень вежливо, но очень настойчиво.

— Привет, дорогая, — как-то почти тепло сказал Ярослав и даже сдержанно поцеловал ее в щеку.

— Привет, папа, — почти искренне ответила она. Она почти никогда не называет его этим словом, но сейчас что-то заставило ее это сделать.

— Давай без лишних вступлений.

Она растерянно кивнула. Это было настолько не в его духе, как будто с ней его голосом говорил другой человек.

— В общем, как ты и предполагала, я первым делом прочитал личное дело твоего молодого человека. И, как ты, опять же, понимаешь, был в полном шоке. Уже хотел звонить тебе и сообщить, что такая пара у тебя может быть только через мой труп.

Яна слушала, затаив дыхание.

— Потом я подумал, что, будь он типичным отбросом общества, вряд ли бы его вытащили из помойки и взяли в Академию. Да еще в таком возрасте — он ведь попал к нам взрослым, даже совершеннолетним. И еще меня очень удивил тот факт, что он нарушал предписания Академии, о чем в ней прекрасно знали, — пил, например, хотя ему строго-настрого запретили, — и его не отчислили.

— Академия знает, что он пил?

— Да, дорогая. Да. В том-то и дело, что это невероятно странно. Такое отношение я в своей жизни видел к считаным единицам. И эти единицы действительно были гениями. Безусловно полезными и нужными членами общества, несмотря на все их ужасные привычки, черты характера и мою личную антипатию. Тогда я решил навести о нем справки. Узнать, что думают люди, которые лично с ним знакомы. Узнал и удивился еще больше.

Он замолчал.

Яна подождала продолжения, не дождалась и спросила:

— И что ты обо всем этом думаешь?

К концу фразы голос почти сорвался, и она закашлялась.

— Начну издалека. Дочка, ты понимаешь, что чувства могут пройти? Что сейчас тебе искренне кажется, что это твоя настоящая любовь, а через какое-то время может перестать казаться?

— Конечно, понимаю, папа. — Она снова кашлянула. Это был самый странный разговор с отцом за всю ее жизнь. — Ну, то есть сейчас я уверена, что такого не случится. Но чисто теоретически, конечно, никто не застрахован, и я не исключение.

— Отлично. Продолжим. Что ты сделаешь, если вдруг поймешь, что ошибалась и не хочешь быть с этим человеком?

— Наверное, то же самое, что делают все остальные, — тихо проговорила Яна после паузы. — Честно скажу ему, что нам нужно расстаться. Объясню причины. И уйду.

— Ты уж извини, что спрашиваю об этом. Понимаю, что сейчас тебе не хочется думать о таких вещах. Но это важно.

Яне показалось, что она вдруг поняла, что такое «апоплексический удар», и через секунду он с ней случится. Что за инопланетяне похитили Ярослава Ярошенко? И откуда они взяли удивительно похожего на него человека, разговаривающего с ней сейчас?

— Ничего страшного. Я рада этому разговору.

— Очень хорошо. А теперь подумай вот о чем. Ты же не будешь отрицать, что у твоего Игоря не очень хорошая наследственность и не вполне здоровая психика?

Яна услышала в его голосе знакомые нотки и подумала: очень странно, что эти рассуждения начались так поздно, — но послушно ответила:

— Не буду.

— Еще лучше. А теперь подумай о том, что сейчас все идет так, как ему бы хотелось, и поэтому он ведет себя относительно нормально. Но что будет, если ты захочешь уйти? Мы не можем этого знать. Ты понимаешь меня, дорогая?

Яна молчала.

— Ты понимаешь, — продолжал Ярослав, — что в расстроенных чувствах в людях проявляется все самое плохое? Где гарантия, что ты сообщишь ему о своем решении уйти, а он не уйдет в запой и не воткнет нож тебе между ребер?

Она вздрогнула, пораженная художественной силой сцены, нарисованной Ярославом.

— Папа, я не думаю, что...

— Никто не думает, Яна, ты понимаешь? Никто никогда не думает! Сколько я знаю случаев, когда самые приличные люди, от которых не просто трудно, а невозможно было ожидать ничего странного, делали чудовищные непредсказуемые вещи. А тут человек из семьи, где отец считал нормой бить родного сына ногами, не снимая ботинок.

Он выдохнул. Яна молчала.

— Я знаю, — спокойно продолжал он, — что тебе сейчас хочется начать со мной спорить. Но еще я знаю: то, что в детстве ребенок считал нормой, он будет считать нормой всю жизнь. Пусть где-то в глубине души, все равно. И в стрессовых обстоятельствах он начнет воспроизводить эту заложенную родителями норму, сам не понимая, что делает.

Она по-прежнему молчала. Ее вдруг осенило, почему она не хотела рассказывать Игорю об их с Ярославом предыдущем разговоре. Эврика! Она просто воспроизводила заложенную родителями норму! Она молчала и делала вид, что ничего не происходит, — то есть поступала в точности так, как привык поступать драгоценный папочка! Ей захотелось закричать на него, спросить, не пробовал ли он подумать, какие представления о норме сам вложил ей в голову своими вечными двусмысленными фразами, своей натянутой улыбочкой, своими суждениями о людях за их спиной. Не думал ли он, что когда-нибудь в стрессовой ситуации она поведет себя так же? Не становилось ли ему грустно, если думал?

— И я очень не хочу этого, — тихо проговорил Ярослав. — Я уже даже готов смириться с мыслью, что моя дочь будет встречаться с неуравновешенным алкоголиком. Я думаю, ты догадываешься, чего мне стоят эти слова, и тем не менее это так. Но вот с тем, что этот алкоголик в случае чего убьет ее или покалечит, потому что в его семье решали проблемы только таким способом, я смириться не готов. Уж прости.

Яна почувствовала, что у нее начинает кружиться голова.

— К чему ты клонишь? Я не понимаю.

Он откашлялся — как ей показалось, почти торжественно.

— Я клоню к тому, чтобы предложить тебе пойти на компромисс.

— Компромисс? Одной половиной организма встречаться с ним, а другой нет?

Ярослав засмеялся, но как-то грустно. Удивительно. Еще совсем недавно он не проявлял вообще никаких эмоций, и грусть не была исключением. Впрочем, тот факт, что он засмеялся, был удивителен сам по себе.

— Доказать мне, что я зря думаю, будто твой Игорь в случае чего проявит свои криминальные наклонности. Проверить его сейчас. Если пройдет проверку, я не буду тебе мешать. Живи как хочешь, я умываю руки.

— Не буду скрывать, перспектива жить как хочу кажется мне очень заманчивой,
— тихо сказала она после долгой паузы. — Но ты ведь понимаешь, что я не могу согласиться?

— Понимаю. — В этот момент он стал похож на себя обычного, и ей опять захотелось послать его ко всем чертям. — Я и не рассчитывал на другой ответ.

— И что теперь? Что мы будем делать дальше?

— К сожалению, дорогая, мне придется пойти на непопулярные меры.

— Можно поинтересоваться, какие именно?

Как она могла быть такой дурой, чтобы поверить, что с ним удастся договориться по-хорошему. Как, как, как.

Ярослав делано вздохнул.

— Сегодня ты не придешь домой. И на занятия завтра не придешь.

— И по какой причине это произойдет? Ты убьешь меня?

— О нет, дорогая. Всего лишь подержу тебя немного под домашним арестом. То есть почти домашним. В конце концов, я все-таки твой отец.

— И что это тебе даст? Я оставлю комментарии по поводу этого плана в целом, они состоят из таких слов, какими было не принято ругаться у тебя в доме. Но что дальше?

— Дальше я посмотрю в твой телефон. Если дней через пять-шесть в нем не будет угроз найти тебя и как следует проучить, то все в относительном порядке. И если твой Игорь за эти дни не напьется и не придет ломиться в твою дверь с агрессивными намерениями.

— Хорошо. — Она сжала челюсть так, что загудело в висках. — Но знаешь что? Когда твой план подойдет к концу, Игорь придет ломиться с агрессивными

намерениями в дверь к тебе. И я не только не подумаю ему мешать, но и составлю компанию.

Ярослав иронически поднял бровь.

— Это я как-нибудь переживу. Дай мне, пожалуйста, свой телефон.

— Зачем?

— Тебе уже известен ответ, дорогая.

— Сейчас я позвоню с него в полицию. Вот что я сделаю.

— Как тебе хочется. Не буду мешать.

Самодовольный сукин сын. Он прекрасно знает, что никакой звонок в полицию ей не поможет. Это советник президента Тернера. Он может связать тебя по рукам и ногам, увезти в Штаты на частном рейсе, и никто ничего ему не скажет. Ни слова. Ни один человек в мире не поинтересуется, почему он связал собственную дочь. Она вытащила телефон, но вместо звонка быстро написала: «Я сегодня не вернусь домой. Говорить тоже не смогу. Пожалуйста, не теряй меня. Объясню позже».

— Я предупредила его.

Ярослав улыбнулся неожиданно удовлетворенно.

— Что ж, так еще лучше. После твоего предупреждения, которое, как я понял, было очень кратким, он выйдет из себя еще быстрее.

Игорь закрыл дверь, громко сказал «привет, любимая», начал разуваться и замер с одним ботинком в руке. В квартире стояла полная тишина. Яна могла не расслышать его приветствия, потому что принимала душ, или готовила ужин, или болтала по телефону, или слушала музыку. Но тогда он бы услышал какие-нибудь звуки. Голос. Смех. Льющуюся воду. Но ничего не было. Тишина.

— Яна, ты дома?

Снова полная тишина.

Игорь снял второй ботинок, разделся, повесил куртку, вытащил из кармана телефон и увидел сообщение. Он был у Оли на приеме, выключал звук и забыл включить его, когда прием закончился. «Я сегодня не вернусь домой. Говорить тоже не смогу. Пожалуйста, не теряй меня. Объясню позже». По мере прочтения этого божественного в своей незамутненности текста картина мира, которая

жила у него в голове еще каких-то десять минут назад, затрещала. Что значит «не теряй меня»? Как это — не терять человека, который не может вернуться домой и говорить тоже не может? Она ушла? Насовсем? Если нет, то какого черта? Если да, то тем более какого черта? Ярослав за то время, которое обычно занимает дорога из аэропорта в отделение, успел уговорить ее бросить его? И потом, куда ушла? Это же ее квартира!

Он почувствовал, что ноги вот-вот откажутся его держать, и тяжело опустился на стул, не отрывая взгляда от безумного текста. Все это было настолько непохоже на Яну. На ту Яну, которую он знал и любил. Игорь поднес телефон к уху. Десять, пятнадцать, двадцать гудков. Отбой: «абонент не отвечает». Еще двадцать гудков. Снова отбой. Когда он уже перестал надеяться, что она ответит, и просто сидел в каком-то состоянии, близком к трансу, раз за разом нажимая на кнопку вызова, Яна сняла трубку.

— Игорь. — По голосу было слышно, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать. — Я же написала, что не могу говорить. И объяснить пока ничего не могу. Зачем ты мне звонишь?

Несколько секунд он, не в состоянии произнести ни звука, только часто-часто моргал.

— Зачем я тебе звоню? — наконец беспомощно повторил он. — Ты куда-то исчезла. Написала странное сообщение. И я теперь звоню, чтобы узнать, какого черта случилось. По-моему, это очевидно.

— Я не могу. Не могу рассказать, какого черта случилось. Извини.

— Яна! — Он сорвался на крик. — Что значит «не могу»? Почему не можешь? Что за херня происходит? Тебе нужна помощь? Где ты? Почему ты плачешь? Я... Я не знаю, что я сейчас сделаю!

— Игорь, я не могу ничего объяснить. И объяснить, почему не могу, тоже не могу. Прости.

— Ты в порядке? Тебя не похитили? Может, пора идти в полицию, а не задавать дурацкие вопросы?

— Нет. Не надо идти в полицию... Не надо.

— Яна, ты что, сошла с ума? — тихо и уже почти обреченно спросил он.

— Нет. Я понимаю, что в это трудно поверить, но нет. Постарайся поверить мне, хорошо? Пожалуйста. Я очень тебя прошу.

— В это не трудно, а невозможно поверить, — сказал он и услышал в своем голосе непонятно откуда взявшееся железо. — Можешь возвращаться домой. Я сейчас соберу вещи и уеду к себе. Через час меня здесь не будет.

— Как считаешь нужным. Я очень хочу попросить тебя не делать этого, но не имею права.

— Я рад, что ты это понимаешь.

Она молчала.

— Если вдруг сможешь объяснить происходящее, позвони. Не хотелось бы ломать голову всю оставшуюся жизнь.

Он нехорошо усмехнулся. Какую жизнь? Какая ему теперь жизнь? Как уложить в голове то, что он сейчас слышит?

— Игорь, я не...

— Я отключаюсь, — предупредил он, понимая, что все слова, которыми он привык заканчивать телефонные разговоры, в данном случае неуместны.

Какое-то время он просто сидел, изумленно глядя на телефон, как будто попал в двадцать первый век из каменного и не понимал, что это такое. Когда стало понятно, что она не перезвонит, Игорь собрался с силами, встал, сложил в большой бумажный пакет самые нужные вещи — зубную щетку, расческу, кое-что из одежды, документы, свернул в трубочку ноутбук, нетвердо, как во сне, вышел из квартиры, закрыл дверь, пошел по улице в сторону дома. То есть в сторону того места, которое он считал домом до встречи с Яной. Единственная мысль, которая приходила ему в голову по дороге, сводилась к вопросу, правда ли у него в квартире в морозилке оставался алкоголь, или ему изменяет память. Игорь решил, что, если изменяет и в морозилке окажется пусто, он ходит в ближайший магазин и купит водки, заплатив своей картой. Плевать на Академию, на перспективу из нее вылететь, плевать на все.

В морозилке нашлось несколько бутылок. Подзабытым, но все еще уверенным жестом он открыл одну из них и мелкими глотками выпил почти треть прямо из горлышка. Потом сел на пол прямо в верхней одежде. Как в тот вечер, когда он поцеловал Яну на крыльце Академии, а потом пришел домой, не имея ни малейшего представления, что делать дальше. Он словно не вставал с этого пола. Ему все это приснилось в пьяном сне. Она не приходила к нему в тот вечер, не говорила, что хочет быть его девушкой. Да и с чего бы ей такое говорить? Как он мог поверить, что все это реальность?

Он сидел так какое-то время, потом нашел себя спящим на диване в большой комнате, уже без куртки, но во всей остальной одежде. На часах было почти семь утра, голова раскалывалась, он не помнил, как дошел до комнаты и лег. Игорь встал, пошел в спальню, стараясь не смотреть по сторонам, потому что на эту квартиру, похожую на склеп, просто невозможно было смотреть, переоделся в первые попавшиеся домашние вещи, а одежду, в которой пришел, оставил валяться на полу посреди комнаты. Потом нашел в ящике стола в кухне таблетку от головы, трясушейся рукой наполнил пыльный стакан водой из-под крана и запил ее. Рука тряслась неожиданно сильно. Потом он вернулся в гостиную, рухнул на диван и снова отключился.

Его разбудил звонок телефона. Он кубарем скатился с дивана, побежал в спальню на звук, по-прежнему нетвердой рукой достал телефон из кармана лежащих на полу брюк и увидел, что это звонит Катя. Наверное, хочет спросить, почему его не было на занятиях. С тех пор как они с Яной стали жить вместе, он ни разу не пропустил занятия без очень серьезной причины. С Яной. Он почему-то был уверен, что это звонит она. Уверен с первой секунды, как звонок вырвал его из забытья.

Он сел прямо на забытую на полу одежду и несколько секунд пялился на телефон, как будто думал, что от его взгляда тот сжалится над ним и поменяет имя звонящего. Звонок не прекращался, и имя абонента оставалось прежним. Тогда Игорь зачем-то снял трубку.

— Привет, — сказал он и поразился, насколько выразительно звучит его хриплый сдавленный голос. Как будто он напился, как свинья, не вчера вечером, а неделю назад и с тех пор не трезвеет.

— Привет! Рада слышать, что ты живой.

— Да? — переспросил он. — А я вот не очень рад.

Последовала пауза.

— У вас что-то случилось?

— У нас — это у кого?

— У вас с Янкой, у кого же еще! У тебя с римским папой, что ли? — Кажется, Катя потихоньку начинала выходить из себя. — Ни тебя, ни ее нет на занятиях. Она не берет трубку, я раз пять уже звонила. Теперь вот звоню тебе и слышу, что ты не очень рад тому, что живой. Что за дела?

Он открыл рот, попытался найти какие-нибудь слова, не нашел и просто хватал ртом воздух.

— Игорь? — настойчиво позвала Катя. — Ты на связи?

— Да, — выдохнул он. — Кать, я сам не понимаю, что случилось. Я... Это какой-то ад. Какой-то полный пиздец. Извини за выражение. Я не представляю, что делать.

— Извиняю, — мрачно сообщила всегда радостная Катерина. — Ну хоть что-нибудь ты можешь рассказать? Пока из твоих слов вообще ничего не понятно.

Он нащупал спиной дверцу шкафа, прислонился к ней и закрыл глаза.

— Я вчера пришел домой. От врача.

— От какого еще врача?

— От психотерапевта. Я уже больше года хожу.

— А. Понятно, почему ты так изменился.

— Да. Но не только поэтому. Неважно. Короче, я пришел, Янки нет, хотя она должна была вернуться раньше меня: днем поехала встречать отца в аэропорт. Нашел от нее в телефоне сообщение. Какой-то полный бред, такое ощущение, что она в буквальном смысле слова сошла с ума. Что-то про то, чтобы я ее не терял и она ничего не может пока объяснить. И по телефону говорить не сможет.

— Да уж, — после паузы констатировала Катя. — И что, все? Так с тех пор и не появлялась?

— Я до нее дозвонился. Тогда же, вчера вечером. Почти сразу. Она взяла трубку, стала плакать и говорить, что не может ничего рассказать. Я понял, что сейчас сам сойду с ума, вместе с ней. Наорал на нее. Она продолжала твердить одно и то же: прости, рассказать ничего не могу. Тогда я сказал, что собираю вещи и уезжаю к себе, если захочет пролить свет на этот бред — пусть звонит сама. — Он тяжело проглотил слюну, ощутив знакомый отвратительный привкус похмелья. — И все. С тех пор тишина.

— Не знаю даже, что тут сказать. Может, ее похитили? Может, уже в полицию пора идти, а не страдать?

— Я у нее вчера спрашивал насчет полиции, когда дозвонился. Сказала, что не надо.

— И что? Ты же сам говоришь, что плакала и отвечала очень странно. Может, ей пистолет к виску приставили, чтобы не сказала лишнего. Может, она и сообщение писала под диктовку.

Игорь задумался. Голова была все еще свинцовая, давался этот процесс с большим трудом.

— Разве что похитители тоже психи. Могли бы продиктовать менее странный текст.

— Кстати, о ее отце. Может, позвоним ему, спросим, что он о ней слышал за прошедшие сутки? Если это похищение, то ясное дело, что начнут звонить ему, а не нам с тобой. Это ведь он большая шишка. К тому же он последний, кто должен был ее видеть. Она ведь к нему поехала в аэропорт.

— Я с ним не знаком. И не представляю, как объяснить, кто я.

— Нет проблем, давай я позвоню. В конце концов, я отвечаю за нашу группу. Приличная ответственная девушка, которая даже не опаздывает никогда, вдруг не приходит на занятия. На звонки не отвечает. Из дома ушла. Парню своему нагородила какой-то ереси. По-моему, более чем серьезные основания, чтобы связаться с родственниками.

— Было бы здорово.

— Договорились. Держись там давай. А то Янка впала в неадекват, и ты, я смотрю, стремишься к тому же.

— Это точно. — Он усмехнулся. — Буду держаться.

Катя перезвонила спустя мучительные сорок минут.

— Извини, что долго. Он не сразу ответил. — По ее голосу было слышно, что новости плохие.

— Ничего страшного, — сказал Игорь; сердце провалилось к желудку. — Все плохо, да?

— С одной стороны, все не очень плохо. А с другой, я даже не знаю, как тебе об этом рассказать.

— Катя.

— Ладно, прости. В общем, есть две новости. Хорошая состоит в том, что ее никто не похищал. Ярошенко-старший говорит, что видел ее и вчера, и сегодня

днем. Говорит, она была совершенно такая же, как всегда. Ничего не говорила о том, что пропустила занятия. В общем, судя по тому, что говорит ее отец, она скрыла от него, что что-то происходит, и болтала с ним как ни в чем не бывало. И вообще он очень удивился моему звонку.

Игорь закрыл глаза.

— Еще он сказал, что обязательно расспросит ее, что за дела с Академией. И перезвонит мне. — Она сделала паузу. — Игорь?

Он молчал.

— Игорь, ты тут?

— Да, — почти шепотом ответил он и вдруг впервые за эти сумасшедшие сутки почувствовал, что с трудом сдерживается, чтобы не заплакать.

— С тобой все в порядке?

Надо закинуть голову назад и вдохнуть поглубже. Должно пройти.

— Прости, дурацкий вопрос. Хочешь, я к тебе приеду? Нельзя сидеть одному и думать, что это за хрень. Можно сойти с ума. А ты нужен нам нормальным.

Он хотел спросить, зачем он им нужен, извиниться и объяснить, что не готов никого видеть, но вместо этого неожиданно для самого себя очень жалким голосом сказал:

— Хочу. Приезжай.

Хотел еще добавить, что ему неудобно ее напрягать и он нисколько не обидится, если она не поедет, но ничего не добавлялось.

— Вот и молодец, — тоном школьной учительницы сказала Катя. — Пишу адрес.

Он послушно продиктовал адрес, все больше понимая, что не способен ни на что, ни на какие разумные рассуждения, действия и решения.

— Хорошо. Буду через час. Купить тебе что-нибудь?

— Водки, — выговорил он прежде, чем успел подумать.

Катя помолчала.

— Тебе же нельзя?.. Ладно, опять дурацкий вопрос. Куплю. Выпьем с тобой. Я понимаю, что на трезвую голову такие вещи обсуждать трудно.

— А ты тоже пьешь водку? — удивленно спросил он.

— Не думаю, что «тоже». Есть ощущение, что тебя мне не догнать. — Она грустно засмеялась. — Но иногда могу выпить пару стопок. И думаю, что это как раз тот случай.

Катя действительно приехала через час, как и обещала. Усадила Игоря на стул, строго-настроено запретив с него вставать и пытаться сделать хоть что-нибудь, за пять минут соорудила гору закуски, открыла бутылку и разлила по стопкам. Игорь хотел встать, чтобы взять стакан, она спросила, куда это он собрался, и сама перелила его порцию в широкий стакан для виски, который потом доливала по мере необходимости.

В середине вечера Кате позвонил Ярослав. Она убежала разговаривать в комнату, но по тону, которым она что-то ему отвечала, Игорь понял, что ничего хорошего он ей не сообщил. Катя вернулась, потерянно села на стул. Ярослав еще раз связался с Яной. Ему она рассказала, что случилось, но просила об этом не распространяться. Поэтому Ярослав извиняется, передает, что Яна жива, здорова и в порядке, но сам ничем не в состоянии помочь. Они помолчали какое-то время, потом так же молча выпили. Потом сменили тему. Было непонятно, что тут обсуждать. Яна то ли правда сошла с ума, то ли посчитала, что не может сказать Игорю прямо, что уходит от него, и не нашла ничего лучше, чем оставить его догадываться самому. Потом Катя сказала, что ей пора ехать, и Игорь искренне за все ее поблагодарил. Она крепко обняла его на прощание, велела не стесняться и звонить, если будет совсем тяжело. Он закрыл за ней дверь, по привычке сел на пол и понял, что не видит никакого смысла вставать.

Дубна, Центральная Российская республика, сентябрь 21,
2079

С огромными усилиями набранные килограммы, превратившие его худобу из пугающей в эффектную, исчезли за трое суток. Он перебрался в старую одежду, которая уже давно была ему не по размеру и без дела болталась в шкафу. Он снова увидел в зеркале серую кожу, торчащие кости и ввалившиеся щеки. Попытки заставить себя поесть ни к чему не приводили. В горло не лезло ничего, кроме холодной водки и воды. Даже два года назад, когда он жил один в этой жуткой квартире, было легче. Тогда он все-таки иногда ел — пусть безо всякого удовольствия, пусть хотя бы раз или два в сутки.

Когда закончились три дня, которые он мог не появляться в Академии без объяснений, стало понятно, что у него нет никаких сил на возвращение к нормальной жизни. Сначала Игорь решил, что будет сидеть дома и пить, пока не умрет. Потом подумал, что надо позвонить Оле, его доктору, и спросить, что делать. Потом понял, что следующая среда уже скоро и не стоит беспокоить ее раньше. Может, это была и неправильная мысль, но он почему-то не стал с ней бороться. Тогда он позвонил Кате и честно сказал, что ему нужно или возвращаться к занятиям, или вылетать из Академии, а он не может вернуться, просто не может, и все, и не знает ли она, что делать. Катя посоветовала позвонить доктору Савинову и объяснить ему ситуацию. Раньше Савинов был одним из самых страшных его кошмаров. Но с тех пор прошло много времени, и старые кошмары потеряли над ним власть. Игорь выпил очередные полстакана и выбрал имя из списка.

— Добрый вечер, Андрей Сергеевич, — совершенно спокойно сказал он. Он вообще стал очень спокойным. Ему просто было на все наплевать. — Извините, что звоню в нерабочее время.

— Добрый вечер, Игорь, — вполне дружелюбно ответил Савинов, и Игорь в который раз подумал, что система, при которой собеседник сразу видит твое имя, очень хороша. По крайней мере, не нужно мучительно объяснять, кто ты такой. — Ничего страшного, время еще вполне светское. У вас все в порядке?

— Мы с вами давно не встречались.

Савинов усмехнулся.

— Это точно. Я заметил, что вы меня упорно избегаете. Но, пока не происходит ничего, требующего моего вмешательства, я закрываю на это глаза.

— Уже происходит. И наша староста посоветовала мне позвонить вам и честно все рассказать.

— Разумный совет. Я слушаю вас, Игорь.

— Я стал встречаться с девушкой из своей группы. Уже давно, год назад. Даже больше.

— Думаю, вас не удивит, что я в курсе?

— Нисколько. И пошел к врачу. К психотерапевту. Я не хотел идти к кому-то из Академии. Хотел остаться неизвестным.

— Вы так говорите, как будто я могу иметь что-то против такого решения. Очень здорово, что пошли. Я вам еще восемь лет назад говорил, что это

правильно.

— Да. — Игорь сделал паузу, вспоминая, при каких обстоятельствах Савинов мог ему такое говорить. — Со временем все стало очень хорошо.

Савинов молчал, ожидая продолжения.

— А позавчера она от меня ушла. Пропала, ничего не объясняя. Оставила очень странное сообщение, из которого вообще ничего не понятно. Не отвечает на звонки. Катя, староста нашей группы, звонила ее отцу. Он говорит, что с ней все в порядке, но никаких подробностей не рассказывает. На занятия она не ходит. В общем, не знаю, зачем я грузю вас этими подробностями. Главное — я снова начал пить, потому что просто не могу оставаться в сознании. У меня едет крыша, когда я на трезвую голову пытаюсь обо всем подумать. И три дня, которые у меня есть, уже кончились, а я просто не могу никуда пойти. — Он помолчал, собираясь с силами. — Я могу только сидеть дома, пить и спать. Вы, наверное, отчислите меня к чертовой матери и правильно сделаете. Это же вы запретили мне пить. Но я не знаю. Просто не знаю, что делать. Катя сказала звонить, и я звоню, хотя не представляю, чем вы можете мне помочь.

— Игорь, — терпеливо сказал Савинов, — во-первых, никуда я вас не буду отчислять. Вы думаете, что у нас работают дураки? Я прекрасно знал, что вы пьете. Все эти годы прекрасно знал. Просто на вас бесполезно давить. Я решил ждать, пока что-нибудь не случится. Вы бы либо устали от такой жизни и сами пришли за помощью, либо впали в неконтролируемый запой, и тогда пришлось бы разбираться с вами, не спрашивая согласия, либо нашли силы что-то изменить и проблема решилась бы сама собой. Что в итоге и случилось.

— Андрей Сергеевич, — убитым голосом сказал Игорь, — вы сказали, что все это время знали, что я пью? Мне не послышалось?

— Ну да. Разумеется.

— Но почему? Я не верю своим ушам. Почему я все еще здесь?

— Потому что вы нам нужны, Игорь. Совсем ничего вам не запрещать было бы неправильно. Все-таки должны быть какие-то сдерживающие факторы. Но и расставаться с вами мы не готовы.

Игорь молчал, пытаясь осознать услышанное.

— Когда у вас следующая встреча с вашим психотерапевтом?

— В среду.

— Давайте договоримся так. До четверга я выписываю вам больничный. Для всех преподавателей и одногруппников вы слегли с острым респираторно-вирусным заболеванием. В среду сходите к своему врачу. Возможно, после этого найдете силы появиться на занятиях. Если нет, вечером в среду позвоните мне, и мы будем думать, что с вами делать.

Игорь снова молчал. Доктор Савинов «договаривается» с ним. Невероятно. Кажется, не только Яна, но и весь мир сошел с ума.

— Возможно, — продолжил Савинов, — потребуются какие-то серьезные меры. Может быть, антидепрессанты. Госпитализация. Пока трудно сказать, что именно, но вы должны быть готовы.

— Я готов, — поспешно согласился Игорь. Он вдруг как никогда ясно понял, что ему очень дорога Академия.

— Ну и замечательно, — заключил Савинов. — И знаете, Игорь, на прощание хочу пожелать, чтобы ваша девушка нашлась и все прояснилось. Я думаю, это было бы лучшим выходом из сложившейся ситуации.

— Спасибо, Андрей Сергеевич, — потрясенно сказал Игорь. — Большое вам спасибо за понимание.

— Не за что, Игорь. Звоните. Удачи вам.

И он отключился, а Игорь остался сидеть с телефоном в руке.

После этого разговора он понял, что больше не хочет пить. Это самый привычный ему способ переживать боль, но пришла пора с ним расстаться. Все выходные и понедельник он спал или просто лежал в постели, глядя в потолок. Иногда пытался посмотреть кино, но минуте на десятой терял нить. Никаких сил на что-то другое не было. Есть он тоже не хотел и не мог. Иногда пил сладкий чай, чтобы совсем не обессилеть, и возвращался в постель. Во вторник стало понятно, что Яна не находится, ничего не меняется, скоро придется идти к Оле и разговаривать с Савиновым, и для этого нужно съесть хоть что-нибудь, иначе ноги откажутся нести его за пределы квартиры. Тогда он заварил чай покрепче и заставил себя съесть бутерброд. Точнее, почти заставил — треть бутерброда полетела в мусорное ведро, потому что ему было дурно от истощения, но от вида и вкуса еды еще хуже. Тогда он перерыл все ящики стола, выпил все лекарства и витамины, которые нашел, не разбирая. В верхнем ящике обнаружили давно забытые сигареты.

Игорь подумал, что, может быть, это как раз то, что ему сейчас нужно, приоткрыл окно и сел на подоконник. На третьей затяжке тошнота усилилась, и он потушил сигарету прямо в чашке, из которой пил чай.

Игорь посмотрел вниз. Закружилась голова, тошнота усилилась еще, и он подумал, что надо бы встать, дойти до туалета и выблевать гадкий бутерброд, который он зачем-то сожрал, потом позвонить Оле, Кате, Савинову. Сказать им, что он попробовал поесть впервые за шесть дней и ничего хорошего не вышло, что ему невыносимо плохо физически и морально и срочно нужна помощь. Но сил не было ни на что, и он продолжил сидеть на подоконнике, даже не пытаясь бороться с тошнотой. Конечно, скоро он справится — он справлялся и не с таким, — и доберется до туалета, а потом и до врачей, учебы и нормальной жизни. Он не сдастся просто так, он никогда не сдавался. Он раз и навсегда запретил себе думать о решении проблем с помощью самоубийства, и, значит, у него только один выход — преодолеть все это. И все-таки неужели она просто бросила его? Вот так, не потрудившись не то что объяснить свой поступок, а хотя бы честно поставить его перед фактом? Конечно, этого следовало ожидать, он никогда не исключал, что однажды ей все-таки надоест, что разум победит, что она бросит возиться с ним и найдет кого-нибудь веселого, здорового и сильного. Он ведь до сих пор неудобный и колючий, совсем не подходящий для такой хорошей заботливой девочки.

Пару месяцев назад она поцеловала его, когда он задремал у нее на плече, поцеловала не в лоб, нос или волосы, как обычно делала с ним спящим, а в губы, и хотя это был очень сдержанный, осторожный поцелуй, он проснулся и рванулся от нее с такой силой и ужасом, что она потом долго извинялась, как будто сделала что-то очень плохое, — а он перед ней, за свою нелепую, нездоровую, стыдную реакцию; за то, что не понял спросонья, что это она; что показался ей таким; что у него внутри все еще жив тот несчастный мальчик, у которого украли его собственное тело, дерганый, похожий на жителя давно запрещенных контактных зоопарков, где замученных забавных зверушек все время трогали и трогали какие-то мерзкие люди, пока у них не случался нервный срыв — тогда они начинали кусаться, и их усыпляли как ненужных и опасных. Это был один из плохих дней. Он тогда извинился в тысячный раз — за свою реакцию и еще за то, что только собирался сделать, заранее: закрылся в кухне и выпил в одиночестве, впервые за несколько месяцев вообще выпил — и впервые за год в одиночестве, молча, мрачно, как раньше.

Он снова налил в стакан водки и глушил ею стыд и жгучую вину перед Яной — за себя, за то, что ей приходилось с ним переживать, за то, что теперь и она чувствует себя виноватой и просит прощения, хотя совершенно не за что:

тысячи девушек каждый день целуют тысячи задремавших мужчин, и у них все проходит гладко, а он отпрыгнул, как щенок, которого жестоко бьют, от тянущейся погладить руки. В тот вечер на него нашло такое отчаяние, какого он не знал уже давно. Он сидел в темноте, пил и думал, что ничего не помогает, ни ее любовь, ни доверие между ними, ни таблетки, ни психотерапия, что он так и останется на всю жизнь убогим душевным инвалидом и будет приносить ей только несчастье и разочарования. А потом снова останется одиноким и никому не нужным, как выброшенная сломанная игрушка.

К утру он немного поспал, и успокоился, и извинился еще раз, и даже пошутил про вчера, и они вместе посмеялись и обнялись, и все стало снова хорошо, хорошо и спокойно. Но сейчас он вспомнил этот случай и еще другие случаи — наверное, дело было в них. Рано или поздно ей должно было надоесть, все понятно. Но Яна, та Яна, которую он любил и хорошо, как ему казалось, знал, обязательно сказала бы об этом. Честно и прямо. Так же честно и прямо, как однажды сказала, что хочет быть его девушкой.

Когда прошел час или два бессмысленного сидения на подоконнике из последних сил, в дверь позвонили.

Игорь открывает дверь не сразу, после пятого или шестого звонка, когда она уже всерьез волнуется. Он открывает дверь и замирает на пороге, не приглашая ее войти. У него давно забытый вид тяжелобольного человека.

— Да неужели, — говорит он совершенно ровным голосом.

— Можно войти? — неуверенно спрашивает она.

Несколько секунд он смотрит на нее с сомнением.

— Очень хорошо, что ты пришла. Но очень плохо, что сейчас, а не раньше. Почему не полчаса назад, не два часа назад? Не вчера?

— Игорь, можно я войду и расскажу, почему не два часа назад и не вчера?

Он кивает. Она проходит за ним в кухню; за прошедшее время квартира стала еще мрачнее, чем в тот день, когда она впервые в ней оказалась. Садится. Он садится напротив.

— Я... Я очень боюсь, что ты не поверишь.

— Давай ты изложишь факты, а я сам решу, как с ними быть. Лимит принятых без моего участия решений относительно наших общих дел исчерпан.

— Я поговорила с отцом на прошлой неделе, — начинает она, глядя в пол. — Сказала ему, что хочу вас познакомить, когда он прилетит.

— Что? — переспрашивает Игорь, и в его голосе звучит первая за эту их встречу эмоция. — Почему ты сразу мне не рассказала?

— Не знаю. — Она не врет, а действительно не знает. — Не знаю, Игорь. Он сказал, что должен все обдумать. Потом сказал, что будет ждать меня в аэропорту. И мы поговорим при встрече.

Она делает шумный вдох.

— При встрече он сказал, что прочитал твое личное дело, поговорил с людьми, которые тебя знают. Сказал, что не может прийти к однозначному выводу. Что Академия знает, что ты пил, например, и, несмотря на это, тебя не отчисляли. Сказал, что ты настоящий гений, судя по всему.

— Я тоже внезапно выяснил, что они все знали про мои фокусы с изготовлением алкоголя. — Игорь нервно смеется.

— Потом он сказал, что боится, что, если я когда-нибудь захочу от тебя уйти, ты сорвешься и поведешь себя так, как вел себя твой отец. Поднимешь на меня руку. Или вообще убьешь.

— Мне приходили в голову такие мысли. — Он снова нервно смеется, уже почти истерически.

— Предложил проверить, как ты себя поведешь, если такое случится. Что если все будет нормально, он отстанет и никогда больше не станет вмешиваться в наши отношения. Я отказалась.

Она беспомощно машет рукой.

— И... Я не знаю, как рассказывать о таких вещах.

— Как есть.

— Тогда он сказал, что и не ожидал от меня согласия, но его это не остановит. Что мне придется посидеть под домашним арестом, потому что он «все-таки отец». Разговор происходил в машине через перегородку от водителя и двух телохранителей. Единственный путь оттуда — под колеса. Хотя, скорее всего, двери были заблокированы и оттуда вообще не было никакого пути. Но я не стала проверять. Все, на что меня хватило, — попытаться предупредить тебя.

— Почему ты не сказала, что тебя похитили? Я ведь прямо спрашивал об этом.

— Потому что... не знаю. Потому что это мой родной отец. Потому что у нас в семье всегда было принято делать вид, что все в порядке, даже если происходит что-то чудовищное.

— Яна, почему ты не закричала, что тебе нужна помощь?! Ты ведь говорила со мной. Почему ты не сказала, что тебя везут куда-то против твоей воли? Какая разница, кто это делает?

— Я не знаю, Игорь, — тихо говорит она. — Не знаю.

— Ты сейчас просто врешь мне, да? Ты принимала участие в этом по своей воле, а сейчас просто врешь.

— Нет.

— Тогда какого черта?! Почему ты не сказала мне по телефону, что отец не хочет тебя отпускать? Я не понимаю. Более того, я отказываюсь это понимать!

— Я наконец поняла, что испытывают люди, когда хотят покончить с собой. Мой отец держал меня под охраной, как в тюрьме, и только улыбался на все попытки сопротивляться, а мой любимый человек считает, что я издевалась над ним специально. Я не знаю, как и ради чего дальше жить.

Игорь вдруг изо всех сил бьет кулаком по столу, потом заливается истерическим смехом. Яна молча ждет.

— Хорошо, — уже спокойно говорит он. — Давай поиграем в игру, что все нормально. Ты же играла со мной в интересную игру, теперь моя очередь.

Игорь с усилием встает, подходит к ней, берет ее за подбородок, заставляет поднять голову, наклоняется и целует. Это очень обидный, даже оскорбительный поцелуй. Он целует ее с ощутимым отвращением, но она никак не пытается это прекратить. Игорь отстраняется, рассматривает ее лицо, потом аккуратно поднимает ее, берет на руки. Впервые ей неприятен этот жест. Он несет ее, как неодушевленный тяжелый предмет. Заходит в спальню, усаживает ее на кровать, методично и без единой эмоции на лице расстегивает на ней джинсы.

Потом расстегивает свои джинсы, каким-то непривычно властным жестом кладет ее на лопатки, наклоняется над ней и еще раз целует. Яна хочет отстраниться, сесть, сказать, что не надо, что лучше пусть между ними никогда больше ничего не будет, чем будет вот это, но ничего не говорится. Когда она решает, что у нее нет ни сил, ни особенного стремления сопротивляться, Игорь вдруг резко отпускает ее, отворачивается и садится к ней спиной, свесив ноги с

кровати и закрыв лицо руками. Яна возвращает на место джинсы, придвигается ближе и осторожно пытается обнять его за плечи, но он отстраняется.

— Не нравится, да? Мне тоже. Чувствуется какая-то неестественность. — Он издает короткий смешок, и Яна понимает, что он в полушаге от истерики.

Воцаряется длинная тяжелая пауза.

— Игорь, мне тоже очень плохо. Но я люблю тебя и не хочу, чтобы все вот так кончилось.

— А расскажи мне правду, — вдруг просит он, не поворачиваясь к ней.

— Я рассказала правду.

— Говори правду или уходи.

— Какую правду?

— А что, есть несколько разных правд?

— Правду о чем?

— О том, почему ты не сказала мне, что отец собирается не пускать тебя домой.

Яна собирается повторить уже рассказанное — и понимает. Она действительно не говорила ему правду, потому что боялась даже думать о ней.

— Он сказал, что люди в критических ситуациях бездумно воспроизводят заложенные в детстве нормы поведения. И я вспомнила, как хотела рассказать тебе о нашем с ним первом разговоре и не смогла. Я очень волновалась и делала то, к чему привыкла с детства: изображала, что все в порядке и ничего не происходит.

— И тогда ты поняла, что он прав. И что тебе самой нужно меня проверить.

— Не совсем. Я честно пыталась тебя предупредить.

— Ты пыталась предупредить меня о том, что не придешь. О том, что это дело рук твоего отца, там ничего не было.

Она молчит.

— Тебе было интересно, чем закончится его эксперимент, правда? Ты меня боишься? А почему? Почему, Яна? Я когда-нибудь дал понять, что могу ударить тебя? Что я опасен не только для себя, но и для тебя тоже?

Она молчит.

— Помнишь, я пытался повеситься прошлым летом, а потом передумал из-за ключей? Стал слезать со стула, сорвался и чудом не повесился нечаянно. Какая-то жалкая секунда меня спасла. И знаешь что? Лучше бы этой секунды не было.

— Игорь, что ты...

— Я остался жить для того, чтобы единственный человек, которого я люблю, боялся меня. Чтобы этот человек считал, что я такой же, как мой отец.

— Это не так. Я просто ужасно растерялась от всего этого.

— Как выяснилось, получать ботинком в живот намного приятнее, когда знаешь, что сейчас получишь. А когда приходишь вечером домой, а там любимая девушка, которой ты сам, как идиот, подставил все больные места, приготовила ботинок... да чтоб я сдох тогда в этой петле, Яна.

— Игорь, мне тоже очень плохо, меня не каждый день похищает отец. Да, я растерялась и не сообщила самого главного, но, может, ты попробуешь простить меня, учитывая, в каких обстоятельствах все происходило?

— Не могу. Надеюсь, что смогу позже, но сейчас мне просто надо остаться одному. Я даже не уверен, что тебе есть за что просить прощения, но пока не могу тебя видеть.

Яна начинает плакать.

— Он обманул тебя. Твой отец. Он не собирался отставать. Он обманул тебя, как школьницу. Он знал, что, если я не пройду его блядскую проверку, ты уйдешь от меня, а если пройду, то уйду сам. Мы расставались при любом исходе его затеи.

Яна плачет так горько, как не плакала еще никогда в жизни.

— Уходи, хорошо? Когда-нибудь потом поговорим.

— Когда?

— Не знаю, Яна. Не представляю. Я все бы отдал за то, чтобы все снова стало нормально, но сейчас я просто не могу. Роль лабораторной крысы меня убила.

— Игорь. — Она всхлипывает, тянется к нему, обнимает за плечи и прижимается щекой к его торчащей острой лопатке.

— Не трогай меня, — просит он. — Уходи. Я надеюсь, что это не последняя наша встреча, но сегодня ты отпустишь меня и молча уйдешь.

Она не отпускает его и плачет.

— Яна, убери руки. Не нужно сейчас меня трогать.

Она не отпускает.

— Яна, я не шучу.

Она не отпускает.

— Я сказал, убери руки! — Игорь повышает голос — У тебя пять секунд, чтобы их убрать!

Она не слушается, и он вдруг чувствует, как кровь поднимается к вискам, застилает глаза красной пеленой, смывает последние остатки разума, которыми он себя контролировал.

— Отпусти меня немедленно, я сказал!!! — кричит он, поворачивается к ней, отрывает ее руки от своих плеч и изо всех сил, которых, несмотря на шестидневный голод, оказывается неожиданно много, отталкивает ее от себя.

Яна отлетает на добрых полтора метра, падает с кровати и исчезает из поля зрения. Игорь отворачивается. Сквозь отступающую пелену он думает, что несколько раз по-хорошему предупредил ее и вообще сделал все, что мог. Проходит секунда, вторая, третья, тридцать третья, ничего не происходит. В комнате ни звука. Яна не поднимается на ноги, ничего не говорит, не плачет, не пытается уйти. Тогда он медленно оглядывается и понимает, что ее не видно. Такое ощущение, что он один в этой жуткой комнате. Возбуждение и злость отступают, он снова просто перепуганный мальчик с ледяными ладонями. Он встает на негнущиеся ноги, обходит кровать, сердце стучит где-то в затылке.

Побелевшая Яна, как в плохом фильме, неподвижно лежит на полу, и вокруг ее головы медленно расплывается кровавое пятно. Он зачем-то садится рядом с ней на корточки, внимательно смотрит на ее сосредоточенное лицо, потом изучает предметы вокруг. Она ударилась затылком об острый угол прикроватной тумбочки. Игорь находит в себе силы встать, как в тумане достает из кармана телефон, вызывает ей «скорую», а себе полицию, чтобы облегчить людям рабочий процесс. Потом понимает, что даже не проверил, есть ли у нее пульс, снова садится на корточки, дрожащей ледяной рукой берет ее руку, такую же ледяную, и смыкает пальцы на тоненьком запястье. Очень редкий и слабый, но пульс находится. Тогда Игорь думает, что главное — дождаться «скорой» до того, как из нее вытечет вся кровь, — много ли ее в таком маленьком теле? — садится рядом, не отпуская ее руки, и закрывает глаза.

Ярослав Александрович Ярошенко был прав.

Глава четвертая

Коломна, Центральная Российская республика, сентябрь 28, 2079

Все дальнейшее он помнит очень смутно, как будто все время был сильно пьяным. «Скорая» и полиция приезжают одновременно, по дому начинают бегать незнакомые люди, у него все время что-то спрашивают, Яну укладывают на носилки и уносят. Он отвечает невпопад, в конце концов усатый мужчина сердито машет кому-то рукой, на него надевают наручники и усаживают в машину. Потом он где-то ночует, и единственное четкое воспоминание — противная ноющая боль в спине, потому что он спит на чем-то неудобном. Потом какие-то люди ведут его к каким-то другим, новым людям, и единственным знакомым лицом оказывается сердитый усатый мужчина, забравший его из дома. Игорь не может говорить — вообще, физически не может, кажется, что ему вырвали связки вместе с языком, — и только кивает на все вопросы. Усатый мужчина сердито бьет кулаком по столу. Интересно, он что-нибудь когда-нибудь делает не сердито? Может, ест или занимается сексом? Или он всегда жизнерадостный добряк, просто Игорь действует на него, как красная тряпка на быка? Потом молодой парень в форме долго что-то ему говорит, Игорь иногда кивает, хоть и не уверен, что делает это к месту. Из объяснений парня становится понятно — если в его состоянии в принципе может быть понятно хоть что-то, — что его собираются судить по статье «покушение на убийство» и, если он не хочет открытого суда, лучше сейчас подписать признание. Игорь подписывает. Ему нет никакого дела до того, что происходит.

В чувство его приводит известие, что к нему приехал посетитель. По тому, как нездорово искажается лицо усатого, сообщающего ему эту новость, он делает вывод, что посетителя зовут Ярослав Ярошенко. Тут Игорь внезапно выныривает из своего забытья и обнаруживает себя сидящим в тюрьме, причем почему-то в одно лицо, соседи по камере отсутствуют, и подписавшим признание в том, что он совершенно сознательно пытался убить Яну. Конечно, в этом есть доля правды — в какой-то момент он был так зол, что действительно хотел ее убить. Хотел, но не пытался. То есть хотел и пытался, но все-таки не хладнокровно и сознательно. Доходит до него и новость, что Яна в больнице, но ей лучше. Если ему не послышалось в бреде, у нее перелом черепа и черепно-мозговая травма, она потеряла много крови, но ее жизни ничего не угрожает.

Думать о ней долго он не может — становится так больно, что мозги снова отключаются. Ясность рассудка покидает его и при попытке подумать, что он скажет Ярославу при встрече. Хочется устроить еще парочку черепно-мозговых травм.

Когда за ним приходят, чтобы вести на встречу с Великим и Ужасным, он уже перегорает злостью, обидой, ненавистью и виной и снова не чувствует ничего. Единственная мысль, которая посещает его во время утомительного шествия по тюремным коридорам, — что он не мог и вообразить, в каких обстоятельствах доведется знакомиться с ее отцом. Его приводят в небольшую по меркам остального мира, но кажущуюся просторной после камеры комнату с депрессивно-зелеными стенами, где оставляют в одиночестве. Время тянется медленно и мучительно, как жевательная резинка, вынутая изо рта на холодной улице. Он успевает до смерти устать от сидения на стуле и созерцания болезненной зелени стен, когда дверь открывается и в комнату заходят сначала двое высоких мрачных мужчин среднего возраста в костюмах, а за ними седой человек небольшого роста. Одинаковые люди в костюмах — видимо, горячо любимая Игорем служба безопасности Академии — встают справа и слева от стула, на котором он сидит, а Ярослав останавливается напротив, складывает руки на груди и внимательно его рассматривает. От его взгляда в других обстоятельствах можно было бы растечься по полу, но Игорю уже настолько на все плевать, что он издевательски приподнимает бровь и начинает открыто и не менее пристально изучать своего гостя. Ярослав намного красивее, чем на фотографиях, и в то же время очень неприятный. Он невысокий, у него прекрасная для почти шестидесятилетнего человека фигура, благородная седина его только украшает, очень правильные черты лица, цепкий взгляд. И такое изящество в каждом движении, что Игорь невольно вспоминает, как с первого взгляда на Яну его больше всего удивила даже не красота, а именно эта потрясающая плавность линий.

Ярослав не потрудился снять верхнюю одежду: поверх костюма на нем расстегнутое пальто и шарф, лежащий так красиво, словно его держат сотни невидимых булавок. Игорь оглядывает стоящих по сторонам от него истуканов и очень спокойно говорит:

— Я не буду разговаривать с вами в их присутствии.

— Ты не будешь разговаривать со мной в их присутствии? — делано переспрашивает Ярослав. — А что, у тебя есть выбор?

Игорь чувствует, как в животе просыпается страх.

— Выбор есть всегда. — Он изо всех сил старается, чтобы голос звучал так же спокойно.

И прежде, чем он договаривает последнее слово, в его недаром почувствовавший неладное живот врезается тяжелый кулак мужчины справа. Удар очень точный и очень сильный, и Игорь складывается пополам, а перед глазами виснет гирлянда из искр. Несколько секунд он хватается ртом воздух, потом находит в себе силы распрямиться.

— Так понятнее? — спрашивает академик, и в его вкрадчивом голосе начинает скрежетать железо. — Это доступный тебе язык, не правда ли?

— Я не буду разговаривать с вами в их присутствии.

Ладони покрываются ледяным потом. На этот раз удар в живот дополняет удар в затылок, от которого он больно бьется лицом о собственные острые колени. Времени, чтобы отдышаться и разогнуться, уходит чуть больше, чем в первый раз, но Игорь справляется.

— Вам не стыдно бояться человека в наручниках? — искренне интересуется он и готовится после своего вопроса лежать на полу, пытаясь закрыть от ударов голову. — Что такого случится, если они выйдут?

Ярослав молчит и смотрит на Игоря таким взглядом, будто хочет прожечь в нем дыру. Молодцы чего-то ждут — какого-то едва заметного жеста хозяина, после которого можно будет продолжать упражнения.

— Или не хотите пачкать руки? — продолжает Игорь. — Ну так пусть они со мной позанимаются и свалят отсюда, а потом мы с вами поговорим.

— Если они с тобой позанимаются, — чеканно произносит Ярослав после многозначительной паузы, — ты не сможешь со мной поговорить.

— Значит, не судьба. — Игорь неожиданно для себя расплывается в улыбке. Улыбаться больно — видимо, он разбил губу, когда ударился лицом. — Или прикажите им позаниматься так, чтоб смог. Я думаю, они справятся с этой задачей. В службу безопасности Академии не должны брать совсем безнадежных идиотов, правда?

На слове «правда» он уже лежит на полу, подтянув колени к подбородку и закрыв голову руками. Какое родное и давно забытое ощущение: валяться вот так, потеряв счет ударам ботинок счастливых обладателей единственной в организме извилины, расположенной между половинками задницы. И как хочется больше никогда, никогда, никогда этого не ощущать. Его хватают за

шкирку, как котенка, поднимают с пола, хорошенько встряхивают и возвращают на стул. Какое-то время он приходит в себя. В глазах стоят слезы, дышать больно и тяжело. Но нужно. Он запрокидывает голову, чтобы слезы не потекли по лицу, сглатывает слюну с противным привкусом крови, делает глубокий вдох и как можно спокойнее повторяет:

— Я не буду разговаривать с вами в их присутствии.

— Хорошо. Не разговаривай, — соглашается Ярослав, и тон его предвещает вещи, по сравнению с которыми все предыдущее кажется детским лепетом. — Сейчас ты отправишься в самую опасную камеру во всей этой богадельне, и я специально уточню, что твое благополучие не волнует ни одно живое существо на планете. Думаю, твои новые соседи будут рады возможности пообщаться с человеком, за которого никто никогда не заступится.

Ярослав вызывающе смотрит на него, как будто чего-то ждет; потом резко выходит из комнаты, за ним выходят его солдаты. Игорь остается сидеть на стуле, мокрый от пота и едва живой от ужаса и обиды. Что-то в словах академика задевает Игоря сильнее, чем все удары его спутников. Может быть, мысль, что за него снова некому заступиться. Ни разу в сознательной жизни до встречи с Яной у него не было человека, который стал бы за него заступаться. И вот такого человека снова нет, а его ждет самая жесткая встреча, которую могут организовать уголовники соседу по камере. Ярошенко-старший не похож на шутника.

За ним приходят какие-то серые люди, они снова идут по длинным коридорам, и Игорь чувствует, как у него подкашиваются ноги. Перед незнакомой дверью камеры один из провожающих шепчет «парень, прости, но тебе конец», и он как никогда ясно понимает, что все. Раньше были шутки, а теперь действительно конец. В двери тяжело лязгает замок. У него трясутся руки, ноги, кишки, каждая клеточка его проклятого тела дрожит от первобытного ужаса. Мозги отключаются, хочется выть, реветь, кататься по полу. Оказывается, он был наивным дебилом, когда думал, что видел в жизни что-то плохое. Глядя на все увеличивающуюся полоску между дверью и косяком, он понимает, что его мачеха — добрая фея из сказки, удары его отца — ласковые объятия, а жизнь в подвале — рай. Сейчас ему покажут, что такое боль, унижение и насилие, а то, что он по глупости раньше считал болью, унижением и насилием, превратится в красивую картинку с обложки туристического буклета. Если бы он мог сейчас остаться один, то выbleвал бы от ужаса собственные внутренности.

Дверь за его спиной со скрипом закрывается, и это не дверь, а крышка гроба, в котором его хоронят заживо. Невидящим взглядом он обводит ухмыляющиеся

лица сокамерников. Видимо, им не забыли сказать, что за него некому волноваться. Умер в тюрьме. От туберкулеза. Да мало ли от чего можно умереть в тюрьме. Никто не полезет изучать его изуродованный труп. Он повторяет про себя слово «труп». А ведь они могут не захотеть его убивать. Живой он будет радовать их намного дольше, чем мертвый. Убить — удовольствие на несколько минут. А вот живая игрушка, состояние которой не волнует совершенно никого... О господи. Только бы они захотели. Только бы они захотели убить его и сделали это как можно быстрее. Он никогда не верил ни во что, кроме законов физики, а теперь у него остается одна мысль: господи, пожалуйста, пусть они убьют меня побыстрее, пусть убьют прямо сейчас, немедленно, пожалуйста, пожалуйста. Пусть случится чудо, пусть им настолько не понравится мое лицо, что они просто возьмут и убьют меня прямо сейчас. Прямо здесь. У двери.

Ему хочется сесть на пол, крепко-крепко обхватить колени руками, спрятать голову, заплакать и заскулить, как скулят раненные собаки. Господи. Ну почему. Почему он не сдох в подвале. Почему не повесился тогда. Быстрая смерть — это награда. Это лучшее, чего может пожелать такое недоразумение, как он. Господи, пусть случится чудо, ну пожалуйста, пожалуйста, пусть оно случится, пусть вон тот косматый хрен в углу подойдет и без предисловий воткнет нож ему под ребра.

И чудо случается.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, сентябрь 28, 2079

Позвонил какой-то тип, попросил дать комментарий для газеты. Об инициативе группы ученых из главного отделения Академии, которые собрались построить космический корабль, преодолевающий скорость света. Естественно, за бешеное количество миллионов долларов. А как же иначе. Бесплатно, что ли, преодолевать? Дураков нет. О том, что построить такой корабль в настоящее время в принципе невозможно, все при этом вежливо молчат — да и еще бы не молчать, когда вот они, миллионы. Скрой лицо посерьезнее, когда несешь этот бред про скорость, и станут твоими.

Вы, сказал тип, известнейший физик в мире (автор вопроса, видимо, за несколько дней до этого разговора упал с дерева, когда снимал котика, и сильно ударился головой), что вы об этом думаете? «Черта в ступе они преодолеют, придурки. Вот что я думаю». Так я ему ответил. Вообще надо было ответить иначе, в конце концов, разве часто мне звонят люди из газет? Но я сказал это

прежде, чем успел понять, что говорю. Сам я придурок, конечно. И сам преодолёю черта в ступе. Или, что намного вероятнее, он меня.

Но самое интересное не в этом. Самое интересное в том, что через два часа позвонила Бланш. Из чего я могу сделать как минимум два вывода: а) им не лень прослушивать мой телефон; б) Бланш от меня что-то нужно, ей лично, а не службе безопасности Академии.

— Я так смеялась, — радостно сообщила она. — Они ведь действительно преодолёют черта в ступе. Точнее не скажешь.

— Чем обязан такой чести? Выразусь проще: зачем ты сюда звонишь?

— Я звоню сказать тебе, что меня очень порадовал твой комментарий. Но на самом деле, конечно, не только для этого. Я была бы крайне признательна, если бы ты оторвал свою задницу от дивана, набрался смелости и приехал сюда. Нам всем тебя очень не хватает. Пока они преодолевают чертей, твоя теория пылится в углу. Этому пора положить конец.

Тут я зачем-то спросил, считает ли она мою теорию верной. Зачем? Неужели меня волнует ее мнение? Это проклятая Бланш Бернар, из-за которой я чуть не сдох! Но интереснее то, что она на это ответила. «Я не знаю, Джаспер, я же не физик. Но я знаю другое — мы обязаны это проверить. Потому что если ты прав, то у нас появляется хотя бы призрачный шанс выбраться из этого царства уныния».

И знаешь, Дорогой Дневник, впервые за долгие годы я бросился к расчетам, как буйнопомешанный. Потому что эта женщина, которую я от всей души ненавижу, вдруг поставила передо мной задачу, какую я сам себе никогда не ставил: не просто понять, как и из чего все сделано, а найти путь, ведущий на другую сторону. Я никогда не задумывался, будет ли доказательство теории лицевой стороны означать, что на лицевую сторону можно выбраться. Я уже писал, что большую часть времени глупый, как аквариумная рыбка, а соображать начинаю только тогда, когда ставлю перед собой какую-то задачу. Задачу понять, как устроена Вселенная и откуда вообще она взялась, я ставил себе с детства. А вот задачу подумать, можно ли попасть на другую сторону, поставила передо мной она. И вот теперь я задумался... И это очень интересно, хоть и звучит как фантастический сериал для подростков. Директор по безопасности, понимающая суть моей теории на уровне общего описания, как ее могут понять все неглупые люди, своим взглядом неспециалиста посмотрела глубже, чем я сам. Вот будет смешно, если когда-нибудь мою теорию докажут и выяснится, что самая практически значимая ее часть родилась после разговора с человеком, которого я проклиная едва ли не каждый день.

Коломна, Центральная Российская республика, сентябрь 28, 2079

Ярослав садится в машину и смотрит, как один из парней закрывает за ним дверь. Почему-то у него поганое настроение, и все, что он видит, делает его еще хуже. Он говорит себе, что это неудивительно: чего хотеть, заявившись в одну из худших тюрем в стране, уже не первый век знаменитой своими плохими тюрьмами, и пообщавшись с омерзительным щенком, посмевающим поднять свою конечность на его дочь.

— Давай быстрее, — через губу цедит он водителю, и машина срывается с места. Машины с охраной едва успевают среагировать.

Пейзажи за окном тоже не внушают оптимизма. Ярослав с отвращением смотрит в окно, потом на своих спутников, потом на собственные ноги в дорогих ботинках, покрывшихся малоприятной пылью, которую он всегда не мог терпеть. Ничего. Его плохое настроение просто цветочки по сравнению с настроением, которое сейчас будет у щенка. Сейчас ему объяснят, как нехорошо много о себе думать, не имея для этого достаточных оснований. Сейчас ему объяснят все. Помимо здорового злорадства, которое вызывает эта мысль, его грызут досада и разочарование: он говорил о самой ужасной камере в твердом расчете, что щенок поймет всю серьезность угрозы, одумается, перестанет дерзить, заплачет, взмолится о пощаде, превратится наконец в того жалкого выскочку, от которого он и защищал свою Яну.

Но ничего подобного не произошло. Мальчишка выслушал его слова с каменным лицом, и только побелевшие щеки (точнее, впадины под скулами, которые заменяли этому доходяге щеки) выдавали, в каком он на самом деле ужасе. У Ярослава не было ни малейшего шанса отыграть назад без ущерба для своего достоинства — наверное, здесь лучше бы подошло забытое, к большому сожалению, дворянское понятие «честь», — он не мог сказать «ну ладно, пожалею тебя», пока щенок не начал умолять о пощаде. Сначала просьба о снисхождении, потом снисхождение — и то только в том случае, если просьба убедительная.

Нарушение этого правила означает слабость; этого нельзя допускать никогда — и дважды никогда в случае с преступником, из-за которого его единственная дочь попала в больницу. Если разрешить себе думать об этом дальше, можно прийти к выводу, что они даже чем-то похожи в своем стремлении оставаться сильными любой ценой: один, чтобы не показаться слабаком, бросил парня на

натуральное, буквальное растерзание людоедам, а второй молча и гордо на это растерзание пошел. Но он не будет об этом думать. Ярослав — академик, ректор института физики элементарных частиц, человек, от которого зависит судьба цивилизации, а парень — просто отброс общества, неоправданно много возомнивший о себе, который только и сумел за свою жизнь, что пустить пыль в глаза наивной девочке. Но сейчас новые соседи быстро поставят на место его самооценку.

Ярослав вдруг непроизвольно передергивает плечами. Он всю жизнь старался не думать обо всякой недостойной его внимания гадости и, говоря, что подберет парню камеру с самыми отмороженными ребятами, не видел за этими словами никаких подробностей. А сейчас его воображению вдруг стали рисоваться портреты этих ребят. Ведь Игорь, в последние дни казавшийся Ярославу конченным уголовником, должно быть, просто невинный младенец в сравнении с теми, с кем ему предстоит познакомиться. Что они сделают, увидев его? Этого пусть и мерзкого и ненавистного Ярославу, но все-таки совсем еще ребенка, никому не нужного, но гордого? Худенького мальчика с тонкими пальцами, который глотает кровь из разбитых губ, но не хочет сдаваться, делает один судорожный вдох за другим, чтобы не дать слезам покатиться из глаз?

Наверное, для них будет большим удовольствием с ним разобраться. Унизить его. Размазать. Сломать. Сделать так, чтобы ему не хотелось больше сопротивляться, выбить из него всю гордость, всю привычку дерзить, улыбаясь окровавленным ртом. Превратить в безвольную куклу с мертвыми глазами. И сомневаться в том, что они большие знатоки в этом деле, не приходится. Он подкинул им стоящее развлечение — молоденький мальчик, неглупый, с характером; ломать такого будет особенно интересно. И симпатичный мальчик. Там ведь, наверное, есть любители. Их и так немало, а уж в мужской тюрьме... И спрашивать его согласия они вряд ли станут. Впрочем, к этому ему не привыкать — судя по личному делу, мало кто спрашивал и раньше.

— Разворачиваемся, — говорит он водителю прежде, чем успевает понять, что делает. Потом достает телефон, нажимает кнопку вызова и без приветствия бросает в трубку: — Верните его назад. Мы не договорили.

И чудо случается.

Уже ничего не понимающего от ужаса Игоря вытаскивают из камеры раньше, чем его новые соседи перестают лыбиться. Дверь с лязгом закрывается, он остается в коридоре, а с другой стороны двери воцаряется недовольный гул. Он стоит и хлопает глазами, не веря своему счастью. Может быть, через полчаса

его вернуть обратно, но сейчас это неважно. Все неважно. Чудо, о котором он так просил, случилось. Кто-то хлопает его по плечу. По разговорам за спиной он понимает, что Ярослав счел нужным увидеть его еще раз. И его даже не интересует, что тот может от него хотеть. Его интересует только то, что чудо случилось. Зеленую комнату, которая в предыдущий раз показалась ему мрачной, он встречает как самое прекрасное место на земле. Когда в комнату снова заходит Ярослав со своими шкафами, Игорь понимает, что легко мог бы броситься на шею всем троим.

Академик Ярошенко, советник президента Тернера и один из самых влиятельных людей на многострадальном шарике, изучает его долго и пристально. Намного дольше и пристальнее, чем в первый раз. Он всматривается в его разбитые губы, в яростно бьющуюся на виске жилку, в мокрый от пота лоб, в ссадины на руках, полученные при попытке смягчить удар об пол. Похожим на сканер взглядом Ярослав проходит по его впалым щекам, по складке между бровями, по уже отчетливо заметным, хотя ему в ноябре исполнится только тридцать, седым волосам на висках. Потом переводит взгляд на стоящих за плечами Игоря молодцев. И неожиданно для всех кивает в сторону двери.

Когда они остаются вдвоем, Игорь впервые за все время отводит взгляд.

— Успел посмотреть на соседей? — спрашивает Ярослав.

Игорь кивает.

— И как?

— Не всматривался. — Он пожимает плечами. — Я и так примерно представляю, что там.

— А я вот понял, что лучше не надо этого представлять.

— Это точно.

Виснет пауза, после которой Игорь тихо говорит:

— Если у вас есть желание добавить своими руками, я не обижусь и сдачи давать не стану. Это ведь ваша дочка в больнице. А не здешних постоянных клиентов и не дебилов из службы безопасности.

Ярослав еще внимательнее смотрит на него, и Игорю кажется, что шаблон в голове академика в очередной раз трещит по швам. Ярослав оглядывается, находит стул, ставит на середину комнаты, тяжело опускается на него и наклоняется вперед.

— Тебе что, стыдно?

— Не уверен, что готов обсуждать это с вами, — честно отвечает Игорь. — Судя по организации похищения родной дочери, у нас очень разные представления о стыде.

Ярослав сжимает губы в почти невидимую полоску. Его или разозлили, или очень задели эти слова.

— Как это случилось? — зло спрашивает академик, и Игорь не может понять, на кого он злится сильнее, на него или на себя. — Я уже было решил, что ошибся насчет тебя. Что ничего такого не будет. Зачем ты это сделал? А?

— Вам что, действительно интересно? — удивленно спрашивает он.

— А ты как думаешь?

Игорь жмет плечами.

— Я не шляюсь по тюрьмам, как последний отброс общества, ради того, что мне не интересно.

Игорь делает глубокий вдох. Его все еще трясет от недавно полученной порции воспитательных мер.

— Она так и не смогла мне объяснить, почему не сказала, что происходит, когда я до нее дозвонился. У нее ведь было для этого несколько секунд. И я решил, что она тоже хотела меня проверить, просто не признается. Что она боится меня.

— Ты не прав. — Ярослав качает головой. — Она действительно могла успеть, но не стала этого делать совсем по другой причине. Из страха, что, если она помешает мне, я рассержусь и сделаю так, чтобы тебя отчислили из Академии. А тебя считают будущим гением, и этого никак нельзя допустить. У Яны ведь главное — благо человечества. Всю жизнь волнуется о том, что нужно людям, вместо того чтобы волноваться о том, что нужно ей.

Игорь потрясенно слушает.

— И мать у нее была такая же, царствие ей небесное. — Ярослав делает паузу, как будто взвешивая, стоит продолжать или нет. — Знаешь, отчего она умерла?

Игорь мотает головой.

— Еще бы ты знал. Никто не знает. Тестировала на себе лекарство от рака. У первоначальной версии были такие побочные эффекты, что его запретили

испытывать на людях. А она была уверена, что в шаге от открытия. — Ярослав нехорошо усмехается. — Чего я только не делал, чтобы ее остановить. Только что не приковывал наручниками.

Он машет рукой, потом продолжает:

— Лекарство должно было останавливать рост раковых клеток, а останавливало рост всех клеток вообще, и больных, и здоровых. Ей оставалось совсем немного, чтобы понять, в чем дело, когда исследования запретили. Тогда она стала сама ширяться этой гадостью. И знаешь, что самое обидное?

Игорь молчит, боясь вставить хоть слово.

— Ее имя даже не упомянуто в списках тех, кто совершил это чертово открытие. Есть где-то в самом начале истории про исследования. А потом нет. Она же нарушала предписания Академии. Такое нельзя афишировать. Она все поняла, передала коллегам и тихо умерла за два месяца у меня на руках. На что была похожа, лучше не вспоминать. Полная неспособность организма к обновлению. Думаю, ты можешь себе представить.

Ярослав отворачивается и какое-то время молчит.

— Дочке было три года. Вот скажи мне, что об этом думать? С одной стороны, ее коллеги промучились еще лет пять, пытаясь легализовать полученные результаты исследований, но в конце концов добились своего. И теперь тысячи людей каждый год выздоравливают, а не умирают. А с другой стороны, разве так делают нормальные люди? Плюют на семью и губят себя ради благополучия посторонних?

Игорь по-прежнему молчит, не в силах поверить своим ушам.

— И эта выросла такой же. Сколько я ни бился, пытаюсь сделать из нее обычную дочку богатого отца, которую волнуют только женихи, вечеринки и магазины, как только ни уговаривал думать о себе. Все бесполезно. Вторая мать. Причем она с детства такая. В десять лет умудрялась читать мне лекции про то, что нужно рвать задницу, спасая жизнь распоследнего дикаря из джунглей, который не моется и не умеет складывать два и два.

Ярослав вдруг смотрит на Игоря с ужасом. До него словно только сейчас доходит, с кем он все это время говорил.

— Яна, кстати, тоже не знает, от чего умерла ее мать.

— А почему? — удивленно спрашивает Игорь. — Вы думаете, так лучше?

Ярослав снова машет рукой.

— Не знаю я, что думать. Теперь уже не знаю.

— Это ваше дело, но я бы ей сказал. Это очень важно, вы даже не представляете, насколько. Она бы знала тогда, что все это от страха... и любви. А сейчас ей кажется, что вы над ней просто издеваетесь. Просто хотите переделать, потому что она вам не нравится такой, какая есть. — Игорь сбивается и опускает глаза — собеседник ведь не спрашивал его совета, а он только что отправил в больницу ту, о чувствах которой сейчас печется. — Извините. Я не должен был этого говорить.

Ярослав долго и внимательно смотрит на него, как будто не успел рассмотреть до этого.

— Когда она жила со мной в Калифорнии, — наконец серьезно говорит он, — и приводила познакомиться своего кавалера после пары недель свиданий, им всегда оказывался редкий слизняк. И чем быстрее она его демонстрировала, тем более тяжелое впечатление он производил и тем меньше нравился ей самой. Тебя она скрывала больше года. Я уже давненько знал, что у нее кто-то есть, но все ждал, когда она сама скажет. Трудно и неприятно это признавать, но мне следовало бы задать себе вопрос, почему.

Игорь вдруг с настоящим ужасом думает, что ему чем-то нравится этот человек.

— Ладно. — Академик вздыхает. — Лучше скажи мне: как ты все-таки это сделал? Ты не похож на человека, который будет проламывать любимой женщине голову.

Игорь вздрагивает от слов «любимая женщина» из уст Ярослава.

— Она пришла ко мне, чтобы все рассказать. Рассказала. Я расстроился и разозлился. Она стала меня обнимать, я попросил не трогать меня. Сказал, что хочу остаться один. Что потом мы, наверное, поговорим, но мне нужно время, и сейчас я не готов ее видеть. Просил убрать руки, один раз, два, три. Она не слушалась. Тогда я ее оттолкнул. Оттолкнул слишком сильно. Вышел из себя и совершенно не оценил силу. Она упала и ударилась об угол тумбочки. — Он трясет головой, как будто все еще не может поверить в произошедшее. — Я раньше думал, так только в дурацких фильмах бывает.

— Так, конечно, лучше, чем в версии обвинения. Но ты не думал, что это тоже ненормально?

— А вы не думали, что ненормально стоять и смотреть, как двое бьют ногами человека в наручниках? — с вызовом спрашивает Игорь. — Мне-то не жалко, меня не в первый раз так бьют. Просто интересно, кажется ли вам, что это в порядке вещей.

— Думал. Не кажется. Мы с тобой сейчас вдвоем разговариваем, если ты не заметил.

— Заметил.

Оба опускают глаза. Ярослав думает, что хотел бы выпить и поговорить с этим мальчиком в какой-нибудь нормальной обстановке. Думает, что Яна, похоже, была права и стоило просто приехать и познакомиться с ним. Что тощий бродяжка из подвала держится так просто и в то же время так достойно, как не снилось и некоторым коллегам Ярослава по Совету. Но теперь уже ничего не сделаешь. Не предлагать же мальчишке поехать пить, когда того десять минут назад чуть не съели по его распоряжению.

— Зачем вы это устроили? — неожиданно спрашивает Игорь. — Я не понимаю. Я честно пытаюсь понять и не могу. Какой реакции вы ожидали от меня? Что я запрыгаю от радости, когда вы ее отпустите? Ура, проверка пройдена, можно устроить милый семейный ужин?

Ярослав поднимает на него глаза.

— Никакой. Я думал только о дочери.

— То есть я в ваших умозаключениях был декорацией, у которой нет своей воли, и она будет стоять там, куда ее поставил режиссер?

— Хочешь выйти отсюда? — спрашивает Ярослав после паузы. — Вернуться в Академию?

— Если Яна захочет со мной увидеться, то хочу. Я не думаю, что все может быть как раньше, но должен поговорить с ней.

— А что, если не захочет? Останешься тут?

Игорь кивает.

— Хорошо. Я постараюсь устроить вам встречу. И попрошу, чтобы тебя перевели в камеру к нормальным соседям.

— Лучше назад в одиночку, если это возможно. Не люблю общество.

Ярослав приезжает еще раз спустя неделю. Сразу заходит один, оставив сопровождающих за дверью. Говорит, что Яна не хочет видеть не только Игоря, но и самого Ярослава, отказывается возвращаться в Академию и вообще «черт знает что себе позволяет». Тон у него такой, как будто он уверен, что это девичий каприз, который пройдет через день, но по лицу видно, что он понятия не имеет, что делать. Игорь говорит, что тогда останется здесь, что и в Академии, и на свободе вообще ему совершенно нечего делать. Ему нигде больше нечего делать, но эту мысль он оставляет не озвученной. Ярослав отвечает, что, если Игорь передумает, он вытащит его отсюда за день и предупредит охрану на случай, если тот захочет с ним связаться.

Больше всего Игорь ждет, что Ярослав попросит прощения за свою идиотскую идею с проверкой. Тогда Игорь скажет, что идея была не такая уж идиотская, раз проверку он все-таки не прошел, и тоже попросит у него прощения. Но ничего такого академик не говорит, и Игорь остается один на один с полным бардаком внутри и тишиной камеры, в которой, кроме него, никого нет. Странно, но теперь он даже рад, что сидит в тюрьме. Попытку убийства в считанные дни по просьбе Ярослава переквалифицировали в причинение тяжкого вреда здоровью, но заключение продолжалось, и это было хорошо. Конечно, он не только не пытался ее убить, но даже не бил. Он оттолкнул ее, причем после нескольких просьб убрать руки. Он не копия своего отца, не монстр, не садист, не социопат.

Он просто деревянный эгоистичный травматик, заикленный на своих ранах и в упор не замечающий чужих. До сих пор, несмотря на все свои успехи, несмотря на явный прогресс. Просто больной ребенок, искренне не понимающий, что кому-то еще, кроме него, может быть нужна помощь и забота. Неужели нельзя было понять, что Яна могла просто растеряться, попав в эту жуткую ситуацию? Что, придя к нему после того, как ее украл родной отец, она нуждалась в помощи и поддержке, а не в обвинениях, и была в не меньшем шоке от случившегося, чем он сам. Конечно, можно. Нужно! И то, что он не смог дать ей этого, было даже страшнее финальной сцены с кровью и полицией.

Все это чудовищно. Если сделать усилие и вылезти из своего убогого эгоцентричного мира, можно понять всех — и Яну, и Ярослава, и его самого. Каждый действовал из своих представлений о том, как будет лучше. Каждый боролся с собой, старался как мог. Подумать только: академик Ярошенко был готов допустить, чтобы единственная дочка жила с алкоголиком, который в детстве спал в подвале. И всего-навсего хотел убедиться, что этот алкоголик не опасен для ее жизни и здоровья. Страшно представить, какую работу над собой ему пришлось проделать. Каждый из них троих сильно ошибся. И в то же время

каждый был по-своему прав, прав внутри своих страхов и заблуждений, своего эгоизма, своей гордости.

Некого винить, некому мстить, некого ненавидеть. И исправлять тоже нечего. Все трое — в их последнюю встречу Игорю показалось, что и железобетонный академик жалеет о своем поступке, — поняли, что ошиблись. Все трое теперь знают, как нужно было поступать. Но что дальше? Есть вещи, которые случаются в жизни только один раз. Они с Яной никогда больше не будут вместе, а Ярослав никогда больше не прочитает, что мужчина дочери спал в подвале. Зачем драгоценное знание, как нужно было поступать? Теперь, когда применить его уже некуда?

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, октябрь 12, 2079

Вообще пора бы звонить этой стерве и благодарить. Это потрясающе.

У меня получается, что выбраться на лицевую сторону можно. С вероятностью 99,99999 % это осталось бы чисто теоретическим рассуждением даже в том случае, если бы саму теорию удалось доказать, — чтобы выбраться, нужно сделать двухступенчатую бомбу, работающую на субъядерном уровне. Я уже неплохо представляю, как ее сделать, но кто же мне дал бы так баловаться, даже вернись я в Академию. Это оружие, способное уничтожить планету подчистую за несколько секунд. Если представить, что оно каким-то образом попало в руки к одному из сумасшедших религиозных фанатиков, утверждающих, будто человечество погрязло во грехе и подлежит уничтожению, то со звуком «упс» (шучу, на самом деле без звука «упс») нам придет настолько быстрый конец, что мы и не заметим. Может, не худший вариант, но делать такое оружие в любом случае никто не даст. Слишком много среди людей кровожадных мудаков, чтобы так экспериментировать даже в самых благородных научных целях.

Так вот, а выбраться с помощью такой бомбы можно так: ее нужно взорвать в космическом вакууме, желательнее подальше от Солнечной системы, чтобы на Земле ничего не изменилось. На первом этапе она запустит термоядерный синтез, подобный происходящему в центре звезды, а на втором сделает из этой звезды черную дыру. Как обойти необходимую массу звезды, уговорив черную дыру закрыть на это глаза и возникнуть на месте небольшого объекта, я тоже придумал. Вообще на лицевую сторону можно было бы попасть через какую-нибудь из имеющихся черных дыр. Но тут от попадающего не осталось бы

ничего такого, что могло бы куда-то попадать, в связи с чем этот вариант отмечаем.

Так вот: термоядерный синтез, гравитационное сжатие ядра после прекращения энергетически выгодной реакции — и вот оно. Первая в истории человечества возможность достучаться до небес в самом прямом смысле этого слова. На нашей стороне образуется черная дыра, на лицевой — фонтан. И вот если умудриться попасть на самую вершину этого пробившегося фонтана, оседлать волну, то она вынесет тебя прямо на обратную сторону. Проклятая Калифорния. Уж сколько лет меня там нет, без всяких надежд на возвращение, а я все еще стремлюсь оседлать какую-то там волну. Кретин. Кстати, а вдруг (маловероятно, но это я чисто с целью поржать) у них там примерно такая же ерунда, как у нас? И ты этим фонтаном убьешь какого-нибудь кота? Было бы неприятно.

Возвращаясь к теме: после такой попытки попасть на лицевую сторону человек все равно стремительно умрет, но разница с проходом через имеющуюся черную дыру в том, что он умрет уже на той стороне, а для зануд вроде меня это имеет принципиальное значение. Хотя, казалось бы, так и так занавес. Но и это по большому счету не важно.

Все это просто болтовня по целым трем причинам:

- 1) никто не даст делать такое оружие;
- 2) никто не захочет взрываться в космосе;
- 3) даже если кто-то и захочет, то все равно не выживет, чтобы что-то нам рассказать о той стороне. Ему придет конец в качестве живого белкового организма примерно через несколько после нажатия кнопки. Взрыв и привет.

Вводить второго наблюдателя тоже никакого смысла — либо его снесет к чертям и наблюдать снова станет некому, либо он будет находиться на таком расстоянии от происходящего, что не увидит ничего, кроме вспышки. Строить эти расчеты можно только очень условно, вообразив сферического наблюдателя в вакууме, которому не страшны никакие взрывы. Но сам факт! Сам факт того, что путь на лицевую сторону существует!

Ненавижу Бланш Бернар, ХА-ХА-ХА. Вообще я ее ненавижу, но уже почти люблю, потому что за эмоции, которые я испытал, пока считал все это, можно смело отдать последний тухлый год моей тухлой жизни.

Дубна, Центральная Российская республика, октябрь 26, 2079

Примерно через две недели после того, как ее выпустили из больницы, Яна впервые в жизни обнаружила себя человеком, которому совершенно все равно. У нее были деньги, было жилье, было свободное время. И не было ни единого желания, ни единой эмоции, никаких представлений, что и ради чего делать дальше. Она слышала, что некоторые люди проводят в похожем состоянии всю жизнь и отчаянно пытаются наполнить свои дни каким-то занятием, чтобы отвлечься от созерцания этой пустоты у себя внутри: женятся, заводят ребенка, потом еще одного, ударяются в религию, уезжают путешествовать на край света, увлекаются экстремальным спортом. Но она не собиралась прятаться. Пустота так пустота. В конце концов, кто сказал, что это плохо? У нее есть жилье, время и деньги и нет ни единого обязательства перед кем бы то ни было. Больше нет.

Пару дней она провела, лежа в постели и глядя в потолок. Потом ей это надоело. В мире было много вещей, на которые она никогда не решалась в своей прежней жизни. Но теперь ей все равно, и разве это не прекрасный повод наверстать упущенное? Яна уехала в Москву, каждый день ходила в новое место и через некоторое время перестала помнить, какое сейчас число, не говоря уже о дне недели. Она впервые в жизни напилась до беспамятства, поцеловала девушку, попробовала наркотики, проснулась в незнакомом месте рядом с незнакомым человеком; в малознакомом месте рядом с малознакомыми людьми; вообще не ложилась спать, потому что съела таблетку, от которой не спалось вторые сутки подряд.

Иногда в окутывающих ее сознание облаках случались просветы, и тогда она в ужасе думала, что нужно прийти в себя, вернуться домой, пойти к психотерапевту, попробовать объясниться с Академией таким образом, чтобы ей разрешили вернуться к занятиям. Но просвет быстро сменялся новым облаком. Еще реже она вдруг понимала, что больше всего на свете хотела бы прямо сейчас вызвать такси, выяснить, в какой тюрьме сидит Игорь, поехать туда и просто посмотреть ему в глаза. Но, когда она пыталась представить, как он сейчас выглядит, как посмотрит на нее, что они смогут друг другу сказать — если, конечно, вообще что-нибудь смогут, — становилось так тошно, больно и тоскливо, что спасал только новый решительный шаг в туман.

И она снова и снова делала этот шаг.

Санта-Круз, Калифорния, ноябрь 12, 2079

Прилетев домой, Ярослав понял, что чувствует себя лучше. Россия, от которой он давно отвык, всегда добавляла ему неуверенности. Через пару недель ему начало казаться, что все не так уж плохо, а еще через пару недель он позвонил дочери с твердой решимостью поговорить с ней как ни в чем не бывало.

— Я же русским языком сказала, что не хочу с тобой разговаривать, — ответила она со смертельной усталостью в голосе, опустив приветствие.

— Для начала привет, дорогая, — зачем-то сказал он.

— Что тебе от меня нужно?

Ярослав растерялся.

— Зачем ты мне звонишь? — не сдавалась Яна. — Я что, непонятно выразилась во время нашего предыдущего разговора?

Впервые в жизни он не нашел, что ответить.

— Хорошо, выразусь понятнее, — продолжила она, и с каждым словом ее голос звучал все увереннее. — Не смей мне звонить больше никогда. Я не хочу тебя слышать. Мне стыдно, что я твоя дочь, и я бы не хотела получать напоминания об этом прискорбном для меня факте.

— Дорогая, ты в своем уме? — потрясенно спросил Ярослав. — Что значит «мне стыдно, что я твоя дочь»?

— То и значит. Это значит, что мне стыдно, что я твоя дочь. Что тут непонятного?

Он молчал.

— Что тут непонятного, я тебя спрашиваю?

— Как ты разговариваешь с отцом? — Он надеялся, что получится достаточно строго, чтобы привести ее в чувство, но вышло довольно кисло.

— Чтобы быть отцом, — четко проговаривая каждое слово, сообщила она, — нужно быть человеком. А ты не человек. Так что я буду разговаривать с тобой, как сочту нужным.

Он мучительно пытался найти слова, которые вернут ему его Яну, но ничего не находилось.

— Мне стыдно не только, что я твоя дочь. Мне стыдно жить в мире, которым правят такие, как ты. Ты разрушил жизнь своей единственной дочери и человека, которого она любила. Но это полная ерунда в сравнении с тем, что каждый день ты рушишь жизни миллионов людей. Ты думаешь, что знаешь, какие люди нужны миру, а какие нет, и тебе даже не приходит в голову усомниться в этом хоть на секунду. И если кто-то в твоей голове миру не нужен, он может сдохнуть прямо на крыльце твоего дома, и ты не поведешь бровью.

— Откуда ты набралась таких слов, дочка? — тихо проговорил Ярослав.

— Я набралась их из жизни, папочка, — издевательски ответила она. — Из жизни, где тысячи людей каждый день подымают из-за тебя и твоей компании! Знаешь, я ведь давно так думаю. Я уже много лет не могу понять, как можно быть такими монстрами, как Тернер, как ты, как Йохансон, как все вы. Просто я раньше никогда не говорила тебе, что думаю, потому что боялась тебя. А теперь мне нечего терять. Если существует ад, вы все в нем сгорите.

— Дочка, что ты...

— Не смей меня перебивать. Ты всю жизнь считаешь людей вторым сортом, если они не такие умные, как ты, если они не умеют есть ножом и вилкой, если они зарабатывают на жизнь не тем, чем ты. А я так не думаю. Любой голодный ребенок, родившийся в каирских трущобах, лучше тебя. Любой одетый в листья житель племени в Океании, который не умеет читать, стоит тысячи таких, как ты. Да что там! Любая собака умеет любить и защищать того, кого любит! А ты умеешь только уничтожать все живое. Подходить к миру с ножницами, как садовник к кусту, и обрезать все, что не укладывается в рамки твоих жалких, убогих представлений. Мне стыдно быть твоей дочерью. Мне стыдно, что я не могу ничего сделать, чтобы вы перестали управлять этим несчастным миром. Я даже не могу сказать, что я тебя ненавижу. Ненависть — слишком сильное чувство, чтобы его к тебе испытывать. Мне просто стыдно. И я не хочу больше никогда слышать твой голос в своем телефоне и видеть перед собой твое самодовольное лицо.

— Яна, что ты...

— Вообще у меня появился способ сделать его чуть менее самодовольным. Например, пообещать воспользоваться всеми известными способами саморазрушения. Раньше я боялась что-то потерять и поэтому вела себя прилично. А сейчас не боюсь. Думаю, довольно скоро я умру. И знаешь что? Мне плевать.

Ярослав кружил по дому, не находя себе места. Такого состояния он не припоминал за последние лет двадцать. Он просто не мог сидеть дольше тридцати секунд, его подбрасывало, как подорвавшегося на mine. Ты не человек. Мне стыдно. Вы сторите в аду. Кажется, его дочка ударилась головой серьезнее, чем решили врачи. Конечно, этот негатив можно понять — ее чуть не убил мужчина, с которым она собиралась жить долго и счастливо. Но у всего должны быть границы! Сказать родному отцу — который, между прочим, заботился о ее же безопасности, когда предлагал испытать нервную систему мальчика на прочность, — что он хуже собаки! Каково? Тем более что, как выяснилось, волновался он вовсе не зря. Нужно немедленно полететь в Россию, взять дочку под руки, не слушая ее протестующих воплей, и показать нескольким стоящим врачам. Налицо нарушение работы головного мозга. И что она там делает такого, от чего собирается умереть? «И знаешь что? Мне плевать».

Он несколько раз повторил про себя эту фразу и, как во сне, потянулся опять к ее имени.

— Я не поняла, — произнес уставший голос, — у тебя все еще остались какие-то вопросы?

— Да. Ты могла бы повторить свои слова про то, что скоро умрешь?

— Забавно, что тебя интересует только это. Уверена, что если бы я продолжала ходить на занятия, носить шапку в мороз и не забывать пить воду, мечтая при этом сдохнуть, то ты не повел бы и бровью. Несчастный человек или счастливый, тебя не волнует, лишь бы со стороны смотрелось «прилично». Но, к счастью, я выбрала другой путь.

Ярослав молчал в несвойственном ему духе.

— Я сказала, что довольно скоро умру и мне плевать. Я знаю, на какой риск иду, но это единственное, чего мне хочется.

— Ты знаешь, что...

— Ничего не знаю и не хочу знать. Постарайся сюда больше не звонить.

«Ты знаешь, что почти слово в слово повторила сказанное твоей матерью перед тем, как она сделала первую инъекцию своего экспериментального лекарства?» — хотел спросить Ярослав.

«Я знаю, на что иду, — сказала Лена в тот вечер, — и понимаю, что, скорее всего, умру. Мне все равно».

Немного придя в себя, он зачем-то вызвал своего коллегу по Совету, Амира Магди. Магди родом из Каира. Может, слова дочери про ребенка из каирских трущоб замкнули в его голове эту странную цепочку? Все общение Ярослава с Амиром сводилось к встречам на заседаниях Совета и редкому обмену репликами на торжественных мероприятиях. Он даже не мог вспомнить, разговаривал ли когда-нибудь с ним по телефону. Зачем он звонит ему сейчас? И главное, что он скажет, когда тот возьмет трубку?

— Добрый день, Ярослав. Чем могу быть полезен? — откликнулся Магди по-английски со своим удивительно правильным для выходца из арабских стран произношением. У самого Ярослава почти не было акцента, и он каждый раз приятно удивлялся, видя, что кто-то потрудился проделать ту же работу, что и он.

— Добрый день, Амир. Понимаю, что это несколько неожиданно, но хотел попросить тебя о встрече.

— Что-то случилось? — вежливо поинтересовался советник после паузы.

— Да. То есть не то что бы случилось... — Ярослав растерялся.

— Я понял, — лаконично сообщил собеседник. — Как насчет ужина сегодня вечером?

— Отлично. — Ярошенко с облегчением выдохнул. — Назначай время и место.

— Давай в восемь. Адрес сейчас пришлю.

— Отлично, — повторил Ярослав, судорожно пытаясь понять, что делает и зачем ему это нужно. — До встречи.

— До встречи, — эхом откликнулся коллега.

Следующие часы он пытался придумать, о чем будет говорить за ужином, потом махнул на это дело рукой. Все уже пошло не по плану: дочка, единственный дорогой человек, оставшийся у него после смерти жены, собирается пойти дорогой матери, а ведь он всю жизнь только и делал, что заботился о ней. Да, так, как считал нужным, исходя из собственных представлений о счастье и безопасности. Но заботился, и очень ответственно. Он ведь всю жизнь посвятил тому, чтобы не дать второй своей любимой девочке повторить путь первой. Он оберегал Яну изо всех сил. Она этого не ценила, и он уже почти смирился, что никогда не получит благодарности за свою заботу, но сейчас все окончательно

вышло из-под контроля. А теперь еще ужин с Магди. Этого первоначальный план не включал — но и такого разговора с Яной Ярославовной он не включал тоже. Придется ориентироваться по ситуации, хотя он ненавидел это больше всего на свете. Ярослав оделся в костюм и галстук, кивнул телохранителю, ждущему его у входной двери, сел в машину. Водитель уже знал адрес.

Он смотрел в окно, на улицы, людей, другие машины и вдруг громко спросил:

— Прошу прощения, вы не напомните, как вас зовут?

— Вы мне? — удивленно уточнил парень за рулем.

— Да.

— Джейсон.

Ярослав наклонился вперед.

— Джейсон, — вкрадчиво сказал он, — вы не могли бы пересест на пассажирское сиденье?

— Зачем? — уже не удивленно, а испуганно переспросил парень. Пять лет он везде возил академика Ярошенко, и тот ни разу не обратился к нему ни с одним вопросом, кроме «почему стоим?».

— Хочу повести машину, — серьезно ответил Ярослав. — Я же когда-то умел. У меня и права есть.

Парень остановился, Ярослав сам открыл дверь, неожиданно бодро выскочил наружу и пошел к водительской двери. Сзади затормозила первая машина с охраной, парни побежали к нему.

— Спокойно. — Ярослав улыбнулся. — Решил немного размяться!

Под недоуменными изумленными взглядами всей компании академик сел за руль, пристегнулся, примерился к педалям, чуть приподнял кресло.

— Чего стоите? — спросил он остальных. — Джейсон, садитесь рядом. Будете следить, чтобы я хорошо делал вашу работу.

Он засмеялся. Телохранители переглянулись и ушли к себе в машину, перепуганный водитель плюхнулся в соседнее кресло. Ярослав тронулся с места. Первые пятьсот метров дались ему с большим трудом, а потом тело вдруг вспомнило, что нужно делать. Он даже не мог сообразить, когда вел машину в последний раз, а тело все эти годы помнило каждое движение.

— Давайте включим музыку.

Парень кивнул, нажал что-то, салон наполнился гитарными рифмами.

— Балуетесь роком, пока меня нет? — Ярослав подмигнул.

Джейсон кивнул и изменился в лице, как будто его уличили в нарушении закона.

— На здоровье. — Ярошенко расплылся в улыбке. Парень неуверенно посмотрел на него, потом так же неуверенно улыбнулся. — Я вообще не очень люблю рок. Но послушаю. Интересно, чем вы, молодежь, увлекаетесь.

Яна всегда любила рок. С детства он воевал с ней, приучая к классике и опере, на худой конец к приличной качественной поп-музыке, но все было бесполезно. В этом вопросе она тоже была вылитая мать. Какие-то восьмидесятилетние негры, поющие тоскливые песни своими негритянскими голосами, какие-то волосатые наркоманы и алкоголики, только вчера переставшие курить траву в гараже и тут же попавшие на стадионы к толпам визжащих девочек-подростков. Ярослав подумал, что ему никогда не приходил в голову вопрос, как могла Яна, оставшаяся без матери в три года, перенять ее музыкальные вкусы. Неужели ребенок что-то понимает, когда висит у матери на груди в рюкзаке и хлопает глазенками? Или существуют неоткрытые гены, отвечающие за восприятие тех или иных звуков?

— А ничего, — заключил он. — Даже можно слушать. Сделайте, пожалуйста, погромче.

Джейсон, с трудом понимающий, что происходит, послушно сделал, не отрывая взгляда от лица Ярослава. Академик только сейчас заметил, как тот одет: идеально сидящий костюм без единой складочки, застегнутая на все пуговицы рубашка, туго затянутый узел галстука. Интересно, зачем так одеваться, чтобы водить машину? Понятно, что этого требует протокол, но вот если отбросить протокол и посмотреть с практической точки зрения?

— Нам направо, — осторожно подсказал Джейсон.

— Спасибо. — Он улыбнулся.

Они выехали на широкую прямую улицу, и Ярослав неожиданно для себя от души нажал на газ. Машина послушно откликнулась, и его вжало в сиденье. Считанные секунды, и разрешенная скорость оказалась превышена вдвое. По крайней мере, то, что было разрешенной скоростью в те годы, когда Ярослав еще водил машину. Хороший, послушный автомобиль. И резвый. У сидящего рядом парня округлились глаза, хоть он и пытался держать себя в руках. Ощущения непередаваемые. Какое давно забытое удовольствие — чувствовать,

как огромный механизм становится твоим продолжением, как каждое твое движение откликается в нем, рождая даже не скорость, а почти полет.

— Впереди перекресток, — еле слышно сказал Джейсон.

Ярослав махнул рукой.

— На нем красный свет.

Слово «красный» вернуло его в реальность из странной эйфории, в которой он очутился. До перекрестка оставалась сотня метров, впереди не было ни одной машины, а дорогу на свой зеленый переходили пешеходы. Ярослав снял ногу с газа и нажал на тормоз, сотня метров сократилась вполовину. Краем сознания он зацепил перекошенное лицо парня на пассажирском сиденье, женщину на дороге, девочку лет десяти, ведущую на поводке маленькую собачку. С пассажирского сиденья что-то говорили, девочка стремительно приближалась, женщина отскочила в сторону. Когда растерявшаяся от ужаса девочка отказалась на расстоянии вытянутой руки от бампера, а собака с визгом кинулась в сторону, машина резко замерла и оба сидящих в ней мужчины упали вперед. В плечо впился ремень, на пугающем расстоянии от лба Ярослава на долю секунды оказалось лобовое стекло, он услышал, как женщина что-то возмущенно говорит, к девочке подбежал пожилой мужчина, взял ее за руку. Примчались парни из службы безопасности, он вышел к ним на подкашивающихся ногах. Джейсон занял свое место, один из телохранителей взял Ярослава под руку и почти силой усадил на заднее сиденье.

— Мы опаздываем? — спросил он, когда немного пришел в себя.

— Не должны, — ответил Джейсон. — Можно вопрос?

— Конечно.

— Зачем вы это сделали? Я имею в виду скорость.

— Не знаю, — честно признался он. — Сам не могу понять, что на меня нашло.

— Мы чудом не сбили ее, — тихо сказал Джейсон. — Нам очень повезло.

— Не нам, а мне очень повезло. — Ярослав усмехнулся. — Вы просто сидели рядом.

— Вы думаете, что я смог бы спать спокойно, если бы с ней что-нибудь случилось? Только потому, что не я в тот момент вел?

Ярослав удивленно уставился на лицо водителя в зеркале.

— Не смог бы. — Парень покачал головой.

Они остановились у тихого ресторанчика с увитой плющом террасой. Ярослав наклонился вперед и протянул Джейсону руку.

— Спасибо вам. И извините, что заставил поволноваться.

Амир уже ждал его у входа. Ярослав в очередной раз отметил любовь восточных мужчин к странным для европейского взгляда нарядам: сейчас на академике была заправленная в джинсы розовая рубашка, три верхние пуговицы которой были расстегнуты, открывая густую нагрудную растительность. На заседания совета Магди, как и остальные, являлся в костюме, и наблюдать его в таком неофициальном виде было непривычно. Амир пожал ему руку, словно так и происходило много лет.

— Я думал, тебя еще нет, — сказал Ярослав.

— Почему? — Амир приподнял черную бровь.

— Кортёжа не видно.

Собеседник засмеялся, показывая вдвойне белоснежные на фоне смуглого лица зубы.

— Я езжу как положено только на работу. В свободное время вожу сам.

— А охрана?

— Здесь, куда же от нее деваться. — Амир повернулся, чтобы войти. — Изображает посетителей.

— Интересно, — признался Ярослав. — Мои бы не изобразили.

— Конечно. Ты посмотри, как они выглядят! На лицах все написано. У меня раньше тоже такие были. Но я сказал Бланш, что меня это нервирует.

— Вы общаетесь?

Дочь парижанки и араба по имени Бланш уже семь лет руководила службой безопасности Академии. Руководила, надо отметить, прекрасно, несмотря на некоторое предубеждение Ярослава по отношению к женщинам вообще, плодам французско-арабской страсти в частности и Бланш персонально.

— У нее отец из Каира. — Магди пожал плечами.

— Это важно?

Амир покачал головой, как будто сокрушаясь, что кто-то не понимает очевидных вещей.

— Ну конечно.

Они зашли в полутемный зал спокойного ресторанчика в восточном стиле, очень немногочленного, «для своих». Амир что-то сказал по-арабски встречающему их мужчине. Они поздоровались за руку, потом обнялись, от чего у Ярослава округлились глаза. Советник президента Академии, обнимающийся даже с хозяином ресторана, не говоря уже об администраторе, упорно не умещался в его картину мира. Их проводили за столик в глубине зала. Никаких отдельных кабинетов, как ожидал Ярослав. Краем глаза он увидел, как теряются его молодчики, вошедшие следом за ними. Магди улыбнулся и едва заметно кивнул на столик в противоположном конце зала, где сидели двое мужчин, очень естественно вписываясь в интерьер.

— Не буду скрывать, удивлен твоим звонком, — сказал Амир, поизучав пару минут лицо собеседника.

— Не буду врать, я сам немного удивлен, — честно ответил тот.

Магди театрально поднял бровь. Помимо расстегнутых рубашек тут любят красивые жесты.

— Хочешь выпить?

— Ты же за рулем? — в ответ спросил Ярослав.

Амир расслабленно махнул рукой.

— Уеду на такси.

На такси. Советник не только обнимается с сотрудниками ресторанов, но и ездит на такси. Как, оказывается, мало Ярослав знает о человеке, с которым бок о бок работает много лет.

— А здесь есть алкоголь? — Он вдруг вспомнил, что рестораном владеют арабы.

Амир засмеялся, как-то очень искренне.

— Есть. Наверное, для тебя это будет новостью, но арабы — такие же люди, как и все остальные. Бывают очень религиозные русские, умеренно религиозные русские, русские, вся религия которых сводится к тому, чтобы по привычке отмечать Рождество, русские-атеисты. И у нас точно так же.

Ярошенко кивнул. Выбирая виски, он отметил, что выбор состоит из нескольких великолепных сортов, ничего хотя бы среднего, не говоря о плохом, в этом месте нет. Заведение неожиданно хорошее.

Они молча сделали по первому глотку.

— Я... — начал Ярослав, сбился, потом откашлялся и продолжил: — Сейчас ехал сюда, на нашу встречу, и попросил водителя пересесть на пассажирское сиденье, а сам повел машину. Не знаю, что на меня нашло. Не водил уже лет пятнадцать, да и никогда этого особенно не любил.

Магди внимательно слушал.

— Мне очень понравилось, и я так увлекся, что превысил скорость, наверное, в два раза. Опять же, сам не знаю, что на меня нашло. Водитель с пассажирского сиденья сказал, что впереди красный свет, я стал тормозить, и мы остановились в паре сантиметров от девочки с собакой, которая переходила дорогу. Она так испугалась, что просто застыла на месте.

— Я ее отчасти понимаю, — усмехнулся Амир. — Не каждый день увидишь кортеж советника, несущийся на такой скорости.

— Да. Там все, кто это видел, очень удивились. Но дело не в этом.

На этот раз Магди поднял обе брови сразу.

— Дело в том, что я вдруг подумал... Подумал, что жал на газ, потому что не чувствовал, почему не нужно этого делать. Ну, то есть я знал, что, если носишься как ненормальный, рискуешь сбить человека. Но когда я увидел прямо перед собой лицо этой девочки... Когда перспектива сбить абстрактного человека без пола и возраста превратилась в возможность сбить вот эту конкретную девочку, у которой собака, шорты, которая смотрит на меня, открыв рот от ужаса... Это совсем другое. Это как сказать «посадите его в камеру к отборным отморозкам, пусть делают с ним что хотят», а потом вдруг представить, что они в действительности могут сделать. И тогда я подумал... что принимаю решения, сидя в Совете, вот так же, как сегодня вел машину. Я знаю, что, если проголосую сейчас вот так, а не вот этак, пострадают люди. Но я взвешиваю все «за» и «против» и все-таки принимаю решение. И эти люди, они как бы и пострадали, но это не я пришел к ним и сделал им что-то плохое. Они не видят меня, не могут закричать мне «урод, смотри на дорогу!». Я как будто еду в машине с водителем — я решаю, куда ехать, а исполняет мое решение другой человек. И получается, что я как будто не несу никакой ответственности за сбитых девочек. Но ведь это не так. — Ярослав наклонился ближе к собеседнику. — Ведь это я решаю, куда и с какой скоростью ехать.

Амир внимательно смотрел на него, и Ярослав увидел, как в обманчиво теплых глазах советника вырастает по айсбергу.

— И тогда я подумал... Я подумал, что, может быть, нужно как-то иначе на все посмотреть. Но если допустить эту мысль... Не знаю, что будет, если я ее допущу. Но и просто отогнать ее от себя тоже было бы неправильно.

Ярослав замолчал. Амир по-прежнему внимательно изучал его лицо, и айсберги в его глазах все приближались и приближались.

— Потрясающе. Не думал, что когда-нибудь услышу от тебя что-то подобное. Был уверен, что ты прекрасно понимаешь, что творишь, и просто плевать хотел на всех, чьи интересы расходятся с твоими, — сказал Магди. — Ты что, вчера родился? И правда никогда еще об этом не думал?

Ярошенко медленно кивнул.

— И с чего тебя вдруг стало это волновать? — Амир усмехнулся. — У вас же все просто: те, кто страдает от ваших решений, — неполноценные люди, а значит, не о чем беспокоиться.

— Она мне тоже так сказала.

— Кто?

— Яна. Моя дочка. Помнишь ее? Она попала в больницу в конце сентября.

— Конечно, помню, — с неподдельной тревогой сказал советник, и глаза его потептели. — С ней что-то серьезное?

Ярослав вдруг вспомнил, что Яна, знакомая со всеми членами Совета, всегда любила только двоих: Льюиса и Магди.

— Не то слово. И отчасти по моей вине. Долго рассказывать, да и рассказ был бы невеселый. Ей лучше, ее выписали, но теперь она говорит, что не хочет больше жить в таком мире и собирается предаться саморазрушению. Еще говорит, что сомневается в существовании ада, но, если он есть, мы все в нем сгорим.

— Не мы все, — тихо и зло возразил Амир. — Вы все.

Ярослав удивленно моргнул.

— Мне всегда нравилась твоя дочка. Я попробую поговорить с ней, если ты не против.

— Ты ей тоже всегда нравился. Я не уверен, что это поможет, но буду очень благодарен, если попробуешь.

— Но знаешь, что еще? Она совершенно права: вы все сгорите в аду. — Магди придвинулся вплотную к столу и нехорошо прищурился. — Знаешь, коллега, я сижу и борюсь с желанием вскочить и что есть силы тебе врезать. И борюсь не потому, что считаю это неправильным. А потому, что все равно разнимут. Тут же половина зала просиживает штаны, чтобы в случае чего обеспечить нашу с тобой безопасность.

Он сделал широкий глоток из своего стакана, и Ярослав вслед за ним дрожащей рукой потянулся к своему.

— Ты когда-нибудь считал людьми жителей, например, Африканского континента? Ну, если по-честному?

— Что значит «жителей Африканского континента»? — замялся Ярослав. — Нельзя так обобщать. Ты же понимаешь.

— Понимаю. — Амир снова усмехнулся и вдруг так яростно ударил кулаком по столу, что в разных концах зала оживились две разные группы телохранителей.

— Понимаю, что даже на меня ты еще неделю назад смотрел с мыслью, что я, конечно, академик и вообще неглупый парень, но родился в пыльной помойке. Вот что я понимаю. Я понимаю, что ты разделил людей на правильных и неправильных, а потом еще внутри правильных разделил на безоговорочно правильных и условно правильных. И только посмей сказать мне, что это не так!

Ярослав смотрел на собеседника, не в силах сказать хоть что-нибудь. Никогда он не мог представить, что очень воспитанный и не по-восточному сдержанный Магди может кричать, сверкать глазами, стучать кулаком по столу и угрожать физической расправой.

— Ты знаешь, что у моей родной страны два бюджета?

— Что? — в ужасе переспросил Ярослав.

— Ты знаешь, что у Египта два бюджета, сукин ты сын? — почти шепотом, но очень, очень зло повторил Амир. — Белый, который видите вы, и черный, о котором мало кто знает даже внутри страны? Ты знаешь, что ее президент рискует попасть под международный трибунал и всей страной вылететь из вашей проклятой системы? Он нарушает Конвенцию и скрывает примерно четверть доходов бюджета. И знаешь зачем? Чтобы строить правительству дворцы? Если бы! Он делает это, чтобы граждане страны, за которую он

отвечает, умирали не сотнями, а хотя бы десятками тысяч! А если все это откроется и страна все-таки вылетит, то лишится лицензий на использование изобретений, сделанных академиками за тридцать лет. И что будет тогда, я даже не хочу себе представлять.

Ярослав слушал, с трудом сдерживаясь, чтобы в изумлении не открыть рот.

— Ты пробовал посмотреть, как изменились статистические показатели уровня жизни в Кении после того, как они подписали Конвенцию и открыли у себя отделение? Ты пробовал увидеть хоть что-нибудь дальше своего носа? И главное, ведь есть люди, которые говорят об этом. Орут! Советник Льюис. Рок-звезда Гаррет. Кэмерон и вся компания, работавшая на Аляске до того, как ее уничтожили — а ее практически уничтожили, если ты не знал. А ты приходишь сюда и говоришь об этом с таким видом, как будто только что открыл Америку!

Амир сделал паузу, махнул рукой официанту, дождался добавки, сделал из нового стакана несколько больших глотков.

— И главное, — продолжил он уже спокойнее, — вы же вообще совершенно охренели. Ладно бы вы требовали, чтобы Академии в каждой стране создавались лучшие условия из возможных и страна сама решала, что конкретно может себе позволить. Студенты в Каире жили бы хуже, чем в Дубае. Но все равно намного лучше, чем среднестатистические люди вокруг. Так ведь нет! Вам нужно не просто потребовать от страны поддерживать определенный уровень отделения, вам нужно взять и отобрать у нее огромный кусок бюджета. Потом прокрутить этот кусок, снять сливки и вернуть в эту же страну, но так, как считаете нужным вы. Сказано — видеокамеру на каждые полтора квадратных метра, значит, видеокамеру на каждые полтора квадратных метра, а за пределами территории отделения можете хоть передохнуть, как насекомые! Я тебе арабские страны привожу в пример, а ты пробовал в своей родной России сунуть нос чуть дальше, чем трасса от аэропорта до Дубны? Ты знаешь, что у тебя там до сих пор стоят жилые дома, в которых люди ходят в туалет в такие деревянные отдельно стоящие домики без отопления? И зимой тоже? Тебе не приходило в голову, что это как-то странно?

— Но там же...

— Там живут неправильные люди, которых не взяли в Академию, потому что они недостаточно способные и перспективные? Академия, если верить ее Уставу, создана для чего? Правильно! Чтобы решить Глобальные Проблемы Человечества! — Амир заразительно, но очень недобро засмеялся. — Найти пути выхода из общемирового кризиса! А человечество, вот незадача, это не академики. Это те самые неправильные люди, которые не развалятся сходить в

деревянный туалет в мороз. И вы забираете у них все под лозунгом «мы, если вы не заметили, для вас же и стараемся!». Парадоксальная конструкция, которая держится на том, что миллиарды людей согласны быть для вас неполноценными. Но людям может надоесть. И лучше вам заранее приготовить себе на этот случай другую планету.

Он снова засмеялся, уже совсем невесело.

— Амир, — наконец заговорил Ярослав. — Я понял все, кроме одного. Зачем ты рассказываешь мне такие вещи? Про президента Египта, про черный бюджет? Ты не боишься?

— Боюсь? — переспросил Амир с таким презрением, что на секунду Ярославу стало стыдно за свой вопрос. — Я? С чего бы? И главное, чего? Что ты так ничего и не понял из моих слов и прямо отсюда побежишь рассказывать Бланш и Тернеру, что некоторые страны позволяют себе вас обманывать?

Ярослав заглянул ему в глаза, пораженный догадкой. Бланш не похожа на дурочку. А что, если ей прекрасно известно обо всем этом? Если она сознательно закрывает глаза на некоторые нарушения, чтобы избежать падения всей системы?

— Варианта два. — Амир спокойно выдержал его взгляд. — Либо ты все поймешь, и тогда в Совете станет одним понимающим человеком больше, а это уже удача. Либо не поймешь ничего и побежишь жаловаться. Все встанут на уши, будет страшный скандал, нам перекроют последний кислород. После нас возьмутся и за другие страны — уверен, подобную картину найдут много где — и перекроют кислород и им. После чего люди окончательно поймут, что к чему в ваших красивых словах про человечество, и покажут вам, что такое «глобальные проблемы».

И Амир снова засмеялся.

— Еще вопрос, — не своим голосом сказал академик Ярошенко. — Ты все время говоришь «вы». А почему ты сам работаешь в этой системе, раз считаешь ее в корне неправильной? Почему ты хотя бы не выступаешь, как Льюис, не говоря уж о том, чтобы вообще уйти, хлопнув дверью?

— Как Дерек Гаррет?

— Какой Дерек Гаррет?

— Из группы «Обратная перспектива». Яна его очень любит, кстати.

Ярослав напряг память. А, ну конечно! Гаррет! Сумасшедшая рок-звезда и друг советника Льюиса.

— Парень учился у нас, в главном отделении, — продолжал Амир. — Может, ты даже помнишь его. Говорят, подавал большие надежды как ученый. Потом красиво хлопнул дверью. Сказал, что не желает поддерживать людоедскую систему. А через пару лет стал рок-звездой. Зарабатывает горы денег, но все до последнего цента тратит на помощь тем, кого Академия оставила за бортом. И не устает повторять, что президента Тернера нужно судить, как международного преступника. У его музыки миллионы поклонников, а у его образа жизни — миллиарды.

— Ты так рассказываешь, словно сам с ним знаком.

— Знаком, — кивнул Амир. — Отличный парень. Хотя и излишне эмоциональный, как все творческие люди. Услышав, что я советник Тернера, первым делом чуть не дал мне в морду. А уж потом разобрался, что к чему и что я обо всем этом думаю. Еле уговорил бойцов Бланш не делать из него отбивную прямо на месте.

— Ты не ответил. Почему ты все еще с нами? Почему не ушел, как этот твой Гаррет, или не пытаешься открыто бороться, как Льюис?

— У всех свои козыри, коллега. Было бы странно, если бы я принялся петь песни, а Дерек — делать то, что делаю я. Нужно пользоваться своими сильными сторонами, а не подражать чужим.

— Делать то, что делаешь ты? — тихо переспросил Ярослав.

— Ну да. — Амир сделал очередной глоток. — И, я думаю, ты понимаешь, что подробностей не последует. Не все же за один вечер, правда?

— То есть ты остаешься на своем месте просто потому, что так лучше? Ведешь двойную игру?

— Двойную игру? — Магди изобразил удивление, но улыбка не сходила с его губ.

— Ладно, извини. — Ярослав провел рукой по лицу. — Я понял.

— Очень хорошо. — Улыбка советника стала еще шире. — Чем больше в мире людей, которые что-то поняли, тем ближе решение глобальных проблем человечества. Не правда ли, коллега?

И Ярославу почудилось, что он едва заметно подмигнул.

Минут через десять после того, как советник Ярошенко пожал ему руку, поблагодарил, попрощался и исчез вместе со своими brutальными молодчиками, которые выглядели в этой обстановке полными идиотами, Магди договорил с барменом и вернулся за свой любимый столик. Откуда-то из полумрака появилась маленькая фигурка — как будто отделилась от стены, хотя еще секунду назад там никого не было. Подошедший официант поздоровался как ни в чем не бывало — эта женщина часто заходит к ним в ресторан, и то, что академик Магди секунду назад был один, а теперь улыбается собеседнице, его совершенно не удивило.

— Как обычно, — кивнула она.

Официант исчез, и вслед за ним с лица Бланш исчезла маска. Она покачала головой:

— Вот это да.

Амир кивнул.

— Яна, его дочка, только что из больницы. Я ее знаю, отличная девчонка. Он не стал рассказывать подробности, но они крупно поспорили. И, как я понял, она наговорила ему много интересного.

— Я слышала. — Бланш широко улыбнулась.

— Да. — Магди опустил глаза. — Конечно. Иногда я забываю, с кем говорю.

— Этот случай подтверждает давно известную истину: один открытый канал восприятия намного лучше, чем ноль. У старого дурака нашлось большое место — дочка.

Официант принес ее заказ — чашку крепкого черного кофе и стакан свежавыжатого тростникового сока.

— Выпьешь со мной? — зачем-то спросил Магди, хотя прекрасно знал ответ.

Она улыбнулась и качнула головой.

— Если кто-то и должен всегда оставаться в здравом рассудке, то это я.

— Тебе не надоело? — Он знал ответ и на этот вопрос и тем не менее не мог в очередной раз не задать его. — Не хочется иногда послать все подальше?

Бланш ослепительно улыбнулась, медленно подняла чашку, вдохнула аромат — то ли потому, что просто любила запах здешнего кофе, то ли для того, чтобы

погладить по голове свою ручную паранойю, подсказывающую ей, что расслабляться нельзя никогда и нигде, — сделала глоток. Амир рассматривал ее, не стесняясь. У нее очень тонкие, европейские черты лица, а от каирского отца только черные-черные глаза и такие же черные волосы.

— Я уже говорила тебе, что мои желания так давно никого не волнуют, что перестали волновать даже меня саму?

Он открыл рот, чтобы что-то возразить, но вместо этого спросил:

— Что думаешь про Ярошенко?

— Я думаю, что это очень интересно.

— А кроме этого?

Она пожала плечами.

— Пока трудно сказать, чем это кончится, нужно просто наблюдать. Чем и предлагаю заняться. Но, знаешь, когда один из столпов, на которых все это держится, начинает вести себя таким образом, уже ясно, что впереди приключения.

— Бланш, ты когда-нибудь пробовала оценивать происходящее не по шкале «интересно — скучно»? Это чертов академик Ярошенко. И связанные с ним «приключения» могут дорого стоить миллионам людей.

— Я прекрасно это понимаю, Амир. — Она наклонилась ближе. — Но что я могу сделать? Если ты считаешь, что я могу все, но бездействую из врожденной вредности, то твои чувства понятны. Но это, к сожалению, не так.

Магди отвернулся от лица собеседницы.

— Поэтому единственное, что нам остается, — дать ему время и посмотреть, что будет.

Амир сдержанно кивнул.

— Прекрасно. Спасибо, что пригласил на столь необычное мероприятие.

Она достала из сумочки зеркало, наредила губы какой-то едва заметной прозрачной ерундой и в этот момент стала похожей на тысячу красивых женщин, не имеющих никакого представления о том, что такое служба безопасности Академии. Потом она спрятала зеркало, улынулась ему на прощание, встала, и через секунду на то, что она действительно была тут, указывал только стакан с недопитым соком, тоскливо стоящий на столе.

Санта-Круз, Калифорния, ноябрь 15, 2079

Следующим, кому Ярослав решился позвонить, оказался самый нелюбимый его коллега, Стивен Льюис. Тот удивился его звонку, к тому же в выходной, но изо всех сил постарался не подать вида и пригласил заехать к нему в гости. В гости к Льюису! Знала бы Яна, что она сделала с отцом! Он очень надеялся, что когда-нибудь они снова будут общаться, но сейчас звонить ей рано.

Ярослав вышел из машины возле симпатичного, непримечательного дома, теряющегося в зелени. Как много нового он узнал за эти дни о людях, которых видел почти каждый день на протяжении стольких лет. Он помедлил несколько секунд, прислушиваясь к звукам вокруг и ощущениям внутри, а потом быстро пошел к дому.

Льюис распахнул дверь после первого же звонка. Если раньше Ярославу казалось, что тот уделяет недостаточно внимания своему внешнему виду, собираясь на работу, то сейчас он понял, что на самом деле значат слова «недостаточно внимания». На Льюисе обнаружились джинсы с обрезанными штанинами и дырой чуть выше колена, футболка с длинными рукавами, испачканная почему-то масляной краской двух разных цветов, — этот придурок еще и рисует?! — и такой бардак на голове, как будто советник неделю не прикасался к расческе. Зато он широко улыбнулся, словно Ярослав пришел к нему не впервые в жизни, а заходил каждое Рождество, схватил его руку, потряс ее и сказал:

— Не обращай внимания на беспорядок, хорошо? Я немного не готов к приему гостей.

Ярослав почувствовал, как в нем набирается сил старая версия академика Ярошенко. Это она, старая его версия, завопила про рисование, обозвав Льюиса придурком. А теперь она прыгала и плевалась, требуя немедленно покинуть этот сумасшедший дом.

— Но почему? — спросил Ярослав, отчаянно пытаясь помирить старую версию с новой. — Почему тогда я здесь? Если ты не готов к приему посетителей, зачем их приглашать?

Льюис захлопал глазами по-детски, непонимающе, словно Ярослав спросил какую-то полную ерунду.

— Как это зачем? Ты же сам сказал, что нам срочно нужно встретиться.

— То есть ты сделал исключение, потому что у меня что-то случилось?

— Ну да. — Стивен развел руками. — По-моему, это очевидно.

Теперь удивился Ярослав. Он словно услышал, как со скрипом и скрежетом начинают работать какие-то давно заржавевшие механизмы в его голове. Оказывается, другие люди зовут гостей не только тогда, когда на столе стоит запеченная утка, в паркет можно смотреться, как в зеркало, а все дела сделаны. Оказывается, они готовы вот так просто пригласить к себе человека, который всю жизнь не мог их терпеть и не особенно это скрывал, несмотря на то что у них нет настроения, дома бардак, а футболка запачкана краской. Просто потому, что у этого человека что-то случилось. Невероятно. Ярослав тряхнул головой, чтобы обрести утраченную способность говорить.

— Чего мы стоим на пороге? — спохватился Льюис. — Давай зайдем внутрь.

Если разговор с советником Магди просто перевернул вверх дном содержимое его головы, то разговор с Льюисом аккуратно вытащил это содержимое на свет, часть забраковал как мусор, а остальное вернул в голову и разложил там по полочкам. Ярослав выбрался от Льюиса спустя три часа, и его уже не смущали ни рваные джинсы, ни испачканная футболка. Строго говоря, его перестало смущать вообще что бы то ни было. Старая версия академика Ярошенко больше не мешала — кажется, она попала в категорию мусора и была безжалостно выброшена из его головы.

Стивен рассказал Ярославу примерно то же, что и Амир, только Льюис считал, что существующее положение вещей нужно не обходить потихоньку, а изменить раз и навсегда. Но большую часть времени они говорили не о политике Академии. Когда Стивен услышал, что случилось с Яной и Игорем, он так сильно, так искренне и так неподдельно расстроился, что говорить о чем-то другом стало невозможно. И Ярослав, удивляясь сам себе, внезапно выложил ему все. Он забыл, что их могут прослушивать, что первый раз обсуждает с Льюисом на какие-то личные темы, что не привык откровенничать даже с самим собой, не говоря уже о других. Он рассказал Льюису про смерть жены, про то, как решил во что бы то ни стало воспитать дочку совсем другой, потому что не мог допустить, чтобы и с дочкой, последним его родным человеком в мире, что-нибудь случилось. Рассказал, как маниакально оберегал Яну от всего и обижался, что она не ценит этого, не понимая, что он делает это от любви, а не из вредности. Как сутки не мог прийти в себя, прочитав личное дело мужчины, с которым она связалась. Как наступил на горло собственной песне, разрешив Яне продолжать с ним отношения, но при одном условии. Рассказал,

как она расстроилась, услышав про это условие, и как тяжело ему было не отпускать ее домой. Как решил, что проверка пройдена на отлично, отпустил дочку, а потом узнал, что она в больнице, а мальчик в полиции. Как снова полетел в Россию, рассердился на Игоря, велел превратить его пребывание в тюрьме в ад, как понял, что не сможет спокойно спать, если не вытащит его оттуда. Как неожиданно для самого себя разговорился с ним и пожалел, что этот мальчишка уже никогда не станет его зятем. Как позвонил Яне, чтобы помириться, и услышал вещи, которые заставили его начать общаться с самыми неожиданными для него собеседниками.

Стивен слушал молча и только время от времени кивал.

— Знаешь, что самое парадоксальное? — спросил он, когда Ярослав договорил.
— Ты думал, что защищаешь дочку от смерти, а защищал от жизни.

Ярослав поднял голову и внимательно на него посмотрел.

— Ты думал, что не даешь ей последовать примеру матери и умереть. Но на самом деле ты делал все, чтобы не дать ей жить. С одной стороны, это понятно — умереть может только тот, кто живет, поэтому в том, что ты делал, есть своя логика. Но, с другой стороны, ты просто попробуй представить себя на ее месте. Даже странно, что она столько продержалась.

Академик Ярошенко долго молчал, пытаясь осознать услышанное. Стивен не мешал ему — казалось, он был готов сидеть вот так сутки, если потребуется.

— А как ты думаешь, — спросил Ярослав, — еще можно как-то... как-то все исправить?

— Что именно?

Ярослав растерянно развел руками.

— Уговорить Яну вернуться к занятиям. Уговорить Игоря выйти из тюрьмы. Я ведь предлагал его оттуда вытащить.

— И уговорить их сделать вид, что все в порядке, и снова жить вместе? — Стивен невесело улыбнулся.

— Ну да. Сейчас мне кажется, что это было бы лучше всего.

— Для кого?

— Извини, что?

— Для кого? — терпеливо повторил Льюис. — Для кого так было бы лучше всего?

— Для Игоря. И для Яны.

— Ты уверен?

Ярослав окончательно растерялся.

— Не уверен, — сказал он после паузы. — Наверное, так будет лучше для меня. Меня перестанет тяготить мысль, что я все испортил.

Стивен снова улыбнулся, но очень несчастливой улыбкой. Ярослав надолго замолчал.

— Что мне делать? — наконец тихо спросил он. — Я понимаю, что это очень глупый вопрос. Но все-таки.

— Мне кажется, тебе виднее, — ответил Стивен. — Но я бы на твоём месте занялся тем, что зависит от тебя.

— Мне уже начало казаться, что от меня ничего не зависит.

Льюис усмехнулся.

— Знал бы ты, как хорошо мне знакомо это ощущение. Понятно, что Тернер будет гнуть свою линию, что бы ни случилось. Но, знаешь, я должен делать то, что делаю, даже если не будет никакого результата. Потому что в этом может не быть смысла для других. Для тебя, для Яны, для неизвестных мне жителей Конго, для президента Тернера. Но для меня он есть.

— И что? Этого достаточно?

— Я долго думал об этом. И понял, что да. Это непросто, но другого выхода у меня нет.

Глава пятая

Коломна, Центральная Российская республика, декабрь 11, 2079

В следующий раз Ярослав появился через два с половиной месяца, хотя Игорь думал, что или никогда больше его не увидит, или это случится очень и очень нескоро. Путешествуя на встречу с ним по знакомым коридорам, Игорь пытался

понять, откуда у него нехорошее предчувствие, что его отдыху на нарах пришел конец. Когда он переступил порог знакомой комнаты, нехорошее предчувствие переросло в нешуточную тревогу. Ярослав сидел на стуле и изучал противоположную стенку, и у него был вид искренне и глубоко несчастного человека. В нем не осталось ни тени прошлой самоуверенности. Несколько секунд Игорь стоял на пороге, не в силах войти внутрь, потом сделал над собой усилие.

— Здравствуйте, Ярослав Александрович.

Академик Ярошенко поднял голову и секунду смотрел на него потерянным взглядом, как будто не мог понять, кто перед ним и что он здесь делает, потом неопределенно махнул рукой.

— Давай без отчества. Садись. — Он оглядел комнату в поисках второго стула.
— Привет.

— Как скажете. — Игорь обошел стул, чтобы сесть — в наручниках, и взять стул и переставить было затруднительно.

Ярослав вдруг торопливо, как будто забыл что-то важное, встал, подошел к нему — Игорь смотрел на него сверху вниз и удивленно думал, что перед ним совсем не тот академик, который приезжал в прошлый раз, его словно подменили кем-то похожим, — достал из кармана пиджака ключ и снял с него наручники. Игорь растерянно потер запястья.

— Что-то случилось? — тихо спросил он. — Вы на себя не похожи.

Ярослав снова махнул рукой.

— Много чего случилось.

В животе разлился противный холодок.

— Она в порядке?

За минуту, прошедшую между вопросом и ответом, холодок превратился в промышленную морозильную камеру.

— Нет.

Игорь взял стул, сел. Нужно задать следующий вопрос. Вопрос, жива ли она. У академика Ярошенко вид человека, который лишился единственной дочери, а не просто переживает за нее. Игорь открыл рот, но вопрос не задавался.

— Не настолько не в порядке. — Ярослав перехватил его взгляд и понял без слов. — Жива. Пока еще.

Игорь сделал глубокий вдох.

— Почему «пока»?

Ярослав хотел что-то сказать, в третий раз махнул рукой, и Игорь понял, что тот с трудом сдерживается, чтобы не заплакать. Безумие. Академик Ярошенко приехал в тюрьму, где Игорь сидит за нанесение тяжких телесных повреждений его дочери, предлагает обращаться к нему по имени, чуть не плачет — это на самом деле происходит?

— Ярослав... — Он собрался добавить «Александрович», но остановился. — Я могу чем-нибудь вам помочь?

Ярошенко пожал плечами, отвернулся в сторону, пытаясь отдышаться и сдержать слезы. Игорь терпеливо ждал.

— Не знаю.

— Вы пьете? — вдруг спросил Игорь.

Академик удивленно посмотрел на него.

— Могу иногда выпить виски. Или коньяка. Не думаю, что это называется «пить».

— Я про это и спрашивал. Мысли, что вы пьете, как я, не было.

Ярослав невесело усмехнулся.

— Я понимаю, что это странно, но вы же предлагали в случае чего вытащить меня отсюда, — продолжил Игорь. — Давайте поедem куда-нибудь, посидим, выпьем, и вы мне все расскажете? Только назад меня потом верните. Что делать за этими стенами, я пока не придумал.

Академик молча встал, подошел к нему так близко, что Игорю сделалось не по себе, и протянул ему руку.

— Я бы и сам предложил, но мне казалось, что это будет слишком, — сказал он, не глядя на Игоря. — Не уверен, что в этих словах есть какой-то смысл и они будут хоть что-нибудь для тебя значить, но я понял, что был законченным идиотом, когда не послушал свою дочку и не пришел с тобой знакомиться, как делают все нормальные люди.

Игорь тоже встал.

— К сожалению, бывают ошибки, которые невозможно исправить. Но я все равно хочу, чтобы ты знал.

— Спасибо. — Игорь не без удивления отметил, что благодарит совершенно искренне, и сжал в руке сухую ладонь академика. — Очень здорово, что вы это сказали.

Ярослав быстро отвернулся, словно смутившись, потом сообщил, что сейчас Игорю принесут одежду и проводят во двор, где он будет его ждать, и вышел.

Впервые за два с лишним месяца Игорь переоделся в свою нормальную одежду. Ощущение было странное, и ему даже не сразу пришел в голову вопрос, откуда Ярослав мог взять его вещи. Это не домашние джинсы, в которых его привезли в полицию в тот несчастный день. Осознав это, он сначала вяло возмутился про себя, что кто-то был в его квартире, а потом понял, что ему, в общем-то, совершенно плевать. Его вещи — и прекрасно. Он закончил одеваться, собрался с мыслями, вышел в коридор. Его проводили к выходу, никто не задал ни одного вопроса. По слову академика Ярошенко здесь — да и не только здесь — готовы сделать все что угодно. И разрезать Игоря на тысячу маленьких Игорей тупым ножом из столовой, и проводить, как дорогого гостя.

Во дворе стояла блестящая черная машина, большая и важная, как трансатлантический лайнер. Игорь остановился рядом с ней, не понимая, что делать: то ли сесть, не дожидаясь приглашения, то ли подождать академика, — и тут правая задняя дверь открылась изнутри.

— Меня ждешь? — спросил Ярослав, выглядывая наружу.

Игорь непринужденно сел в машину, будто всю жизнь только и делал, что ездил с личным водителем на вот таком корабле. Ярослав бросил на него быстрый взгляд, в котором читалось одобрение. Машина сорвалась с места, на выезде из тюремных ворот ей на хвост упали еще три такие же. Наверное, охрана Ярослава. Всю дорогу академик молчал, глядя в окно, и Игорь тоже молчал, изучая несприятельные пейзажи и — исподтишка — салон машины и затылок водителя.

Минут через десять они въехали в городскую черту. Было даже жалко, что они едут так быстро. Игорю, изо дня в день наблюдавшему одни и те же стены и двор, нравилось смотреть по сторонам.

Небольшой ресторанчик, куда они зашли в сопровождении двух крепких мужчин из второй машины, оказался полупустым. Наверное, потому, что

сегодня будний день. Игорь попытался вычислить день недели, но понял, что давно перестал за этим следить. Нет никакой разницы, если все дни одинаковые. Их проводили в отдельный маленький зал за единственный столик, но остальные посетители ресторана, кажется, даже не заметили академика. Или Игорь неправильно представлял его, или тот успел основательно измениться за эти месяцы. Ярослав, которого он увидел в их первую встречу, лучше бы съел свою голову, чем поужинал в заведении с какими-то людьми, не имеющими к Академии отношения. Лучше бы отдал кучу денег и снял ресторан целиком.

Ярослав попросил принести самого дорогого виски из меню, Игорь, как обычно, водки. Есть, похоже, не собирались оба. Не до еды. Заказ принесли через секунду.

— За знакомство, — с тоскливой иронией сказал Игорь. Ярослав кивнул, едва слышно прикоснувшись своим стаканом к стакану Игоря.

Игорь не пил с того шестидневного марафона, когда исчезла Яна, и, честно говоря, не собирался и дальше, но сейчас было нужно. Академик сделал четыре щедрых глотка, поставил стакан на стол, потер лицо руками.

— Она бросила учебу, — начал он. — С того самого дня, как вы последний раз были там вместе. Так и не появилась больше на занятиях.

— Неожиданно, — сдержанно ответил Игорь.

Неужели это и есть то ужасное, что случилось с Яной? Неужели до Ярослава так и не дошло, что бывают вещи пострашнее, чем перестать принадлежать к мировой интеллектуальной элите? Ему даже про себя противно произносить эти слова, а ведь такие люди, как академик Ярошенко, не стесняясь, говорят их во всеуслышание.

— Но дело не в этом. Это-то как раз цветочки.

Только что зародившаяся надежда, что академик Ярошенко по-прежнему напыщенный мудак, считающий Академию единственным смыслом жизни каждого приличного человека, и устроил весь этот цирк из-за того, что дочка не ходит на занятия, мгновенно растаяла.

— Ее вчера выписали из больницы, — продолжал Ярослав. — Передозировка стимуляторов. Не помню, что именно она там употребляла, такое ощущение, что все подряд. Две недели назад попадала в полицию за наркотики вместе с каким-то отмороженным парнем. Не знаю, где она его взяла. Я их обоих оттуда вытащил, после чего она заявила, что по-прежнему не желает меня видеть и лучше посидеть в тюрьме, чем пользоваться моими связями. Живет в Москве —

то есть не живет, а круглыми сутками нюхает и пьет со своей новой невменяемой компанией, и что еще там делает, я не знаю. Может, таблетки глотает или в глаза капает какую-нибудь гадость. Уговаривал, угрожал, заставлял, снова уговаривал — все бесполезно. Твердит, что не хочет со мной разговаривать больше никогда. На угрозы отвечает, что я могу делать что угодно, а она не хочет жить, и я ее не заставлю. Говорит, можешь связать меня, увезти из России и посадить под домашний арест, я тогда брошу есть и умру от истощения. И главное, похоже, что все серьезно, это не детский каприз. Похудела ужасно, выглядит так, как будто уже бросила есть. Ничего от человека не осталось, только ненормально блестящие глаза. Вышла из больницы после передозировки и тут же отправилась продолжать. Прямым текстом мне об этом сказала. На все слова один ответ: делай что хочешь, а я тебя не знаю. И жить не хочу и не буду. И пугать тебе меня нечем.

Игорь молча слушал, глядя на шершавую деревянную поверхность стола.

— И главное, — голос академика изменился, — это все из-за меня. И я впервые в жизни чувствую, что ничего не могу сделать. То есть могу много чего, но какой в этом смысл? Если человек не хочет жить, его ничем не заставишь. Я уже одну такую видел, которая не очень хотела.

Повисла пауза, тяжелая и горькая, как водка в стакане.

— Знаете, Ярослав, все это просто не укладывается в голове. — За секунду Игорь принял решение шпарить прямым текстом все, что думает, не утруждая себя дипломатией. — Я, с одной стороны, вам очень сочувствую. Вот правда. Вы вроде бы хотели как лучше. Хотели, чтобы она была счастлива, чтобы не связывалась с кем попало. Я вам казался кем попало. Ну, оно и понятно, я сам себе таким часто кажусь. Ни один родитель в трезвом уме не пожелает такого мужа своей дочке. А с другой стороны, чего вы добились? Я вам казался плохой компанией, а теперь вы мне жалуетесь на ее нынешнюю компанию. Все познается в сравнении, да?

Ярослав очень, очень внимательно слушал.

— И вы все это мне так рассказываете, как будто я ваш друг. А давно я им стал? И, главное, при каких обстоятельствах? Когда вот эти ваши дебилы, — он кивнул на дверь, ведущую в общий зал, — меня били мордой об колени?

Несколько минут оба молчали.

— Вы только не думайте, что я вам лекцию читаю, — продолжил Игорь. — Я вас даже понимаю, правда. Просто обидно, что вы сейчас так ко мне стали относиться, когда уже поздно, а не тогда, сразу.

Ярослав кивнул, не поднимая головы. Игорь одним глотком выпил треть содержимого стакана.

— Я бы ее всю жизнь любил, пока не сдохну.

Ярослав снова кивнул.

— И похоже, что и она меня любила. На самом деле. Хоть и трудно в это поверить.

— Легко, — тихо сказал Ярослав. — Очень легко в это поверить. Я таких людей, как ты, не видел никогда в жизни. Знаю нескольких похожих, так у них основания для этого есть, родители, нормальное детство. В тебе чувства собственного достоинства больше, чем во всех нас с нашей охраной и бассейнами. А я идиот, что сразу не посмотрел. Не только идиот — преступник.

Игорь усмехнулся.

— Мне раньше казалось, что я вас на куски разорву, как только увижу, и никакая охрана не помешает. А теперь и возможность есть, а не хочется. Вы себя уже сами на куски разорвали.

— Что делать, Игорь? Что нам делать?

Он задумался, пропустив мимо ушей смелое «нам», потом спросил:

— Она с кем-то встречается, да?

Ярослав нехотя кивнул.

— И они вместе жрут всякое говно?

Академик кивнул опять.

— Ну так я повожу его лицом по асфальту. Он вроде бы ни в чем не виноват, Яна взрослый человек и сама решает, как жить. Но мне насрать, я все равно повожу. Чисто из любви к искусству. И только попробуйте мне рассказать, как нехорошо решать проблемы с помощью насилия.

— Не буду. Ничего не буду говорить. Только сделай хоть что-нибудь. Что считаешь нужным.

— Замечательно. Вы знаете, где ее искать?

— Нет, но знаю телефонный аккаунт.

Игорь невежливо хмыкнул.

— И что мы сделаем с его помощью? Скажем им «ребята, вы ведете себя неправильно»?

Ярослав достал телефон и кому-то позвонил.

— Добрый день. Не отвлекаю? Я сейчас пришлю логин, нужно будет узнать точные координаты вплоть до номера квартиры. Реально сделать быстро? Спасибо.

Адрес пришел через считанные минуты, они как раз успели расправиться с содержимым стаканов.

— Дадите мне машину? Или вызовем такси? Я еще не успел привыкнуть к обществу, чтобы пользоваться транспортом.

Ярослав достал из внутреннего кармана пиджака конверт и положил на стол перед Игорем.

— Не знал, чем кончится наша встреча, но на всякий случай подготовился.

Игорь распечатал конверт. Внутри его собственная идентификационная карта, телефон, ключи от квартиры. Он усмехнулся.

— А мой банковский счет сюда все еще привязан?

— Конечно. Поедешь с моим водителем? Я к парням пересяду.

Игорь кивнул. А какого, собственно, черта? Чего стесняться? Чего только не бывает в жизни. Мог ли он представить себе, когда спал в подвале, что будет ехать по Москве на самой пафосной машине, которая есть у российского отделения Академии, сопровождаемый подкреплением на второй, чуть менее пафосной? Мог ли он представить себе, что будет жить с дочкой советника президента Тернера, потом сядет в тюрьму, а потом будет слушать проникновенные рассказы несостоявшегося тестя о его тяжелой жизненной ситуации? Конечно, не мог. Но даже если бы и представил, в его воображении все это казалось бы невыразимо крутым, а теперь он не чувствовал ничего, кроме равнодушия и легкого удивления. Он даже не знал, зачем согласился вмешиваться в ее дела. Неужели Ярослав все-таки умеет давить на психику с такой силой, чтобы все вокруг меняли свои планы и делали так, как он считает нужным? Или Игорь в глубине души до сих пор не мог принять случившееся и все еще хотел увидеть Яну?

Москва, Центральная Российская республика, декабрь 11, 2079

Машина въезжает во двор огромного, этажей в пятьдесят, дома. Он совсем новый, черный от грунта, плотно уложенного между ячейками сетки, трава еще не начала всходить. И даже сами ячейки видны. Игорю почему-то не нравились современные дома с покрытыми зеленью стенами, несмотря на все их достоинства: прохладу, кислород, естественные цвета. Они выглядели слишком веселыми, а никаких оснований для веселья он не находил. Красивый новый черный дом. Похоже, у ее увлечения нет проблем с деньгами. Интересно, за счет чего? Трудно ходить на работу, когда целыми днями и ночами торчишь на химических наркотиках. Наверное, ребенок какого-нибудь важного человека. Как и Яна. Игорь улыбается. Впрочем, ему совершенно плевать. Пусть хоть сын самого черта, какая разница? Он говорит водителю, чтобы дождался во дворе, а двух молчаливых парней просит составить ему компанию, выходит из машины, находит нужный подъезд, набирает номер. Целую вечность никто не отвечает. Потом трубку домофона снимают, и хриплый мужской голос спрашивает, кто.

— Полиция, — внезапно и очень уверенно говорит Игорь. — У нас ордер на обыск, советую открыть по-хорошему.

В трубке раздается сдавленное мычание, потом какой-то треск. Собеседник отключается. Игорь методично набирает номер еще раз. Дверь подъезда открывается, оттуда выходит приличный мужчина лет пятидесяти, смотрит на их компанию с подозрением, но ничего не говорит. Игорь заходит в подъезд, парни за ним — офигеть, его охраняет служба безопасности Академии, не так давно пинавшая ногами, повалив на пол, мир сошел с ума, — и сталкивается с охранником внутри подъезда, который не очень доволен их появлением. Ему снова приходит в голову вопрос, откуда у наркомана столько денег, чтобы жить в этом доме, и снова исчезает. Нет никакой разницы. Один из парней на секунду открывает перед лицом охранника удостоверение. Секунды оказывается достаточно. Их без слов пропускают, но в холле Игорь жестом показывает, что дальше пойдет один. Он вызывает лифт, находит нужную квартиру на тридцать втором этаже. Когда лифт поднимается и дверь открывается, он нос к носу сталкивается с небритым растрепанным парнем невнятного вида в шортах и футболке наизнанку. Игорь выскакивает из лифта, хватая парня, — только спустя какое-то время ему приходит в голову: а почему он был так уверен, что это тот, кого он ищет? — и что есть силы заламывает ему за спину правую руку. Парень складывается пополам. Игорь наклоняется к его уху и тихо, но внятно шепчет:

— Мне нужна Яна Ярошенко. Спросишь зачем — останешься не только без руки, но и без головы.

Снизу раздается сдавленный хрип, Игорь ждет, пока хрип прекратится, ослабляет хватку. Парень пытается разогнуться, Игорь снова заламывает ему руку, еще сильнее.

— Тема такая: мне нужно уехать отсюда с Яной, — говорит он, поражаясь собственному голосу. — Сейчас мы зайдем в квартиру, и, если она сама захочет со мной уйти, ты будешь стоять и молчать. А если не захочет, ты скажешь ей, что лучше не спорить и пойти со мной. Тогда у тебя не будет никаких проблем с законом. Мне нужна она, а на тебя плевать, храни хоть тонну кокаина или центнер асфальта. Ты меня понял?

Парень быстро трясет головой.

— Если не понял, потом не жалуйся.

Игорь отпускает его. Тот боязливо оглядывается и идет от лифта к двери квартиры. У Яны все-таки талант связываться с какими-то совсем уж неприятными чмошниками. Взять хотя бы вот этого. Или пухленького мальчика, который нахамил Игорю во дворе Академии, получил ответ и побежал стучать в службу безопасности, придумав по дороге то, чего не было. Игорь, конечно, и сам не подарок, но должны же быть какие-то границы. Если бы к нему вломился неизвестный хрен с горы, стал заламывать руки и требовать предъявить Яну, неужели он повел бы себя вот так? Неужели его напугали бы возможные проблемы с законом? Да вообще любые проблемы, какие угодно? И Яна тоже молодец. Ну ладно нюхать какую-то дрянь, не ему ее осуждать, он и сам алкоголик. Но она услышала, что к ним идет полиция, отправила друга потянуть время, изображая идиота, — впрочем, почему изображая, с этим, похоже, и без спектаклей все в порядке, — а сама судорожно смывает вещества в унитаз. Сейчас полиция придет, а в квартире чисто. А что оба действующих лица сидят удолбанные, так это они красили стены и забыли открыть окно. Так мило! Нарушаешь закон — найди в себе силы честно принять последствия. Не можешь найти силы — не нарушай. Всего-то. Впрочем, это все лирика. Важно то, во что сейчас закаталась Яна. Если в недавно изобретенный асфальт, то ему придется сообщать Ярославу плохие новости. А если просто закинулась кокаином, амфетаминами или еще чем-то из старого доброго, то вопрос решается намного проще, чем думал академик.

Парень доходит до двери квартиры, дрожащей рукой вставляет ключ в замочную скважину, открывает. Яна выходит навстречу из комнаты. В первую секунду ему кажется, что прямо в глаза выстрелили вспышкой фотоаппарата.

Смотреть на нее невыносимо, хочется закрыть лицо руками. Когда первое ослепление проходит, он видит, что Ярослав не врал: она стала совсем тоненькой, почти невидимой, такой же, каким был он сам до их знакомства. На ней домашние коротенькие штаны и майка, и видна каждая торчащая косточка. Яна тоже смотрит на него, не в силах произнести ни слова. Невнятный парень переводит непонимающий взгляд с нее на Игоря. Выглядит она не настолько неадекватной, как можно было предположить; это совершенно точно не асфальт.

Он пытается собраться и найти какие-нибудь слова, но Яна разворачивается, скрывается в комнате и через пару минут появляется переодетой в джинсы. Накидывает совсем легкую, не по погоде, куртку, молча наклоняется, поднимает с пола валяющиеся кеды, надевает один, второй. Игорь вдруг садится на корточки и по очереди крепко завязывает на них шнурки, встает, открывает дверь и пропускает Яну вперед. Она послушно выходит. Игорь прикрывает дверь, поворачивается к совершенно растерявшемуся чмошнику и спокойно говорит:

— Еще раз увижу в радиусе километра от нее — убью.

Когда они остаются вдвоем в лифте, Яна наконец заговаривает.

— Тебе не приходило в голову позвонить мне и назначить встречу? Обязательно было делать вот так?

— Не приходило, — отвечает Игорь. — Мне вообще ничего не приходило в голову, пока ко мне в тюрьму в очередной раз не приехал твой отец.

— Мой отец? — На ее лице появляется первое читаемое выражение, по которому можно узнать ту Яну, которую он знал и любил.

— Да. Приехал твой отец, чуть не плакал, мы с ним поехали в кабак, выпили, он рассказал, что ты жрешь какое-то дерьмо, встречаешься с непонятным типом и говоришь, что не хочешь жить. И что теперь он понял, что я на самом деле сокровище.

Игорь невесело смеется.

— Я, наверное, брежу. — Яна качает головой. — Такого не может быть.

— Мне тоже так кажется.

Какое-то время оба молчат. Лифт считает этажи: шестнадцатый, пятнадцатый, четырнадцатый.

— Лечиться будешь в клинике или попробуешь бросить без посторонней помощи? Варианта «не бросать», к сожалению, предложить не могу.

Она пожимает плечами.

— Как скажешь. Мне все равно.

Игорь кивает.

— Я не пытался тебя убить. Я хотел тебя оттолкнуть и не рассчитал силу.

— Я знаю.

— Конечно, так все равно нельзя было делать. Но я не специально.

— Много чего нельзя было делать. И не только тебе.

— Согласен, похищать людей тоже нежелательно. Но все же не настолько, как пробивать им головы.

— Знаешь, я много об этом думала... А потом мне надоело, и я стала торчать. Все мысли исчезли. — Яна засмеялась, смех получился очень резким и даже страшным. — Это ведь было уже не в первый раз. Помнишь, мы с тобой говорили на лестнице в день рождения нашего отделения? Когда ты потом поцеловал меня и убежал?

Он кивает. Она говорит слишком прямо и свободно для обычной себя, но все-таки вполне адекватно. Кажется, она будет в полном порядке, и достаточно скоро.

— Я перед этим схватила тебя за руку, и ты попросил ее убрать, а я убрала не сразу, подождала. И в тот день ты тоже просил убрать руки. И я прекрасно знала оба раза, что это не шутка, тебе очень тяжело и неприятно. Но я просто не могла отпустить. Мне казалось, что, если отпущу, ты просто исчезнешь навсегда, и это было намного страшнее, чем продолжать причинять тебе боль. Так что я тоже молодец. Можно сказать, что это была самозащита.

Яна снова смеется, уже не так пугающе и даже грустно. Он думает, что она отчасти права: ему действительно было плохо в те моменты от ее прикосновений, и он не был на них согласен и честно просил прекратить, а она не обращала на эти просьбы внимания — или обращала не сразу, как тогда, на празднике, зная, что это одна из самых больных его точек. Если перестать считать себя человеком, который создан для того, чтобы терпеть, можно даже решить, что это было жестоко.

Они выходят из подъезда, подходят к машине. У машины дежурит охрана. Яна смотрит на машину, потом на Игоря.

— Ты что, правда с ним общаешься?

— А ты решила, что я все это выдумал?

Он открывает перед ней дверь, она садится. Даже сейчас, под действием черт знает чего, она делает это так, как будто родилась на светском вечере и сразу принялась порхать между знаменитостями с бокалом шампанского. Как и ее отец. У них могут быть какие угодно недостатки, но это два самых изящных человека, которых он видел за всю свою жизнь. Игорь обходит машину, садится с другой стороны.

— Встречаться с Ярославом готова? Или сразу в больницу?

— Давай сразу. Не хочу с ним разговаривать в таком... настроении.

— В таком состоянии, ты хотела сказать? Понимаю.

Игорь усмехается. Яна бросает на него быстрый взгляд.

— Извини, — добавляет он. Кто бы говорил. Кто бы смел что-то говорить ей о состояниях.

— Ты прав. Все в порядке.

Водитель терпеливо ждет, Игорь быстро ищет в интернете адрес, Яна сидит рядом и молча смотрит в окно.

Пока она общается с врачом, Игорь звонит Ярославу.

— Яна в клинике, собирается лечиться. Я сейчас сниму номер в какой-нибудь гостинице неподалеку, буду ее навещать.

Ярослав говорит, что сделает все сам. По голосу слышно, что он от счастья не верит своим ушам.

Когда Игорь прощается с Яной до завтрашнего утра и выходит на улицу, водитель уже знает, куда его отвезти. Администратор выдает ему ключи со словами, что все вопросы уладил господин Ярошенко и они будут рады видеть его своим гостем столько, сколько будет нужно. Игорь кивает, поднимается в номер. Через пару минут звонит Ярослав, и он спускается в бар.

— Она будет лечиться. Но у меня уже не получится вернуться в тюрьму. Нужно навещать ее каждый день.

— А тебе хочется вернуться? — спрашивает Ярослав.

Игорь жмет плечами.

— Не знаю. Мне ничего не хочется, если честно. Но раз мне все равно, то хотя бы постараюсь сделать так, чтобы с ней было все в порядке.

— Спасибо. У меня нет слов, чтобы сказать, как я тебе благодарен.

— Да ладно вам. Вы же знаете, что я это не ради вас.

— Нет никакой разницы.

Ярослав достает из внутреннего кармана банковскую карту, нестандартную, отдельную от ID, и кладет на стол.

— Надеюсь, что не обижу тебя этим. Мало ли что может случиться.

Игорь берет карточку и вертит ее в руках.

— Что это?

— Доступ к моему счету. Нужен будет остров в Тихом океане — покупай.

Игорь смеется.

— Не думаю, что до этого дойдет. Но в любом случае спасибо.

Они переходят на нейтральные темы, выпивают еще по сто. Ярослав просит дать знать, когда Яна захочет его увидеть. Говорит, что вынужден сейчас улететь, но по первому свистку окажется рядом с ними. Они уже прощаются и Игорь собирается идти в номер, когда Ярослав окликает его.

— Я понимаю, что это невозможно, — тихо произносит он, опустив глаза. — Но все-таки хочу попросить прощения.

Игорь кивает и тоже опускает глаза.

— И вы меня простите. Я же чуть не убил ее, без шуток чуть не убил.

Ярослав пару секунд мнется, а потом делает шаг вперед и крепко его обнимает. Игорь пытается освободиться, потом внутренне машет рукой и обнимает его в ответ.

— Если бы я, старый дурак, смог вернуться в прошлое и все исправить, — сдавленно говорит академик, — у меня мог бы появиться сын, а вместо этого я потерял дочку.

Игорь хлопает его по плечу и прислушивается к себе. Кажется, ему не настолько на все наплевать, как он пытался думать.

— Прости меня, — повторяет Ярослав. — Пожалуйста, прости меня... сынок.

И Игорь вдруг чувствует, что глаза становятся мокрыми.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, январь 18, 2080

Я схожу с ума. Две вещи сразу указывают на этот факт. Во-первых, я подробно посчитал, как сделать эту долбаную бомбу для путешествия на лицевую сторону. Главное теперь никому этого не показывать — иначе получится, что Академия была совершенно права, когда утверждала, что я террорист, разрабатывающий оружие. Я действительно разрабатываю оружие, причем такое, какого они не видели в своей жизни. Не только не видели, но даже не могли вообразить.

Во-вторых, мне пришло письмо от... от... от... прости, Дорогой Дневник, у меня не только не поворачивается язык это произнести, но и не поднимается рука это написать. Так. Давай, Джаспер. Соберись и напиши. Сделай это. Ты можешь. Так вот, мне... пришло письмо... от... Нет, не могу. Сейчас поью водички и продолжу.

Мне пришло письмо от Ярослава Ярошенко!!! Уф. Я справился.

Мне, мать вашу, пришло письмо от Ярослава Ярошенко! В котором он пишет следующее: с меня сняты все обвинения, «на Аляске в данный момент отсутствует материально-техническая база для плодотворной работы» (это цитата, и я при виде нее упал на пол и не мог встать десять минут!), а я «талантливый и выдающийся ученый». И не хотел бы я, с учетом вышеизложенного, вернуться в Академию в качестве участника его рабочей группы. Это пиздец, ребята! На Аляске действительно отсутствует база — особенно после того, как вы разбомбили ее к чертовой матери. База и до того была не на высоте, но теперь отсутствует полностью.

Благодаря вам, сраные вы сукины дети! Но если отставить эмоции, которых море, то интересно вот что: чего это его вдруг стукнуло? Он же всегда считал,

что я брежу, и открыто это высказывал. Да что там, Бланш Бернар говорила мне в нашем первом телефонном разговоре, что, пока Ярошенко жив и занимает свое место, никто не сможет заняться моей теорией, потому что тот никому не даст этого сделать. И потом, в дополнение к скепсису в отношении моей работы, он и самого меня на дух не выносил. Для него люди, способные добровольно покинуть Академию, — это сто тридцать второй сорт внутри второго, вообще не люди, а недоразумение. И вот, здравствуйте, получайте посылку! Академик Ярошенко «с учетом вышеизложенного» приглашает меня присоединиться к нему. Это что за новости? В Академии научились пересаживать головной мозг и начали с этого старого козла? Его всю жизнь атаковал мозговой слизень, а теперь слизня нашли и сняли? Он упал, ударился головой и после этого Все Понял? Ярошенко — робот, в которого путем взлома загрузили другую программу?

Крайне, крайне загадочно. Одни вопросы, и никаких ответов. Но пока склоняюсь к тому, чтобы отправиться туда и посмотреть ему в глаза чисто из исследовательского интереса. Вряд ли я к ним вернусь и тем более вряд ли захочу с ним работать, но мне просто интересно посмотреть в лицо этого, если можно так выразиться, человека. Спросить, не думал ли он, что не стоит бомбить Аляску, раз там не террористы, а перспективные ученые или как он там меня обозвал.

Впрочем, теперь я уже почти террорист — оружие-то вот оно. Физически не сделано, но план-то уже готов. Ярошенко, сукин ты сын, смотри не ошибись! А то приду в лабораторию под твое чуткое руководство, сделаю бомбу, и привет. Что тогда скажет президент? Будет ли он доволен твоим решением? Хотя президент уже ничего не скажет — президента не будет. Вообще ничего не будет. ХА-ХА-ХА.

Санта-Круз, Калифорния, март 20, 2080

Тот день Яна не забудет никогда. Они с Игорем уже два месяца жили в Калифорнии, куда переехали в январе, почти сразу после того, как ее выписали из больницы. Хватило недели, чтобы они поняли, что больше не могут жить в квартире, которая так сильно напоминает о прошлом, и ходить на занятия с теми же людьми, что и раньше. Ярослав пришел в восторг, услышав, что они хотят переехать, и за считанные дни решил все проблемы и с администрацией, и со службой безопасности. Обычно Яна выступала против таких методов, но в этот раз у нее не было никаких сил вмешиваться. Есть возможность приступить к занятиям, не отвечая на лишние вопросы, и замечательно.

Они жили довольно далеко от Ярослава, в самом обычном районе, но виделись пару раз в неделю. Игорь по рекомендации Льюиса снова начал ходить к психотерапевту, очень приятной девушке из России, — Льюис считал, что терапия обязательно должна проходить на родном языке. Первое время они с Яной очень сдержанно общались между собой — сказывались воспоминания, как он ждал «скорую помощь», глядя на растекающуюся вокруг ее головы лужу крови, — но постепенно стало легче. Может быть, они даже сильнее дорожили друг другом, помня, как расстались.

А потом, через каких-то полтора месяца после того, как все наладилось окончательно, это случилось. В тот день они с Игорем проснулись, вместе пошли на занятия, как делали с февраля, договорились встретиться в обед и прогуляться. Через полминуты после начала обеденного перерыва — она даже не успела выйти из аудитории — раздался звонок. Это был неизвестный ей мужчина из службы безопасности, и он коротко сообщил, что ее ждут в кабинете у Бланш Бернар. Яна так же коротко ответила, что сейчас придет, перезвонила Игорю, сказала, куда отправляется. Игорь очень удивился и разволновался, спросил, не хочет ли она, чтобы он составил ей компанию. Яна сказала, что очень хочет, но ее пригласили одну, и она пойдет одна, а ему позвонит, как только все закончится. Потом она позвонила отцу, но тот не ответил — а она как будто и не рассчитывала услышать его голос, когда подносила телефон к уху.

С самой первой секунды она поняла, что случилось что-то не просто серьезное, а жуткое и непоправимое. Это не было вполне объяснимым волнением студента, которого без каких-то очевидных причин вдруг захотела увидеть даже не служба безопасности, а Бланш Бернар, снисходившая до студентов в самых исключительных случаях. Она просто знала, что все. В голове очень спокойно и с полным на это правом расположилось единственное слово, выведенное огромными горящими буквами: «конец».

Она прошла охрану, зашла в лифт, вышла из лифта. Ее встретили какие-то люди, они улыбались. С этого момента воспоминания погружаются в сумерки, как будто в них медленно наступала ночь, но сквозь сумерки она помнит каждое мгновение. Бланш, которую она впервые в жизни видит так близко, сама открывает перед ней дверь своего кабинета, кивком отправляет сопровождающих за дверь, усаживает ее в кресло, ничего не спрашивая, приносит воды. Яна хочет спросить, что случилось, но не может говорить. В ее голове, затмевая остальное, все ярче горит надпись «конец», а вид Бланш совершенно парализует. Бланш на каблуках, но все равно ниже Яны, очень красивая, но какая-то ненастоящая. У нее божественная фигура, звериная

грация, но вместо живого человека Яна видит перед собой картинку из фильма. Картинка садится в кресло напротив, упирается локтями в колени, ставит острый подбородок на маленький кулак и очень внимательно смотрит ей в лицо.

— Думаю, вы уже поняли, что что-то случилось. — Это первые слова, которые Бланш произносит. У нее неожиданно глубокий для такого небольшого тела голос, и в нем тоже слышится не живой человек, а дубляж к кинокадрам.

Яна молча кивает.

— Я даже не знаю, как вам сказать. Наверное, трудно поверить, что я могу не знать? — Она невесело улыбается, и Яна понимает, что ей отчаянно хочется вскочить и закричать в лицо своей прекрасной собеседнице, чтобы прекратила врать и валять дурака. Как убивать людей, она знает, а как сказать о чем-то хлопающей ресницами девочке — нет!

Глядя на одного из самых страшных людей в мире, непостижимым образом поместившегося в такую упаковку, Яна и правда чувствует себя ребенком, девочкой, дурочкой, беззащитной, как слепой котенок. Но Яна не кричит, а безжалостно наступает на только что найденного внутри беззащитного слепого котенка и отвечает ледяным голосом:

— Попробуйте сказать, как получится. Я думаю, как-нибудь должно получиться.

Бланш опускает глаза. На секунду Яне кажется, что она не врет, а на самом деле не знает, как сказать.

— Ваш отец погиб. Час назад.

Несколько секунд Яна дышит ртом, пытаясь сконцентрироваться. Она услышала именно то, что пришла услышать, — в глубине души она сразу поняла, в чем дело.

— Рассказать, как это произошло?

Яна кивает, глядя в пол.

— Он собирался улететь из России, ехал в аэропорт. В кортеж бросили бомбу. Как двести лет назад. Водитель тоже погиб на месте. Я решила сама вам сообщить, потому что это моя вина. Я отвечала за его безопасность и не смогла уберечь.

Бланш продолжает говорить, а Яна смотрит в пол и моргает. Перед ней странное кино, в котором черные кадры сменяются вспышками света, а голос за кадром

рассказывает, как асоциальные элементы, настаивающие на выходе России из Конвенции, давно охотились за ее отцом и наконец добились своего. Бланш говорит, что взрыв был такой мощности, что не спас бронированный автомобиль, что его выбрали как самого значимого академика из России, что в его лице они убивали не частное лицо, а связь Академии и Москвы.

Она говорит, что кинувший бомбу человек пойман и что лучшие силы службы безопасности будут брошены на поиск организаторов, что его смерть не останется безнаказанной. Говорит, что тело Ярослава прилетит в Штаты сегодня вечером, и Яна про себя добавляет, что вряд ли оставшиеся после взрыва фрагменты можно назвать «телом Ярослава». Яна выслушивает все до последнего слова, отказывается от помощи в организации похорон, прощается. Бланш сдает ее с рук на руки сопровождающим, ее усаживают в машину, ничего не спрашивая, отвозят домой. Она поднимается на крыльцо, понимает, что не готова видеть никого, и даже Игорь не исключение, садится на пол и спиной прижимается к перилам.

Ее отец умер. Она больше никогда не увидит его, не обнимет, не поспорит с ним, не пожелает ему спокойной ночи. Его убила Бланш Бернар. Убила и пошла задорно валять перед Яной дурочку, чтобы добавить правдоподобности в свою версию. И еще, конечно, чтобы развлечься. Что может быть веселее, чем рассказывать о неизбежном наказании всех виновных, глядя в лицо дочери убитого тобой человека? Как же она ненавидит эту суку. Как же она ненавидит их всех.

Долгие годы Ярослав был верным псом Тернера, искренне считающим, что делает хорошее дело, и противники Академии почему-то не кидались в него бомбами. Но стоило ему подружиться с Льюисом и начать голосовать на Совете не так, как все привыкли и ожидали, и бомбы тут же полетели. Те, кто вяло боролся с Академией в России, должны были начать обожать Ярослава, но вместо этого убили его. И Бланш, видимо, принимала ее за безнадежную идиотку, раз изложила эту версию, глядя ей в глаза. А может быть, просто решила развлечься особенно утонченно — рассказать заведомо неправдоподобную версию и насладиться лицом человека, который ничем не может тебе отомстить. Льюис, при всей ее симпатии к нему, был необходимой частью их спектакля, и любому дураку понятно, что он еще жив, здоров и даже заседает в Совете исключительно благодаря этому. Его голос против одиннадцати голосов остальных советников не значил ничего, и именно поэтому ему давали слово. Иногда на его сторону становился Магди, и это тоже прокатывало — два их голоса все равно ничего не могли решить. Но все чаще к ним начал присоединяться Ярошенко, и призрак смельчака, который рискнул бы

стать четвертым, тем самым добившись возможности блокировать решения Совета, вырисовывался все четче. Вдруг Джонсон или Бжезинская снова выйдут из спячки? Или кто-нибудь еще поменяет курс, вот так же резко, как это сделал Ярослав? Ее отец начал мешать.

Он стал неудобным. Он стал опасным. Один человек в вечно мятом пиджаке, гнувший свою линию, кажется, только для того, чтобы отболтаться от собственной совести, был даже нужен. Не могут же все всегда быть согласны друг с другом во всем, кто-то должен быть против. Ощущение полной свободы и демократии — и в то же время картинка, на которой большинство сливается в дружном порыве. Но вот таких людей стало трое. А где трое, там рано или поздно появится и четвертый. Они очень хорошо это знали. Поэтому они посмотрели на заседания Совета, на обстановку в мире, на Льюиса; заглянули в черные глаза академика Магди; хорошо обо всем подумали. И убили его.

Убили ее отца.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, март 21, 2080

Пока я соображал, стало поздно. Я вообще разучился реагировать быстро за последние годы — в моих обстоятельствах некуда торопиться, потому что нельзя ничего упустить и ничего успеть тоже нельзя. Поэтому я сначала две недели перечитывал письмо Ярошенко, представляя разные варианты его создания, потом месяц взвешивал «за» и «против» и вроде бы решился купить билет на самолет. Несмотря на смерть Мэннинга, несмотря на мой отдых в реанимации в конце семьдесят восьмого. И как только я окончательно собрался с духом, чтобы это сделать, стало поздно!

Ну, мать же твою, Джаспер! Тупой ты сукин сын, как тебе удастся покорять все новые и новые вершины лузерства? Кажется, покорены уже все — но нет, впереди есть еще. Очень, невероятно, до слез обидная история. Обидная еще и тем, что смерть Ярослава, перечеркнувшая для меня возможность вернуться, доказала, что возвращаться стоило. Старый лис действительно пришел в себя. Не знаю, как могло случиться такое чудо, но Ярослав, который раньше терпеть не мог ни меня лично, ни мои идеи, звал меня в свою команду совершенно искренне. К лучшему оборудованию в мире. И я туда не успел! Зато получил убедительнейшее доказательство того, что ехать было нужно. Какое там ехать — бежать! Бегом, не теряя ни минуты. Как в раннем детстве — хочется лечь на пол и зарыдать от обиды. Только, к сожалению, этот гребаный мир — не

бабушка Ева, и никто не придет гладить по голове, утешать, предлагать шоколадку и новую игрушку. Так и будешь лежать и плакать, как дурак и неудачник.

И Академия, конечно, в своем репертуаре. Просто сто процентов Академия, какой я ее знаю. Сколько лет человек поддерживал их людоедскую систему. И стоило ему немного развернуться к людям, как его тут же съели, не поморщившись. Сейчас еще и открытый пост про это напишу. Пусть люди посмотрят, как эти сукины дети жрут своих же бывших товарищей. Просто за то, что те не согласились с ними три с половиной раза.

Но и это не все сюрпризы, которые меня ждали. Через сутки после новости о гибели Ярошенко позвонила моя уже почти любимая мисс Бернар и принялась вопить, что я тупил и зря не приехал. Хотя вообще все это звучит как распоследняя дичь: Бланш, которая наверняка сама же отдала приказ об убийстве Ярослава, звонит и выговаривает мне, что я ошибся, не согласившись на его предложение. Но это еще цветочки. Потом мы вдруг принялись обсуждать науку, и лет пять назад я бы скорее поверил в снежного человека, ангела с огненным мечом, черную магию и спиновые поля, чем в то, что буду говорить с Бланш Бернар о таких вещах (примечание: говорить с огромным удовольствием!). Буквально вот такой был разговор (поначалу был очень злой, помню первые фразы не дословно, но смысл передаю).

— Привет, Джаспер. Скажи, пожалуйста, почему ты все еще не принес свою задницу в Калифорнию?

— Потому что я думал над предложением Ярослава, а потом стало поздно. Благодаря тебе, между прочим.

— Во-первых, не благодаря мне, уже немного утомляет твоя привычка приписывать мне авторство всех неприятностей в мире. Во-вторых, как можно думать два месяца? Ты бы еще два года думал.

— Зачем ты говоришь мне все это? Я не понимаю. Зачем ты вообще мне звонишь?

— Я все еще не оставляю надежды, что однажды ты перестанешь тупить и сделаешь это.

— Что — это?

— Ты знаешь.

На этом месте разговора я выпал в осадок и пару минут глупо молчал, а потом зачем-то (она реально сводит меня с ума, я не представляю, как это еще объяснить) сказал:

— Кстати. Не хотел звонить тебе сам, но раз уж мы беседуем. Ты говорила, что если я докажу свою теорию, то у нас появится шанс выбраться.

— Говорила.

— Я стал думать об этом после нашего разговора.

— А что, раньше не думал?

— Никогда. Ты нечаянно поставила передо мной вопрос, который я сам никогда не ставил. И другие не ставили. Все говорили совершенно о другом: верна теория или нет. Что ей противоречит, что укладывается в нее...

— Вот это новости. Я послужила источником вдохновения для Джаспера Кэмерона! И что? Уже придумал что-нибудь или еще в процессе?

— Придумал. Путь есть, но пройти его нельзя.

— Звучит интригующе.

— Потому что умрешь в первые... сейчас скажу, за какое время точно. Там то ли двадцать седьмая, то ли двадцать восьмая степень.

— Не надо точно. Расскажи в общем.

— Тебе что, правда это интересно?

— А почему нет?

— Да хрен его знает, действительно.

На этом месте я снова пару минут глупо молчал, а потом попросил:

— Давай начнем вот с чего: расскажи своими словами, как ты понимаешь теорию лицевой стороны. Так я пойму, насколько можно углубляться, чтобы ты не запуталась.

Бланш засмеялась (не как обычно — не раздражающим смехом, от которого немедленно хотелось взять ее за шею и задушить, а каким-то нормальным).

— Я даже немного волнуюсь, веришь? Мало знаю людей, которые сильно умнее меня, и ты один из них.

— Хорош заливать. Если бы я был умнее, то не сидел бы сейчас тут. Начинай. Просто общую суть своими словами. Ну там, не знаю, пример для первоклассников: корпускулярно-волновой дуализм — это такая штука, которая говорит нам, что любой объект — одновременно частица и волна. Черт, надо быть осторожнее со словом «одновременно».

В этом месте я заржал и уже решил, что моя прекрасная собеседница, благодаря которой я чуть не сдох два года назад, чего и ей иногда желаю, сейчас пошлет меня к черту.

— Хорошо, попробую, — сказала Бланш вместо этого, и я вдруг понял, что она не врет, не прикалывается, а реально, искренне волнуется.

В этом месте я сел на пол. Потому что женщина, чья подпись стоит на приказе об уничтожении Аляски и которая при этом краснеет от перспективы пересказать физику суть его теории, — это... я не знаю. Это что-то новое в моей картине мира. Картина мира, прямо скажем, с треском лопнула, как тесные штаны на жопе неаккуратно нагнувшегося человека.

— Ну смотри... — Она рассмеялась. — Черт, какое хорошее ощущение, много лет его не испытывала! В общем, насколько я могу уложить это в своем мозгу, тема такая: у всей существующей материи, начиная от созвездия долбаного Лебеда и заканчивая кофейным аппаратом в холле моего кабинета, существует вторая сторона. И по ряду признаков можно сделать вывод, что эта вторая сторона как раз и есть главная, а мы по отношению к ней находимся на изнанке. Причем, что важно (по крайней мере, так я поняла главное отличие от некоторых других предположений), мы не отделены от этой второй стороны расстоянием в самую маленькую из известных частиц. Наоборот, наши частицы, из которых у нас, на этой стороне, все состоит, одновременно — ну вот, я тоже употребила это слово! — образуют и ту, вторую сторону тоже. Просто они... дальше для меня сложно. Наверное, это как стежки на ткани. Если взять нитку, продеть ее в иголку и вести по ткани линию, вытаскивая иголку то на одну, то на другую сторону, а потом посмотреть, что получилось на одной из сторон, линия будет пунктирная.

Но это не значит, что в тех местах, где нитка пропадает, ее нет. Она все так же идет по этой ткани. А еще есть нитки, из которых эта ткань соткана. Лицевая и изнаночная сторона ткани могут выглядеть совершенно по-разному, но они сделаны из одних и тех же ниток и в каком-то смысле являются одним и тем же. И всякая там квантовая запутанность — это никакая не запутанность, а самая ясная ясность. Это просто следствие того, что частицы образуют материю двух сторон сразу. Зная свойства частиц с этой стороны, можно много узнать о

свойствах, которые они проявляют на той, но далеко не обо всех. И можно предположить, что на лицевой стороне своя Вселенная, в которой, например, вообще нет времени и гравитации в нашем понимании.

Короче, параллельно с нами... нет, не параллельно, в том и штука!

Параллельный мир, как его называют в фильмах и книжках, существует, но он никакой не параллельный и существует не рядом с нами, но и не за сто галактик от нас. Мы сами и есть параллельный мир. Он сделан из нас. Но у нас нет никакого шанса туда выглянуть, потому что даже если мы придумаем способ, как порвать эту ткань, то тем самым уничтожим самих себя.

Там еще о том, что такое Большой взрыв с точки зрения этой теории, каким образом загораются звезды, почему материи настолько больше, чем антиматерии, что такое на самом деле черные дыры и еще гора всего, чего я уже не помню, но самая суть, наверное, в этом. И параллельные миры отличаются не тем, что в одном кот остался жить, а в другом умер, как думал Эверетт. А в том, что частицы, из которых у нас здесь сделан живой кот, на другой стороне могут быть мертвой собакой. Или радиоактивным двухголовым плезиозавром цвета морской волны. Если там, конечно, вообще есть какие-нибудь коты, собаки и динозавры, в чем я сильно сомневаюсь.

Сказать, что я охренел, пока это слушал, значит не сказать ничего. Бланш, выдав свою речь, тоже замолчала.

— Ничего себе, — выдохнул я, собравшись с силами (пришлось нелегко). — Во-первых, круто. Во-вторых, ты поэт. Что ты делаешь в безопасности?

Она засмеялась.

— Слышали бы это мои подчиненные.

— Слышали бы весь этот разговор твои подчиненные.

И самое странное вот в чем: ведя эту дикую беседу, я все сильнее чувствовал, что это не просто беседа, а начало чего-то совсем другого. И, может быть, не только в моей жизни, но и в жизни вообще.

— Попробую тоже побыть поэтом и объяснить тебе, как попасть на лицевую сторону, на твоих же примерах. Смотри. — Пришла моя очередь сбиваться. — Вот есть иголка, способная проткнуть ткань.

— Да.

— И есть момент, в который она ее протыкает. Есть момент, длящийся столько, что можно смело сказать, что это недлящийся момент, так как он длится всего

ничего, — момент, в который самый острый кончик иголки, ее вершина, уже не на этой стороне, но еще не на той. В том месте, где иголка уже прошла через ткань и ушла на другую сторону, получается отверстие, соединяющее стороны. Это то, что сейчас называют черной дырой. И кажется, что можно пройти через это уже имеющееся отверстие и вынырнуть на другой стороне.

— Но нельзя, потому что проходящего разорвет на запчасти и проходить станет некому.

— Точно. Поэтому единственное, что остается, — попасть на вершину иголки в тот момент, когда она направляется к ткани, чтобы ее проткнуть.

— И ты понял, как это сделать?

— Да. Более того, я понял, как и из чего сделать иголку. Но есть две проблемы: во-первых, никто не даст ее делать, потому что в сравнении с этим ядерное оружие — детская лопатка, которой один ребенок лупит другого в песочнице, а во-вторых, оказавшегося на острие иглы все равно ждет физическая смерть. И наступит она раньше, чем он поймет хоть что-то. Просто это случится уже на лицевой стороне.

Бланш замолчала, как мне показалось, разочарованно. Но потом я понял, что мне показалось.

— Слушай, — сказала она после паузы. — И слушай внимательно. Ты просто обязан принести сюда свою задницу. Объясняй себе как хочешь, договаривайся со своей нежной совестью, но ты просто должен это сделать.

— Неожиданный переход.

— Пока да. Но сейчас я кое-что тебе расскажу, и переход станет понятным. У нас тут есть группа ребят — начинали это студенты-биологи, которых ты, насколько я помню, не любишь, но потом к ним подключились физики. В основном их считают придурками, и пока никто всерьез не обращает на них внимания, но вдруг они правы? У них получается, что умирающий в эпицентре ядерного взрыва на какое-то время оставляет, как они это называют, квантовую копию. Здесь я тебе уже не могу объяснить даже поэтически, как ты это называешь, потому что еще не вникала — там что-то про кварк-глюонную плазму, стоп-кварки, сохранение информации и аксональное наведение в головном мозге. В общем, если совсем просто, это про то, что частицы в человеке при его смерти в эпицентре ядерного взрыва не сразу успевают понять, что случилось, и какое-то время по-прежнему составляют нервную систему этого человека. Речь там идет о промежутках времени, которые ты называешь

не длащимися практически нисколько, но, может, этого хватит для того, чтобы успеть оказаться на другой стороне?

— Ты хочешь сказать, какие-то психи утверждают, что возможна жизнь после физической смерти?

— «Какие-то психи». — Бланш повторила за мной, а потом засмеялась. — Ты на себя-то посмотри! И потом, я бы не назвала это громким словом «жизнь». Сколько-то там долей секунды в какой-то степени — это как бы не жизнь, а издевательство. Так что? Ты дозрел до того, чтобы посадить кота в переноску и слушать его возмущенные вопли, пока будет длиться полет?

— Я... — затупил я. — Я не знаю.

— Но почему?! Чего тебе еще надо, Джаспер? Ну хочешь, я сама приеду в аэропорт тебя встречать? Возьму с собой пива и огромный бургер с острым перцем, как ты любишь? Отвезу к океану и буду стоять на берегу, пока ты плаваешь? Буду кормить твоего кота, пока ты занят в лаборатории? Оформлю кота на работу в свой отдел, и все отделение будет относиться к нему с боязливym уважением? Буду приносить тебе кофе каждое утро со словами «надеюсь, этот напиток достаточно хорош для тебя, о Великий Господин, ведающий тайны мироздания»? Что мне придумать, чтобы ты наконец сделал это?

— Все это звучит изумительно, не буду врать. — Я заржал дебильным смехом; очень круто было вдруг узнать, что один из главных людей в гребаной Академии помнит, какие бургеры я люблю. — Но все-таки мне нужно подумать.

— Хорошо. Как скажешь, о Великий Господин, ведающий тайны мироздания. Но знаешь, что я тебе посоветую?

— Что?

— Постарайся думать быстрее. Тебя звал сюда Ярошенко, и, пока ты думал, его не стало. Теперь тебя зову я.

— Есть какие-то основания считать, что...

— Всегда есть основания так считать, дорогой Джаспер. Каждую долбаную минуту. Есть такая пословица — жизнь коротка, искусство вечно. И наука, я подозреваю, вечно тоже. Давай же предпримем что-нибудь, пока еще можем предпринимать.

Я еще спросил ее, не боится ли она говорить со мной в таких выражениях по телефону, ведь я же могу записать наш разговор. Она ответила, что достаточно

хорошо меня изучила и уверена, что я не стану делать ничего подобного. На этом мы распрощались. И вот, Дорогой Дневник, я сижу тут и не могу понять вообще ничего. Я просто записал все по памяти, пока хорошо помню, потому что это очень важно. В том, что это важно, я уверен. Ни в чем другом я уже не уверен даже приблизительно. На сегодня у меня все.

Санта-Круз, Калифорния, апрель 19, 2080

Следующие дни Яна запомнила плохо. Были похороны, какие-то люди, какие-то бумажки, дома она плакала, и Игорь обнимал ее, помогал умываться, на руках относил в спальню и укутывал одеялом. А на людях она держалась. Была немного бледнее, чем обычно, и говорила как-то слишком тихо и спокойно, но у нее ни разу не дрогнул голос, не потекли слезы. Единственным человеком, с которым она обсудила свою версию произошедшего, тоже был Игорь.

Все официальные комментарии, которые ей пришлось дать, строились на том, что Ярослава действительно убили враги Академии. Она сама толком не понимала, зачем так делает, но почему-то была уверена на сто процентов, что поступает правильно. Месяц пролетел, как час. Единственное, что она помнила отчетливо за все это время, — серые глаза Льюиса и черные Магди, когда они по очереди подошли к ней на похоронах. Они не сказали ей ни слова, просто молча обняли, но в их глазах читалось, что им тоже совершенно ясно, кому на самом деле мешал ее отец.

Когда туман немного отступил, Яна поняла, что никогда не сможет оставить все как есть и просто спокойно жить дальше и что ей нужно организовать встречу, на которой кроме нее и Игоря будут Магди, Льюис и Гаррет. И сделать это так, чтобы у суки по имени Бланш и всей ее отвратительной компании не возникло ни малейшего подозрения, что что-то идет не по плану. Она уставилась в календарь. Несколько минут он казался ей набором ничего не значащих цифр, а потом до нее дошло, что через неделю будет сорок дней со дня смерти Ярослава. Она смутно помнила, что по русской традиции родственники и друзья покойного собираются на сороковой день, чтобы почтить его память. Уточнила у Игоря, так ли это, он подтвердил.

Тогда Яна написала всем, кто был ей нужен, стандартный текст типа «дорогой N., очень хочу видеть тебя у себя в гостях такого-то числа, со смерти отца сорок дней, буду вспоминать его и нуждаюсь в твоей поддержке». Ее переписку наверняка читают. Пусть порадуются, увидев, какая она лапочка-дочка своего папочки. За несколько часов все приглашенные ответили, что обязательно придут. Читая ответ Гаррета, заканчивающийся словами, что в этой ситуации им

обязательно нужно держаться вместе, Яна впервые за все прошедшее время улыбнулась. Похоже, они все прекрасно поняли, чем на самом деле будут заниматься. Это будут настоящие поминки. Не такие, на которых утирают сопли за рассказами о том, какой исключительной доброты был умерший. Пусть сопли утирает кто-нибудь другой, а они лучше подумают, как отомстить его убийцам.

Игорь помогал все организовать, не задавая никаких вопросов. В последний вечер перед встречей Яна затащила его в ванную, отобрала телефон, качая головой на его изумленный взгляд, разобрала телефон на составные части, разложила их на полочке у зеркала, потом проделала то же самое со своим. Потом включила воду и сделала напор максимальным.

— Я просто хотела предупредить тебя, — шепотом сказала она, обнимая его за плечи и подтянувшись к самому уху. — Но подумала, что они могут подслушать.

Игорь нахмурился, но кивнул.

— Мне не нужны никакие поминки. Я просто искала повод собрать их всех в одном месте и не вызвать подозрений.

Он снова кивнул.

— Я хочу обсудить с ними, что делать дальше.

— А что тут можно сделать? — тоже шепотом спросил он. — Я думал об этом, долго думал, но не придумал ничего сколько-нибудь стоящего.

— Пока не знаю, что именно. Но что-нибудь точно. — Она помедлила. — Понимаю, что ты вряд ли придешь в восторг, но я не сдамся. Просто не смогу. Я буду мстить им за него до последнего, даже если они убьют и меня тоже.

— Яна.

— Что?

— Ты знаешь, что я не считаю свою жизнь чем-то, над чем стоит трястись. Никогда не считал. Но ты...

— Хочешь сказать, что это жизнь — плюнуть на то, что твоего отца убили, и как ни в чем не бывало ходить на занятия в организацию, которая это сделала?

Она перевела дыхание, чтобы успокоиться и продолжать говорить шепотом, не повышая голоса.

— Этот день, когда Бланш мне сообщила о его смерти. Видел бы ты ее лицо, когда она встала передо мной, что найдет и накажет всех виновных. Жить в этом мире как ни в чем не бывало — это расписаться в том, что ты трусливое ничтожество. Мы ведь не такие, Игорь. Я знаю, что ты меня очень любишь. И тебе больно думать, что я собираюсь рисковать жизнью, если понадобится. Но мы не такие. Ты не такой. И я тоже не такая. Я хочу не только отомстить за отца.

Последние несколько месяцев у нас с ним были отличные отношения, но ты же понимаешь, что дело не только в нем. Я хочу, чтобы Академия провалилась в ад. И, если ради этого нужно будет умереть, я сделаю это с удовольствием. Может быть, я сошла с ума от известия о его смерти, может, здоровые люди не должны так говорить и должны беречь себя. Но я не могу и не буду. Пусть я буду сумасшедшей, но я хочу, чтобы они горели в аду, и, если ради этого нужно будет самой туда отправиться, я отправлюсь.

Игорь молчал, глядя в пол.

— Не мне тебе рассказывать, на что похож мир, в котором мы живем. Ты ведь лучше меня знаешь, что делать вид, будто все в порядке, сидя посреди этого уродства, — последнее дело. Ты хочешь так жить? Купить дом, выбрать шторы на окна, завести детей? Чтобы они тоже полюбовались на помойку, в которую все это превратилось? Я знаю, от дочки академика все это странно слышать. Но я очень хочу, чтобы ты меня понял. Если ты меня не поймешь, то кто поймет?

Игорь слушал очень серьезно, она давно не видела у него такого лица, может быть, никогда не видела. С минуту на этом лице отражалась кровавая внутренняя борьба, и Яна вдруг тоже поняла его. Он всю жизнь провел в аду. Этот ад менял краски и формы, но не переставал быть адом ни на секунду. И вот наконец у них все хорошо. После всего, что ему пришлось пережить сначала одному, а потом и с ней вдвоем, после кошмара, который, сам того не желая, устроил им ее отец, они наконец стали просто жить, как все нормальные люди. И вот теперь она предлагает ему плюнуть на все и отдать эту жизнь за призрачную возможность что-то изменить и кого-то наказать. На секунду ей стало почти стыдно перед ним, что она не хочет и не может делать вид, что все в порядке, а потом Игорь с силой сдвинул пальцами виски.

— Я понимаю, — сказал он. — Ты права. Я помогу тебе во всем. Моя жизнь без твоей ничего не стоит, так что я в твоём распоряжении. Постараемся вместе сделать так, чтобы они забегали.

Яна почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Только пообещай мне одну вещь, — продолжил он.

— Какую?

— Мы будем думать, что делаем. Хорошо думать. Рисковать жизнью ради результата — не то же самое, что рисковать ей ради непонятно чего. У нас есть мозги, и нужно пользоваться ими, а не впадать в истерику. Обещаешь не совершать необдуманных поступков и не рисковать там, где без этого можно обойтись?

— Конечно, — горячо ответила Яна и обняла его крепко-крепко. — Обещаю.

— Ну и отлично. — Он тоже обнял ее и тяжело вздохнул. — А теперь пойдем готовиться к собранию твоего тайного общества.

И она обняла его еще крепче и засмеялась сквозь слезы.

Санта-Круз, Калифорния, апрель 28, 2080

И все-таки ужасно интересно, показалось ему или нет. Он считал Яну отличной девчонкой, но никогда не забывал, что она дочка одного из самых мерзких мудаков на свете. В последнее время ее отец изменился и даже начал что-то соображать, но его убили раньше, чем Дерек окончательно принял этот факт. И потом, Яна хоть и очень приятная и сообразительная, но все-таки девочка из семьи, которые называют «хорошими». А девчонок из «хороших семей» (отвратительное словосочетание, просто отвратительное) он видел разных, но ни одна из них не стала бы рисковать просто так. Ради понятного, конкретного результата стала бы. А ради неизвестно чего, просто чтобы знать, что ты пытаешься что-то сделать, а не сидишь сложа руки... Академию не победить.

Он не собирался сдаваться, но в глубине души давно смирился с мыслью, что противник сильнее в миллион раз и вся его борьба не больше, чем акт самоуспокоения. И очень сомневался, что Яна будет рисковать ради такого же акта. Дерек иногда грустно шутил, что хотел бы сменить ориентацию вместе со своим другом Стивеном. Из них бы вышла отличная пара. А каждая девушка, с которой он начинал встречаться, с роковой неизбежностью рано или поздно присаживалась ему на мозги с вопросом, не хочет ли он успокоиться и «немного подумать о себе». Стивен говорил, что Дерек сам выбирает таких женщин, приглашая на свидания исключительно голливудских красавиц, однако годы шли, он искренне старался присматриваться вообще ко всем в зоне досягаемости, но раз за разом получалось одно и то же.

Ты организовал фонд, ты большой молодец, ты всем помогаешь, но нужно ведь иногда подумать и о себе; что будет с фондом и теми, ради кого ты стараешься,

если с тобой что-нибудь случится? Хотелось сунуть два пальца в рот от одних воспоминаний о таких разговорах. Помимо нестерпимого занудства, в этих рассуждениях его больше всего убивало то, что фраза «нужно ведь иногда подумать и о себе» на самом деле означала «имей совесть и подумай обо мне».

Рисковать жизнью ради того, что он делал и что безо всякой дешевой иронии считал главным в жизни, для Дерекы и значило «думать о себе». Именно это, а не расслаживание на диване в семейных трусах с пачкой чипсов. Правда, в последние два года даже это он делал на автопилоте, уже не испытывая прежних эмоций. С того дня, когда в затопленном доме он встретил труп девочки, вцепившийся в труп собаки, он так и не пришел в себя. По сравнению с первыми месяцами тяжелой депрессии, в которой он бывал не в силах принять вертикальное положение, чтобы поесть, ему уже очень полегчало, но в глубине души он знал, что настоящий Дерек Гаррет так и не смог вернуться.

За долгие годы он выучил все свои ценности наизусть и сейчас просто действовал исходя из них, но это была работа машины, а не живого человека, как раньше. Но вот сейчас, получив от Яны приглашение на крайне странное мероприятие, он ощутил какое-то движение внутри. Что-то стряхнуло пыль с давно забытых вещей в самой глубине его души — надежды, удивления, интереса к окружающему миру. Скорее всего, ему показалось и все это напрасно. Но все-таки есть небольшой шанс, что нет. Что она искала повод собрать их вместе, не вызвав подозрений, и этим поводом стал какой-то по счету день со смерти ее отца. У русских вообще странные традиции, связанные со смертью. Да и сами русские бывают очень и очень странными. Впрочем, кто бы говорил.

Дерек припарковался возле нужного дома, закрыл машину и пошел к входу. Вопреки ожиданиям, Яна жила в самом обычном районе, там же, где и остальные студенты. Он поднялся на крыльцо и позвонил. Надежда, что он не ошибся и это будет не пьянка со слезливыми речами о покойном, а встреча людей, которые поняли, что нужно бороться, становилась все сильнее.

— Телефон нужно положить вот сюда, — строго сказала Яна, кивая на верхний ящик комода в прихожей, едва он успел переступить порог. — Еще не хватало, чтобы в такой день кто-нибудь начал звонить с глупостями.

Дерек послушно сложил телефон к нескольким другим и поднял на Яну глаза. Или русские все-таки очень странные, или он не ошибся. Яна поймала его вопросительный взгляд и кивнула. Она не могла улыбнуться: во-первых, эти

сволочи убили ее отца и ей на самом деле очень больно, а во-вторых, все должно выглядеть идеально.

Ему захотелось запрыгать на месте, но вместо этого он повесил куртку и прошел в гостиную. Он крепко обнял Стивена, подал руку Амиру и Игорю и оглядел компанию. Все в черном. Даже Магди, известный любитель ярких рубашек, сегодня превозмог себя и втряхнулся в черную. Расстегнуть ее до середины груди, по своему обыкновению, правда, не забыл. Дерек едва заметно усмехнулся.

Игорь появился в комнате с запотевшей бутылкой водки и разлил ее в стопки по числу присутствующих, ни о чем не спрашивая. Дерек внимательно следил за его рукой. Ну ладно он. Он, в конце концов, рок-звезда и должен уметь пить не только водку, но и ракетное топливо. Но остальные? Судя по лицу Льюиса, он задавался тем же вопросом. Когда стопки наполнились, Яна решительно взяла одну из них и кивком пригласила всех последовать ее примеру.

— Друзья, — серьезно сказала она, — большое спасибо, что пришли. Как вы знаете, я собрала вас, чтобы почтить память моего любимого отца, Ярослава Ярошенко. Давайте выпьем не чокаясь. Царствие ему небесное.

И раньше, чем Дерек успел моргнуть, Яна поднесла стопку к губам и одним глотком опустошила. Получилось так естественно, будто она всю жизнь только и делала, что пила водку. Яна вообще прекрасная девушка, а сегодня превзошла саму себя: серьезная, без следа косметики, в простом темном платье, пьет, не морщась и не закусывая, как и полагается русским красавицам. Он настолько увлекся зрелищем, что забыл выпить, и спохватился, только когда все взгляды устремились на него. Дерек смутился, велел себе прекратить думать о бабах, таким же широким жестом вылил в рот содержимое стопки и едва сдержался, чтобы не заорать от удивления. Во рту вместо водки оказалась ледяная вода.

— Спасибо, друзья, — сказала Яна. — Прежде чем продолжить, я хотела бы включить музыку. Мой отец очень любил классику, и особенно оперу, поэтому сейчас мы послушаем одно из самых любимых его произведений — оперу «Борис Годунов».

Дереку снова захотелось заорать. Черт! Только не это! «Борис Годунов»! Многочасовой ужас, от которого падают птицы, потому что им становится невыносимо скучно махать крыльями! Почему старый козел не слушал что-нибудь поприличнее из той же классики?

Яна тем временем вышла из комнаты. Из колонок справа и слева от встроенного в стену экрана полилась музыка, становясь все громче и громче. Когда Дерек

пришел к печальному выводу, что ошибся насчет цели мероприятия, а Яна просто тронулась от горя, она вернулась в комнату.

— Отлично. А теперь давайте сядем. — И она махнула рукой в сторону накрытого стола в противоположном конце гостиной.

Все послушно сели за стол. Выражение лица у Льюиса, кажется, было не менее идиотским, чем у Дерекса. Похоже, бедняга тоже не ожидал пытки «Годуновым». Яна строго осмотрела собравшихся, видимо, нашла зрелище удовлетворительным и вдруг тихо сказала совсем другим тоном:

— Наши друзья из службы безопасности не нашли ничего умнее, как засунуть камеру прямо в телевизор. Пусть послушают оперу, а мы пока поговорим. Правила простые: не повышать голос, даже если очень захочется, не размахивать руками и вообще изображать людей на идиотском мероприятии. Им нас не слышно, но прекрасно видно. Нужно, чтобы у них не возникло никаких подозрений и они не принялись считать речь по губам.

Дерек усилием воли закрыл приоткрывшийся рот. Если бы у Яны не было молодого человека, он бы прямо сейчас упал перед ней на колени, умоляя стать его женой. Не отходя от этого самого стола.

— Повестка дня простая, — продолжила она. — У меня есть одна довольно смелая и странная идея, как сделать так, чтобы Уильям Тернер, большая часть его совета и, возможно, вся Академия в ее нынешнем состоянии провалились в ад, где им самое место. Возможно, вы решите, что это полный бред, — тогда давайте попробуем придумать что-нибудь другое.

— С нетерпением, — кивнул Стивен. Дереку даже не захотелось шутить над серьезным лицом своего друга — невероятный, просто невероятный день.

— Яна, — вдруг сказал Дерек. Слова вырывались быстрее, чем он успевал обдумывать посетившую его мысль. — А ты ведь знакома с Тернером?

— Знакома. Более того, моя идея родилась именно из этого факта.

Дерек уставился на нее во все глаза:

— Мы думаем об одном и том же? Ты знакома с ним достаточно хорошо, чтобы все получилось?

— Ну, я бы не назвала это словом «хорошо». Мы не лучшие друзья, как ты понимаешь. Но я с детства его знаю. Он часто кормил меня мороженым, когда я была маленькой, а он работал советником Дейла. Я думаю, что у меня может получиться с ним занятный разговор, который будет интересно послушать

всему миру. В конце концов, недавно погиб мой отец, бывший его ближайшим сторонником много лет. А я все эти годы никогда не писала в открытом доступе, что думаю обо всех них, и Тернер, скорее всего, уверен, что я «своя».

Теперь кивнул Дерек — очень серьезно и очень удовлетворенно.

— А можно для тупых: о чем речь? — вмешался Амир.

— Да, извини, хотя не могу согласиться с такой характеристикой. — Яна откашлялась. — Стоило бы рассказать сразу. Я хочу попросить Тернера о встрече. Сказать, что шокирована смертью отца и мне нужна его помощь. На встрече рассказать, как отец отдавал долгие годы во благо Академии, а теперь его убили, по подозрительному совпадению сразу после того, как он изменил свое мнение. И записать ответ этого урода.

— Это очень интересно, — сказал Амир.

— Действительно, — горячо подхватил Дерек. — Давно вы с ним виделись?

— Два с половиной месяца назад. Но буквально пару минут, только поздоровались и перекинулись парой общих слов, как дела и все такое.

— И он не сильно удивится, если ты попросишь о встрече?

— Я почти уверена, что удивится, но еще уверена и в том, что согласится, несмотря на удивление. Если хорошо подумать, что конкретно сказать и как просить о встрече, то обязательно согласится. Именно об этом я и думала. Основные проблемы возникают дальше. Встретиться с ним где-то, кроме его кабинета, вряд ли удастся даже мне. А как сделать эту запись внутри его кабинета, я не знаю. Поэтому мне нужны вы все.

— Давайте об этом подумаем, — оживился Стивен. — Телефон отберут за милую до Тернера, это ясно. А остальное? Микродиктофон какой-нибудь?

Дерек покачал головой.

— Дело не в том, удастся его спрятать или нет. А в том, что любой из известных мне носителей информации определится системой безопасности, будь он хоть невидимым. Ну, кроме ДНК.

— Записать речь Тернера на ДНК — это мощная мысль.

Повисла очередная пауза. Дереку казалось, что он слышит, как трещат от напряжения процессоры в черепушках собравшихся.

— Стойте, — сказал Игорь, и это были первые его слова за весь вечер. Похоже, этот парень говорит только по делу. — А зачем нам ее записывать?

Все повернулись к нему.

— Я серьезно. Зачем?

— Я не могу сказать, что нам нужно ее записать. — Дерек пожал плечами. — Нам нужно дать ее послушать всему миру. Если ты знаешь способ дать кому-то что-то послушать, не записывая, то это отличная новость.

— Тогда считай, что получил отличную новость, — так же спокойно продолжил Игорь. — Я знаю такой способ. — Он выдержал паузу. — И вы его тоже прекрасно знаете.

— Парень, прости, но я сейчас тебя съем, — не выдержал Дерек. — Ты не мог бы перейти от предисловия к основной части?

Игорь поспешно кивнул, как будто ему самому стало неловко за такое вступление.

— Радио.

Дерек посмотрел на Стивена. Стивен изучал Игоря разве что не открыв рот. Яна по очереди оглядела всех.

— Любительский радиосигнал на какой-нибудь сто лет никому не нужной частоте. Я не думаю, что они мониторят весь диапазон. Сотрудников там тысячи, конечно, но ведь так и с ума сойти можно. Надо отправить кого-нибудь к Тернеру с передатчиком, а еще кого-нибудь посадить на прием. Сразу записать то, что получится, на стороне принимающего и выложить в сеть на сотню разных ресурсов. Чтобы они уже не смогли так просто удалить и сделать вид, что ничего не было.

— Отлично, — тихо проговорил Стивен. — Только отправлять придется не кого-нибудь, как ты сказал, а Яну.

— Я отправлюсь, — с готовностью подтвердила она. — Я же с этого и начала. Это не проблема.

Стивен кивнул, не глядя на нее.

— Насчет тебя я ни секунды не сомневаюсь, мне просто важно убедиться, что Игорь понимает, о чем говорит. Одно дело отправить «кого-нибудь», как он выразился, и совсем другое — тебя. Это довольно опасно.

Дерек впился взглядом в лицо Игоря. В паре должно быть равновесие, и, если Яна ставит что-то выше своего личного комфорта и безопасности, Игорь из чувства противоречия должен немедленно начать ей в этом мешать. Сейчас он быстренько сделает вид, что рассуждал чисто теоретически, и заблеет, что это небезопасно и он не хотел бы отпускать Яну на столь рискованное мероприятие. А если справится с собой и не заблеет, то лицо у него должно быть такое, будто он жрет лимон без соли и текилы.

Но ничего этого не произошло. Игорь совершенно спокойно, хоть и задумчиво, изучал Стивена, и ничего не менялось в его лице.

— Я понимаю, — сказал Игорь, и Дерек увидел, что он не врет, а правда понимает. — Мы с Яной уже это обсудили.

Невероятно. За всю жизнь — а ему все-таки за сорок, это не так много, но кое-что он уже повидал, — Дерек не встречал ничего подобного. Красавица дочка советника собирается идти на встречу к Тернеру с радиопередатчиком, как в каком-нибудь дичайшем старом фильме про шпионов, а ее мужчина, вместо того чтобы упереться рогами в стену, но вернуть ее в стойло, говорит, что ничего не имеет против. Причем по лицу ведь видно, что он не идиот и осознает, какой это риск. Видно, как он за нее боится. И все равно готов. Кто эти люди? Откуда они тут взялись? И главное, где они были раньше?!

— А мы сможем сделать все сами? — Дерек тряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение. — Ко всему этому нужно привлекать как можно меньше людей. Вы понимаете.

— Сможем. Я могу за это взяться. — Игорь подставил стопку Амиру, который открыл бутылку, не отвлекая остальных от обсуждения. — Другое дело, что это не главное. Главное — придумать, под каким предлогом с ним встретиться и как построить разговор, чтобы было что передавать. Тернер ведь тоже не идиот, как и Бланш. Вряд ли он всем знакомым с порога сообщает всякие шокирующие факты.

— Определенно, — кивнул Дерек. — Но в этом у нас Стивен профессионал. В том, как развести человека на откровенный разговор про себя любимого. Правда, Стивен?

Он не выдержал и засмеялся, Льюис проворчал что-то вроде «на себя посмотри» и тоже засмеялся.

— Я, конечно, извиняюсь, — вмешалась Яна, — но давайте вернем серьезные лица.

— Да, конечно. — Дерек попытался вспомнить о чем-нибудь ужасном, чтобы прошло веселье, и ужасное тут же вспомнилось: с этим не было проблем. — Прощу прощения. Я чуть не забыл, что мы на поминках. Давайте выпьем, что ли?

Все покивали.

— И еще, — сказал Игорь. — Нужно обязательно подумать, как свести риск к минимуму. Не только для Яны, для всех вас.

— Для всех нас, — поправил Стивен.

Игорь махнул рукой.

— Мне ничего не угрожает.

— Ты серьезно, что ли? — Дерек удивленно посмотрел на него. Парень то ли глупее, чем кажется, то ли хочет выглядеть крутым, как вареное яйцо. — Того факта, что ты сейчас разговариваешь со мной, Магди и Льюисом, уже достаточно, чтобы угрожало.

— Хорошо. — Игорь, кажется, считал иначе, но решил не тратить время на спор. — Для всех нас. Я говорю это не потому, что боюсь. А потому, что будет очень глупо и обидно не довести дело до конца только потому, что мы не боялись.

— Звучит чертовски разумно, — кивнул Дерек. — Предлагаю оставить это Амиру. Он общается с Бланш и лучше всех знает, как не спалиться.

— Я думаю, мне придется консультироваться с вами. Но в общем и целом я не возражаю, — согласился Магди.

— Итак. — Дерек пафосно скрестил руки на груди. — У нас есть исполнитель, есть ответственный за технику, есть специалист по безопасности и психолог, который разработает общую концепцию. Осталось занять меня.

Он почувствовал, как лицо начинает расплываться в улыбке, но вовремя вспомнил про поминки и велел себе подумать о той девочке с собакой. Сработало.

— Вот это как раз не проблема, — сказал Стивен. — Ты у нас самый знаменитый. Полпланеты знает тебя в лицо. Твоей задачей будет донести получившуюся запись до как можно большего количества людей. Как — думай сам. Как-то же ты доносишь до них остальные свои записи.

Стивену тоже с трудом давалось серьезное выражение лица.

— А вот зря ты стебешься. То есть ты правильно стебешься, конечно: не постебался над товарищем — день прожит напрасно. Но я ведь правда сделаю так, что это услышит миллиард человек.

— Миллиарда мало. Давай триллион. Триллиард!

— Триллиарда не существует. — Зачем-то серьезно сообщил Игорь.

— Я знаю. — Не менее серьезно ответил Стивен. — Но без иронии спасибо за заботу.

— Ладно. — Дерек снова сосредоточился. — Если я правильно понимаю, у нашей сборной команды дятлов-революционеров подобранся идеальный состав. Все при деле. Никто, так сказать, не ушел не обиженным.

— Я, правда, совсем не уверена, что у нас все получится, — задумчиво проговорила Яна, которой перехотелось смеяться. — Но попробовать стоит.

— Каждый подумает над своей частью. Я вот, например, в упор не пойму, как Игорь собирается сделать передатчик, который не заметят наши друзья из гестапо. Но, раз он говорит, что сможет, значит, сможет.

Игорь быстро кивнул.

— Я тоже подумаю, — поддержала Яна. — Что сказать сначала, чтобы он согласился встретиться, и как строить разговор, чтобы он не отделался общими фразами.

— Задача нелегкая. — Дерек невесело засмеялся. — Мужайся, Яна. Отдываться общими фразами — его профессия.

— Остался еще один важный вопрос, — негромко, но твердо сказал Игорь. — Как и где мы соберемся в следующий раз? Сейчас у нас есть повод. И наши друзья из гестапо, как выразился Дерек, вполне могли ничего не заподозрить.

— Могли, кстати, и заподозрить, — вставил Амир. — Уж что-что, а делать свою работу там умеют.

— Все-таки вряд ли. Наверняка им довольно быстро надоело приобщаться к сокровищам мировой культуры, и они перестали обращать на нас внимание.

— Не завидую им. «Борис Годунов» в классической версии — пытка даже для меня.

— Почему «даже» для тебя, Дерек? — ехидно поинтересовался Стивен. — Давно ты стал любителем классической музыки?

— Вообще-то да! И стоило бы в очередной раз бросить тебя в бассейн за этот вопрос! Яна, у тебя есть бассейн?

— К сожалению, нет. Но я готова им обзавестись ради того, чтобы увидеть эту сцену.

— Вернемся к нашей печальной истории, — призвал Амир. — Если вы не возражаете. Игорь поднял очень важный вопрос: что нам выдумать, чтобы собраться еще раз. И чтобы это не привлекло лишнего внимания. Проворачивать операцию намного легче, если на нас не направлены слишком пристальные взгляды.

— У меня плохие новости, парень, — сказал Дерек. — На тебя всегда направлены пристальные взгляды. Двадцать четыре дробь триста шестьдесят пять.

— Я бы тебе кое-что на это ответил, но мы должны делать серьезные лица.

— Это, кстати, большая проблема. Если в следующий раз формальный повод для встречи будет более веселым, станет намного легче.

— Конечно, для тебя это проблема, — по-отечески кивнул Стивен, и Яна удивленно и даже как-то восхищенно посмотрела на него: она много лет знала и любила этого человека, но никогда не слышала, чтобы он так разговаривал. — Ты продолжаешь ходить в начальную школу в футболке с медведем, и там тебе ставят двойки за поведение, потому что ты все время ржешь, шумишь и дерешься. Серьезное лицо не для тебя.

— И пристаю к девочкам. Ты забыл добавить.

— В начальной школе? Ты уже в начальной школе приставал к девочкам?

— А ты сомневаешься?

— Конечно нет, ты что. Как можно! Ты же суперзвезда! — Стивен изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться. — Давайте выпьем, — сдавленно проговорил он. — Прости меня, Яна, не подумай, пожалуйста, что мы так себя ведем, потому что не сочувствуем тебе насчет отца. Мы очень волнуемся за успех идеи, поэтому веселье получается почти истерическим. А еще мы старые дураки.

— Особенно я, — с готовностью подтвердил Дерек. — Не самый старый, но самый главный идиот.

Игорь с непроницаемым лицом — и как ему удастся, черт? — разлил бутафорскую водку.

— А если без шуток, я хочу выпить за Ярослава, — сказал Стивен, и его мокрые от сдерживаемого смеха глаза посерьезнели. — Это был удивительный человек. И я говорю совершенно искренне. Это может показаться странным, вы все знаете нашу непростую историю общения. Но я действительно так считаю.

Все внимательно слушали Стивена, и на лицах не осталось веселья. Яна всегда знала этот его талант. Он мог прийти в раздевалку к футбольной команде, которая ругается после проигранного матча, или в бар, где не первый час празднует день рождения шумная компания, начать очень тихо говорить — и через секунду все затыкались, поворачивались к нему и слушали с такими лицами, словно он на их глазах только что воскрес из мертвых.

— Не обязательно знать Ярослава, чтобы прекрасно к нему относиться, — продолжал Льюис. — Посмотрите на его дочку.

Все повернулись к Яне.

— Стивен, не надо. Давай опустим эту часть, — тихо попросила она.

— Не опустим, — возразил он. — Прости, Яна, но иначе никак.

Все как по команде закивали.

— Ты уникальный человек. Кроме того, что ты уникальный человек, ты еще собрала нас всех сегодня здесь. И, сдается мне, то, о чем мы мечтали много лет, если и не станет реальностью в том смысле, что все получится, то хотя бы перейдет из стадии разговоров для самоуспокоения в реальные дела. Я не представляю, кто еще мог это сделать. Ведь мы все далеко не мальчики и ломаем над всем этим головы из года в год. И ничего. Головы ломаются, а все остается по-прежнему. А теперь мне почему-то кажется, что не останется. За Ярослава стоит выпить хотя бы поэтому. Потому, что он воспитал Яну. Это величайшее достижение.

Но это еще не все. Ярослав совершенно потряс меня сам по себе. Когда человек, всю жизнь делающий все для Тернера и его политики, являющийся частью этой политики, вдруг приходит к тебе в гости, хотя всегда терпеть тебя не мог и не особенно это скрывал, и спрашивает, что ты обо всем этом думаешь, это удивляет. А когда потом он не отмахивается от ответа, а внимательно его выслушивает, это не то что удивляет — потрясает. Ярослав смог открыть глаза. Люди годами делают все, чтобы их не открывать, готовы на любые жертвы, чтобы не видеть, не слышать, не думать и не знать, приводят сто тысяч

аргументов, находят тонну доказательств, хотя на самом деле их совершенно не волнуют эти аргументы и доказательства. Их волнует только одно — не расстраиваться. Любой ценой оставить самого себя в покое.

А когда речь идет о человеке, которому не двадцать и не тридцать лет, все это умножается на два. И вот ко мне приходит немолодой уже человек, который всю жизнь жил в воображаемом справедливом мире, где проблемы бывают только у идиотов и отбросов общества. И говорит, что он не идиот и не отброс общества, но у него проблемы и вся его картина мира с треском рвется. И он не знает, как жить дальше, и просит рассказать, что я об этом думаю.

И я рассказываю, нисколько не стараясь выбирать выражения. Ко мне все-таки пришел мой давний противник — я хотел сказать, мой давний враг, но это слишком сильное слово. И я рассказываю, а он не возражает, не прячется под кровать, не нервничает, а внимательно слушает. И не просто слушает, а слышит. Я понимаю, что моя речь как-то сумбурно и странно звучит, но в тот момент я понял, что это один из самых удивительных людей, которых я видел в своей жизни.

Стивен замолчал. Несколько секунд длилась пауза, а потом все, не сговариваясь, без малейшей иронии заплодировали.

— Спасибо, Стивен, — сказал Игорь.

Все выпили не чокаясь, Яна поставила стопку на стол, подошла к Льюису и молча обняла его. Стивен обнял ее в ответ, бережно похлопал по спине между лопаток.

— Ты прав на тысячу процентов, — согласился Амир. — Но давайте все-таки решим, где и под каким предлогом мы соберемся в следующий раз. В конце концов, одним из лучших подарков и Яне, и Ярославу станет реализация нашего плана.

— У меня день рождения через три недели, — объявил Дерек. — На нем будет много народу, наверняка будет, даже если я не стану никого приглашать. Так всегда — что бы я ни делал в день рождения, вокруг собираются какие-то люди, пьют и веселятся. Хоть вешайся из чувства противоречия.

Стивен невесело усмехнулся.

— Но почему бы мне не добавить к этим людям всех вас? — продолжал Дерек. — Я был бы рад всех вас видеть на дне рождения даже просто так. К тому же это очень удобно: будет шумно,людно, все будут бегать, врубят музю так, что маленькие друзья замучаются слушать.

— Отлично, — с готовностью кивнул Стивен. — Это идеальная возможность. Дерек просто устроит вечеринку в своем обычном стиле, а туда придем все мы. Причем нам даже не обязательно отходить в сторону от остальных гостей надолго. Мы сможем поговорить по двое, по трое, обсудить нюансы между собой, а потом собраться вместе минут на двадцать-тридцать и договориться окончательно. И ни одному параноику, даже такому безнадежному, как Бланш, не придет в голову, что в наших действиях есть какой-то другой смысл, кроме желания выпить за этого чувака. Мне все сильнее кажется, что что-то из всего этого должно выйти.

— Мне тоже. Но давай не будем говорить громких слов раньше времени, — строго сказал Дерек.

— Уж кто бы упрекал меня громкими словами.

— Мне можно.

— Конечно, ты же суперзвезда.

— Твою мать.

— Твою!

— У нас снова началось. — Дерек засмеялся. — Яна, сделай с нами что-нибудь.

— Не могу. — Яна тоже улыбнулась. — У меня ведь пока нет бассейна.

— Это недоработка.

— Я понимаю. Постараюсь как можно скорее обзавестись.

— Договорились. Ну что, мы закончили?

Все покивали.

Дерек обвел компанию взглядом.

— И это не шутка? Вы все понимаете, что мы решили делать, и, находясь в здравом уме и твердой памяти, согласны на это? Никто не начнет съезжать с темы в самый ответственный момент?

— А как ты думаешь? — спросила Яна, и в ее голосе он услышал хорошо контролируемое раздражение. — В мире происходит кромешный ужас, моего отца убили, и я устроила поминки, чтобы в шутку обсудить план нейтрализации тех, кто во всем этом виноват?

Ему стало чудовищно неудобно.

— Ты права. Прости. Я идиот. Я часто говорю ерунду, не подумав. Льюис подтвердит.

— Подтверждаю. Он не хотел тебя обидеть. Просто для нас это непривычно — встречать в людях готовность серьезно действовать и рисковать, а не только пить виски и рассуждать, как все неисправимо плохо.

— Я понимаю, — уже совсем спокойно ответила она. — Все в порядке.

— Спасибо, Яна, — искренне сказал Дерек, в очередной раз отмахиваясь от мысли, что ради такой девушки можно было бы пробежать двадцать миль по потолку в водолажном костюме. — Я никогда в жизни не видел таких людей, как ты. Но хочу видеть их как можно чаще.

И Яна махнула рукой и опустила глаза.

Глава шестая

Лос-Анджелес, Калифорния, май 18, 2080

Игорь не соврал — он действительно смог сделать передатчик размером с наперсток и засунуть его в Янину сережку. Конечно, в самую крупную сережку из имеющихся, — и все же это было потрясающе. Не в лаборатории, а сидя дома, практически из подручных материалов. Двое суток к нему было опасно подходить, потому что он что-то паял, жег, собирал и разбираал назад, зло ругался себе под нос, — Яна даже боялась спрашивать, что именно происходит, таким занятым он выглядел. А потом все получилось. Не зря преподаватели говорили, что он гений. Яна примерила сережку, сказала, что она даже почти не потяжелела, и главное теперь — организовать этому передатчику достойный материал для передачи.

Хотя еще не были разработаны детали плана и не назначена дата, она очень волновалась. И совершенно не из-за того, что с ней может что-то случиться. Она прекрасно понимала, что может, но эта перспектива не значила для нее почти ничего. Она по-прежнему любила Игоря, и мысль, что, сложись все иначе, они бы просто жили счастливо, как тысячи семей, отзывалась у нее в груди какой-то противной ноющей болью. Но эта перспектива растаяла не потому, что ей так уж сильно хотелось воевать против Академии и лично президента Тернера. Да, очень жаль, что они занимаются конструированием устройств для последующего их использования в противозаконных целях, а не покупают дом, не заводят кошку и не выбирают наряды для свадьбы.

Но это не Яна отняла у них возможность просто спокойно жить, ни во что не ввязываясь. Это Бланш отняла у нее эту возможность. Это Тернер ее отнял. Как отняла у Игоря возможность расти нормальным подростком его мачеха. Как отняла у Ярослава возможность жить как прежде она сама, когда пожелала ему гореть в аду и сказала, что не боится скорой смерти.

Главная подлость, как оказалось, состояла не в том, что у тебя что-то не получается, вокруг несправедливость и мир не такой, каким ты хотел бы его видеть. Главная подлость — все разговоры про возможность осознанного выбора оказались сказками для детей. Рано или поздно тебя, такого умного, осознанного и делающего выбор, просто забывали спросить, и вся твоя жизнь переворачивалась с ног на голову, а перед глазами начинали плясать веселенькие красные пятна. И тогда вдруг оказывалось, что если ты все еще ты, а не кучка отходов пищеварительной системы какого-нибудь несимпатичного животного, то никакого выбора нет. Остается только поскрипеть зубами, пострадать об утраченном покое, взять себя в руки, нахмуриться и пойти в заданную сторону со словами «вы у меня еще пожалеете, что родились на свет».

За пару дней до дня рождения позвонил Дерек, шутил в своей обычной манере, пригласил на вечеринку. Яна сделала вид, что впервые слышит об этом, обрадовалась, потом осторожно уточнила, кто еще придет и какая планируется программа. Дерек смеялся в ответ на все вопросы, сказал, что одеваться надо практично, потому что наверняка придется ползать по кустам, доставая оттуда тех, кто нечаянно прилег и уснул. Яна слишком хорошо воспитанная девушка, чтобы самой оказаться на их месте, так что пусть будет готова работать спасателем. Еще сказал, чтобы брала с собой и Игоря, потому что два малопьющих человека, готовых в случае чего помешать устроить прямо во дворе дома фейерверк, плавно переходящий в пожар, намного лучше, чем один.

Когда они попрощались, Яна передала Игорю приглашение, они не поленились повторить спектакль: он осторожно интересовался, что там будет и не почувствует ли он себя полным идиотом, явившись на день рождения к всемирно известному рок-музыканту, которого видел от силы пару раз в жизни.

Не иметь возможности в собственном доме говорить, что думаешь, было тяжело и непривычно, но они держались. План решительного прыжка на президента Академии — не шутка. Приходилось двадцать четыре часа в сутки контролировать каждое свое слово, каждый жест.

Восемнадцатого мая, в субботу, на которую было назначено мероприятие — сам день рождения в четверг, но мало кто готов так веселиться в четверг даже в

кругу рок-звезды, — они тщательно собрались и вызвали такси, чтобы ехать на железнодорожный вокзал. Дерек жил в Лос-Анджелесе (хоть и частенько ворчал на тему нелюбви к большим городам и голливудским звездам в очках на половину физиономии), а это шесть часов езды на поезде, пять машине или час на аэрометро, которого Яна боялась. В дороге ей позвонил Льюис:

— Привет, дорогая.

— Привет. Давно тебя не слышала, как ты?

— Да без изменений. Сражаюсь с людоедами по мере скромных сил. — Стивен засмеялся. Его наверняка слушал отряд серьезных мужчин при галстуках, и отказать себе в удовольствии отпустить шпильку в адрес Академии было невозможно.

— В этом я не сомневаюсь!

— Мой небритый друг говорит, что позвал вас с Игорем на вечеринку в честь дня рождения. Это не дезинформация? — спросил Стивен. — Вы правда едете в притон под названием «Дом Гаррета»?

— Правда едем. И сдается мне, ты преувеличиваешь пороки именинника.

— Преувеличить пороки Гаррета— это нужно постараться! Шучу. Он у нас практически святой. — Льюис опять засмеялся, и в этом теплом смехе было слышно, как сильно он любит своего друга. — Приходится шутить, чтобы сбавить градус добра и света и не расплавиться.

— А ты тоже приедешь?

— Конечно. Куда я от него денусь? Разве что в космос улечу. Но в космос меня не пустят, я старый и в очках.

— Сегодня послушаешь, как Дерек в свои сорок два рассуждает про старость, и возьмешь свои слова назад.

— Это точно, понять насчет возраста мы все не дураки. А Игорь тоже едет?

— Ага. Ему немного не по себе, но едет.

— Я его понимаю. Мне тоже не по себе, если честно, а ведь я много лет хожу на его дни рождения. По-моему, пропустил только раз — был в командировке в Токио. Ладно, прекращаю болтать. Удачно вам добратся.

— И тебе. Буду очень рада тебя видеть.

— Взаимно. До встречи.

Дерек открыл дверь, радостный и уже, кажется, подвыпивший. Присмотревшись, Яна поняла, что это обманчивое впечатление — он просто очень хорошо изображал, что у него обычный день рождения, ничем не отличающийся от других. Они обнялись. Игорю Дерек сначала просто пожал руку, но, помедлив секунду, тоже прижал его к себе и хлопнул по спине. Из сада доносились оживленные голоса.

— Поздравляю. — Яна достала из сумки коробочку, перевязанную бантом. — Это тебе.

Дерек улыбнулся своей уникальной улыбкой — он умел улыбаться так, что на секунду верилось, что мир прекрасен, жизнь прекрасна и все хорошо, — и немедленно разорвал блестящую бумагу. Внутри нашлась картонная коробка. Он открыл ее, достал подарок.

— Это будильник в виде зеленой каучуковой лягушки, — пояснила Яна. — Мы подумали, что это единственное, чего тебе никогда не дарили.

— Охренеть!

— Ты инструкцию почитай. Он будет упрыгивать от тебя утром, чтобы ты не смог выключить его и завалиться спать дальше. Согласись, упрыгивающая лягушка — намного лучше, чем просто убегающий будильник.

Дерек засмеялся.

— Охренеть три раза! Ребята, спасибо! — Он снова по очереди обнял их. — Такого мне действительно никогда еще не дарили, и это реально круто! А теперь идем пить.

— Подожди. У нас для тебя есть еще кое-что.

Дерек картинно приподнял левую бровь: мол, чем вы можете меня удивить после зеленой лягушки, которая будет упрыгивать от меня по утрам?

— Это не на день рождения, а просто так. — Яна стала очень серьезной. — Если быть точной, это даже не тебе.

— Звучит интригующе.

— Вот. — Она протянула ему белый конверт без всяких надписей. — Держи.

— Можно посмотреть, что это?

— Конечно. Нужно.

— Дерек, где ты шляешься? — раздался из сада веселый мужской голос. — Мы сейчас все выпьем без тебя!

— Только попробуйте! — в тон ответил Дерек, заглядывая в конверт.

По мере прочтения написанного на листке лицо у него становилось все серьезнее, а зрачки все шире.

— Вы что, с ума сошли? — наконец спросил он. — Нет, даже не так: вы что, ебанулись?

— Наверное. — Яна пожала плечами. — Вообще-то мы давно такие, ты просто нас не знал.

— У меня нет слов. Вы уверены? Не хотите оставить себе хотя бы половину?

— На половину состояния отца можно купить половину Лос-Анджелеса вместе со всеми жителями. И что я буду с вами делать?

Дерек молча переводил взгляд с Яны на Игоря и обратно.

— А потратить их на что-нибудь действительно нужное через твой фонд намного легче, чем самим.

— И ты с ней согласен? — спросил Дерек у Игоря, хотя уже знал ответ. — Не хочешь предложить ей не пороть горячку?

— Не хочу.

— Потрясающе. Ребята, вы ненормальные. Вы чудесные, замечательные, лучшие, но вы ненормальные.

— Ну, если тебе правда интересно, у нас остается принадлежавшая ему недвижимость. Это не так много, как могло бы показаться, но все-таки это дом, в котором он жил, и еще один дом в Ницце. Скорее всего, мы продадим оба, потому что мне в них грустно. Но это приличная сумма. И потом, у нас есть свои деньги. Так что не вижу ни единой причины, по которой я не должна отдать все содержимое его банковского счета в твой фонд.

Дерек потер лоб рукой.

— На самом деле я бы поступил так же.

— Я знаю. И даже странно, что ты называешь нас ненормальными за то, что совершенно нормально для тебя самого.

— Так я же вкладываю в слово «ненормальный» только восхищение. Спасибо, ребята. Вы офигительно крутые. И я уже знаю, что смогу сделать с помощью вот этого. Что мы вместе сможем сделать.

Дерек потянулся к ней, чтобы обнять в третий раз, не выпуская конверта из рук, и Яне показалось, что в его глазах слезы.

— Сукин ты сын, ты там что, умер? — заорал тот же веселый голос, и она вдруг поняла, кому он принадлежит. Это гитарист «Обратной перспективы» по имени Мэттью, еще более отмороженный, чем Дерек, хотя иногда казалось, что сильнее некуда.

— Не дожدهшься! — крикнул в ответ именинник, а потом кивнул в сторону доносящего шума. — Идите к остальным, а я сейчас приду. Уберу это от греха подальше.

— Если что, я напишу еще раз. — Яна улыбнулась.

— Нет уж, я все-таки лучше спрячу. — Дерек заливисто рассмеялся и убежал на второй этаж по крутой лестнице.

— Давай дождемся его, — тихо предложил Игорь.

Яна кивнула — ей тоже было не по себе от мысли, что нужно идти к уже не вполне трезвым гостям рок-звезды, большую часть которых они не видели никогда в жизни.

Дерек вернулся почти бегом.

— А чего вы тут стоите?

— Хотели тебя дождаться. Чтобы ты нас со всеми познакомил.

— Да чего там знакомиться! — Дерек махнул рукой. — Открыли дверь ногой, сказали «чуваки, всем привет, что пьете?» — и дело в шляпе.

Они прошли через гостиную, заставленную какими-то невероятными растениями, из-за которых огромная комната походила на тропический лес, вышли на террасу.

Там всюду шло празднование. Волосатый парень копался в плейлисте, а вокруг него собралось человек десять, хором рассказывая ему, что хотят услышать; услышать хотели совершенно разное. Кто-то курил, валяясь на лежаке у бассейна, еще одна компания смешивала коктейли, сгрудившись над стоящим на террасе столом, — судя по комментариям, коктейли были с расчетом на то, чтобы вести в волшебный мир беспамятства прямой короткой дорогой. Дерек

приветствовали радостными воплями. Один из заведующих баром с размаху поставил на стол бутылку, кажется, рома, подошел к ним и протянул Игорю руку.

— Я Мэтт.

— Я знаю. — Игорь протянул руку в ответ, и коктейльная компания взорвалась смехом.

— Вот дерьмо! Так неинтересно!

— Игорь.

— Рад встрече! А тебя я вроде знаю. — Мэтт повернулся к Яне. — Ты дочка какого-то напыщенного хрена из Совета. Тут, кстати, двое оттуда, но они наши.

— Ты прав, я дочка напыщенного хрена из Совета. — Она спокойно кивнула. — Меня зовут Яна. Отец, кстати, погиб два месяца назад при весьма странных обстоятельствах.

Мэтт в ужасе перевел взгляд с Яны на Дерек.

— Прошу прощения. Мне очень неловко, правда.

— Ты сейчас в морду получишь, понял? И вот тогда станет неловко, — пообещал Дерек.

— Я не вкладывал в слово «хрен» никакого обидного смысла. Яна, извини. Мне очень жаль и все такое.

— Проехали. Приятно познакомиться.

— Правда? — Мэтт прищурился.

— Ага. Все говорят, что ты конченный отморозок, и я с первых секунд убедилась, что не врут.

— Пойдем, я налью вам выпить. А то чего это мы тут стоим, как в гостях?

— Я все-таки дам тебе в морду, — покачал головой Дерек, но он уже улыбался, и по улыбке было видно, что ничего такого он делать не станет. Ему слишком дорог этот татуированный с ног до головы балбес, с которым они вместе со школы.

— Давай. Давненько мы с тобой не выясняли, кто кого сильнее любит.

— Мальчики, не деритесь, — сказала Яна, тоже едва сдерживая смех. — У вас еще целый вечер для этого будет.

— И то верно. — Дерек ограничился тем, что толкнул друга локтем в бок. — Иди разливай бухло. Это единственное, что ты умеешь делать в этой жизни.

— Ага, и именно поэтому я играю в твоей сраной группе. Ты же специально подбирал тех, кто умеет только разливать бухло!

У Дерека зазвонил телефон, и он скрылся в доме.

Яна огляделась и увидела сидящего у бассейна Стивена. Они с Амиром спокойно разговаривали в стороне от всех. За Амиром издалека, почти из кустов возле забора, отделяющего участок от соседнего, наблюдали два явно скучающих человека. Личная охрана. Работе ребят не позавидуешь — совершенно случайно пришли на день рождения к рок-звезде, но не могут веселиться вместе со всеми. Стивен заметил Яну и Игоря и приветственно махнул рукой.

— Привет, дорогая. — Амир поднялся.

— Рады вас видеть, — добавил Стивен. — А то нам немного не по себе на этом празднике жизни.

Они по очереди поцеловали Яну в щеку и пожали руку Игорю.

— Как ты? — спросил Стивен, глядя на нее. — Получше?

— Да, спасибо.

— Молодец. Ладно, у нас тут очень скучный разговор про невеселые дела Совета, вы не обидитесь, если мы продолжим его вдвоем? Я думаю, успеем еще сегодня поболтать.

— Видишь, мы даже схему рисуем, так у нас все сложно. — Амир продемонстрировал страницу блокнота, целиком зачириканную какими-то рисунками и хаотично разбросанными надписями.

— Трудоголики. — Яна делано покачала головой. — На дне рождения друга и то не могут не говорить про работу! Нет проблем, мы пойдем дальше. Присоединяйтесь, как закончите.

Они пошли в сторону компании, в центре которой что-то вещал Дерек, и Яна вдруг с каким-то неожиданным изумлением поняла, что идет по дорожке, и теплый ветерок дует ей в лицо, и у них вечеринка в честь одного из лучших людей планеты, но она пришла сюда не для того, чтобы отдыхать. Только что она изображала, что верит, будто Амир и Стивен говорят про дела Совета. Они, конечно, круто замаскировались, но она знала, о чем на самом деле разговор.

Особенно неизгладимое впечатление на нее произвел блокнот. Эти двое настолько продвинутые, что пришли к следующей схеме, даже не обсудив ее вслух: они отходят от шумной компании в сторону, где становится легко слушать их через телефоны, даже если они никому не звонят; выключать телефоны — палево, а поговорить нужно; берут блокнот и мелким-мелким почерком пишут и рисуют в нем, что им нужно обсудить, а вслух при этом говорят совсем другое. Не зря эти двое из нескольких десятков самых умных людей в мире. У нее, например, съехала бы крыша при попытке параллельно переписываться и переговариваться на две совершенно разные темы. Хотя, может, и не съехала бы. Смогла же она придумать фокус с оперой на поминках, а потом пить поддельную водку и изображать, что произносит речь о покойном отце? Осторожность и изобретательность их компании не могла не восхищать.

Но сегодня, когда она шла по этой тропинке на этом празднике, ее вдруг взволновало другое. Кто им сказал, кто кого-то интересуют их разговоры на пьянке? Может, все они — просто выжившая из ума горстка параноиков? Что это за бред — жить, как под постоянным прицелом, взвешивать каждое слово, которое собираешься сказать своему любимому мужчине за утренним кофе? И главное, так ли она уверена, что все эти действия принесут хоть какой-то результат?

Вполне возможно, все закончится намного прозаичнее: они всей компанией уедут в специальное учреждение для тех, кому кажется, что за ними все время следят, и будут отдыхать там, пока не поправят свои шаткие нервные системы. А Уильям Тернер все так же будет президентом Академии — то есть, по сути, земного шара — и даже не узнает о том, что они собирались делать.

— Яна, — сказал Дерек над самым ее ухом. — Ты чего?

— Вспомнила последний день рождения отца. Мы тогда уже переехали из России, а он еще был жив. Не обращай внимания.

— Смотри мне, не впадай в депрессию. — Он заглянул ей в глаза, и в его взгляде читалось, что он прекрасно понял, о чем она задумалась на самом деле.

— Смотрю. Изо всех сил, можно сказать.

— Давай выпьем.

— Давай.

— Игорь, что ты пьешь?

— Предпочитаю водку. От всего остального мне может стать нехорошо.

— Ха! Тут всем от всего нехорошо, но это никого не останавливает. Ладно, сейчас поищем водку.

— Не парься. Я могу вообще не пить.

— Еще чего — явился ко мне на день рождения и не будешь пить. Сейчас я организую тебе бутылку, а сколько из нее выпить, решай сам.

— Все в порядке? — Игорь обнял Яну за талию.

— Да, все хорошо. — Она потянулась вверх и поцеловала его в щеку. — Не обращай внимания.

— Я не могу не обращать на тебя внимания. — Он погладил ее по волосам. — Ты знаешь.

Вернулся стремительный Дерек. Локтем он прижимал к телу запотевшую бутылку, в одной руке держал пустой стакан, а в другой бокал с чем-то истерически-синим, украшенный листиком мяты.

— Тебе не холодно вот так ее нести? — спросил Игорь.

— Где наша не пропадала!

Дерек жизнерадостно отмахнулся, снова стремительно исчез и вернулся через секунду со стаканом чего-то темного. Вероятно, это ром с колой. Он ведь не стал бы пить черный ром чистым из вот такого стакана? Хотя кто бы говорил. Многие люди при виде того, как Игорь наливает себе полный стакан водки, тоже думают, что такого не может быть. Он попытался вспомнить, когда в последний раз выпивал стакан, и пришел к выводу, что с Ярославом в Москве, перед тем как отвезти Яну в клинику. И этот стакан был растянут на несколько порций в течение дня.

— Давайте я скажу тост, — предложила Яна.

— Добровольцы — это круто, — одобрил Дерек, и все трое засмеялись.

— В общем, не знаю, могу ли назвать тебя словом «друг» — ты такой востребованный, что в друзья к тебе нужно в очереди стоять, — но даже если не могу, то назову. Дорогой друг! Я очень счастлива, что ты есть на свете. Твой день рождения — это праздник не только для тебя, но и для огромного количества других людей. Я думаю, вот в эту самую минуту в сотне разных мест незнакомые тебе люди поднимают бокалы и говорят что-то вроде «давай за Гаррета! пусть радует нас еще долго-долго». И я могу только присоединиться к ним. Радуй нас долго-долго. И спасибо твоим родителям за то, что ты у нас есть.

И бабушкам с дедушками. И всем, кто принимал участие, как говорится. — Яна сделала паузу, потому что смеялись не только Дерек с Игорем, но и еще дюжина человек, собравшихся к этому моменту вокруг них. — И главное — пусть все получится.

— Спасибо, Яна. Мне очень приятно слышать от тебя такие слова.

Раздались бурные аплодисменты и вопли одобрения, звон бокалов. Игорь поднес к губам стакан, сделал глоток.

— О, — сказал он. — Какая хорошая водка. Не хуже той, которую мы пили в нашу прошлую встречу.

— Рад, что угодил, — улыбнулся Дерек.

Стакан был наполнен ледяной водой.

Весь вечер они делали вид, что пьют и развлекаются, и получалось удивительно хорошо. Играть в эту игру было, кроме прочего, еще и весело. Их компания собиралась небольшими группами то там, тот тут и общалась на свою тему. Они писали записки на салфетках, вставляли под самые колонки, из которых орала музыка, они бросали телефоны на шезлонгах, а сами отходили к бассейну и там говорили очень тихо. Под конец вечера Яна сказала, что с тех пор, как Дерек у нее в гостях за что-то в шутку обещал бросить Стивена в бассейн, просто мечтает увидеть такую сцену, и Дерек, которому не нужно было предлагать дважды, бросил в бассейн сначала вяло сопротивляющегося Стивена, а потом активно сопротивляющегося Амира, который утверждал, что такие развлечения не для него. Игорь с Яной переглянулись, и пришел черед именинника.

Пока он ругался и отплевывался, Игорь бросил к ним Яну, не обращая внимания на ее крики, что они так не договаривались, и прыгнул сам. Те телефоны, которым не придет немедленный конец, уж точно не смогут ничего передать из-под воды. Их акция вызвала бурный восторг, все гости ободрительно закричали и захлопали, а потом присоединились. Через считанные минуты вскипел такой праздник, что, окажись тут сама Бланш, ей было бы трудно расслышать хоть что-нибудь, кроме визга и плеска.

— Всем все понятно? — спросил Амир, вытирая воду с лица и часто моргая. — Я надеюсь, что да, потому что не хотелось бы барахтаться тут долго.

— Я все поняла, — ответила Яна. — И, более того, я дома думала о том же, что предложил Стивен. Мне кажется, это единственный вариант, который может сработать.

— У меня вообще все просто. — Дерек потрянул головой, и Игоря обдало фонтаном брызг от его волос. — Через три недели фестиваль, на котором мы выступаем каждый год. Там собирается сотня тысяч человек минимум, иногда под двести. Куча народу снимает наши выступления и тут же выкладывает их в интернет. Качество звука отвратное, что меня невероятно бесит, когда речь идет о музыке, но слова разобрать можно прекрасно. Я уже говорил Стивену сегодня, что моя часть плана самая простая: нужно, чтобы мне прислали фрагмент записи, не очень длинный, максимум минут на десять-пятнадцать.

Я выйду на сцену и вместо музыки врублю его. Все это тут же, в течение нескольких минут, заполнит весь интернет. А учитывая, что люди будут не просто заливать видео, а снабжать его своими комментариями, и эти ролики станут смотреть те, кому обычно плевать на нашу музыку, через час обо всем будет знать полпланеты. И наши друзья задерутся это отовсюду удалять. То, что есть у такого количества людей и на таком количестве ресурсов, удалить невозможно. Оно будет распространяться снова и снова.

— Отлично. И время как раз есть. Он ведь может согласиться встретиться с Яной, но записать ее на какой-нибудь второй понедельник. А тут как раз достаточно времени, чтобы встреча состоялась до фестиваля, если он в принципе решит, что она нужна.

— Я тоже об этом подумал. Ну так что? Готов еще в чем-нибудь принять участие, если с моей задачей все ясно.

— Прими участие в успокоении своих гостей. — Амир отмахнулся от очередной порции брызг.

— Не приму. Пусть веселятся.

— Ладно. Насчет безопасности. — Магди снова стал серьезным. — Я, конечно, не могу задавать Бланш никаких прямых вопросов, вы понимаете. Но картина следующая: радиосигналы можно отследить, но понять, что именно передают, сразу нельзя, потребуется время, чтобы поймать волну и начать слушать. То есть они поймут, что из здания ведется трансляция, но пока разберутся, что это, пока настроятся... Да и обратить внимание на сам факт могут не сразу. То, на что нацелены системы безопасности, они палят за считанные секунды. Но прицельного внимания к радиоволнам нет. Соответственно, у нас будет время.

— Это здорово еще и потому, что записывать будет не Яна, — добавил Стивен. — Запись будет сразу вестись в относительно безопасном месте. Это намного лучше, чем писать на носитель, который был бы у нее с собой. В случае чего мы могли бы никогда не услышать, что же там произошло.

Повисла тяжелая пауза.

— «Случай чего», кстати, более чем реален. — Амир погрузился. — Я надеюсь, вы все понимаете, что, если Яна не успеет уйти до того, как они поймут, откуда исходит сигнал, к ней возникнет много вопросов?

— Понимаем, — ответила Яна за всех. — Но другого выхода нет.

— Мне кажется, пора заканчивать, — сказал Стивен. — Мы слишком долго тут плаваем с подозрительно серьезными лицами.

— Значит, решили. Хотя я и предпочел бы пойти туда вместо Яны, но разговаривать он станет только с ней, — подытожил Дерек. — Собрание объявляется закрытым. Домашнее задание Стивену и Яне: подумать, как сделать так, чтобы Тернер согласился на встречу в один из дней фестиваля. Наше выступление я подвину куда угодно, главное, чтобы он не предложил тебе встретиться на неделю раньше или позже. Мариновать где-то эту запись нереально, а выкладывать ее в сеть своими силами в сто раз менее эффективно, чем если это сделают посетители фестиваля. Конечно, если не получится, мы все равно что-нибудь придумаем, но это было бы идеально. И еще: все возникающие более мелкие вопросы можно решать, встречаясь не всем сразу, а по двое, максимум трое. У Стивена с Амиром всегда найдется повод для встречи, у Яны со Стивеном тоже, у меня практически с кем угодно из вас.

— Я обязательно сообщу, на какое число мы договоримся, — пообещала Яна. — Если, конечно, договоримся.

— Договоритесь. Будем верить в это. Не просто же так мы тут болтаемся, как морские котики.

Все засмеялись.

— Все, мои дорогие, хорошего понемножку. Давайте выползайте на сушу, как доисторические рыбы из мирового океана.

— Дерек, дашь мне какую-нибудь одежду? — спросила Яна.

— Еще чего! Ходи голая, пока твоя не высохнет! Все здесь очень обрадуются. Конечно, дам. И остальным могу что-нибудь поискать.

И они стали выбираться из бассейна, брызгаясь, ругаясь и смеясь.

Санта-Круз, Калифорния, май 19, 2080

Войдя в дом, Тревор прямиком прошел в спальню и, как был в костюме и галстуке, лег на постель лицом вниз. На этот раз полученное от Бланш задание не имело пометки «очень специальное», а значит, выдавалось не вразрез с интересами Академии, как это было в случае тайного спасения Джаспера Кэмерона. И, как и в прошлый раз, задание он выполнил четко: понаблюдал за ходом дня рождения знаменитого музыканта, на который, кроме обычного состава гостей, вдруг пригласили дочку покойного Ярослава Ярошенко с ее парнем. Тем самым, про которого ему однажды во время его командировки в Россию рассказывал коллега по имени Саша. Саша тогда боялся, что Ярослав узнает о выборе дочери и превратит ее жизнь в ад, а Тревор порекомендовал не сообщать Ярославу настоящей причины, по которой дочь пропустила звонок от отца. Саша послушался, и все было хорошо — до того момента, пока Яне не пришлось самой рассказать отцу о своем партнере. После этого действительно наступил ад — и, пытаясь выбраться из него и вытащить Яну, Ярослав вдруг начал вести себя совершенно неожиданно. Тревор не верил, что Ярослав преобразился полностью, — складывалось впечатление, что в душе он все так же считает, что люди делятся на несколько сортов, но не хочет больше расстраивать дочку и брать на себя ответственность за чье-то несчастье. Даже если за бортом Академии остались исключительно люди второго и третьего сорта, пусть живут как умеют. После того как его вмешательство столь очевидно сделало хуже вместо обратного и чуть не лишило его единственного ребенка, он просто боялся дышать в сторону какого-нибудь непопулярного решения, как они это называли. И Кэмерона Ярослав неожиданно для всех решил пригласить к себе не из глубокой симпатии к его личности и веры в правильность теории лицевой стороны, а чтобы порадовать Яну и Игоря — Игорь известный фанат и упертого ученого, и его теории.

И вот Яна осталась без отца, потому что в своей новой роли этот отец очевидно мешал Академии, и теперь хочет и отомстить, и показать всему миру истинную сущность организации, разбрасывающейся словами про работу над его же, мира, благополучием, а Тревору нужно пойти и доложить Бланш об их плане. И не только потому, что это его прямая рабочая обязанность, но и потому, что за живых жителей Аляски и лично Кэмерона он должен Бланш. После того как она поручила ему помочь Аляске и спасти Кэмерона и честно выполнила свою часть сделки, он не мог ее подвести. Но еще он не мог подвести Яну и Игоря.

Когда они перевелись в Калифорнию в январе, то стали частью его сферы ответственности, и теперь ему не нужно было договариваться со своей совестью, открывая личное дело Игоря, о котором он помнил еще из рассказа

Саши. Он немедленно его изучил — и испытал такой комплекс эмоций, что решил передать их группу своему коллеге. Он никогда не видел ни Яну, ни Игоря, но это было бы прямым конфликтом интересов, попадись они ему в каком-нибудь расследовании. Передавать не понадобилось — Бланш предложила ему повышение до своего заместителя, а на такой должности прямо ответственности за студентов уже не было. Но все равно он никогда не смог бы беспристрастно с ними разобраться. Не после того, что прочитал. И вот ему предстояло беспристрастно разобраться с ними по прямому поручению Бланш.

Тревор встал с постели, вяло отметив про себя, что не хотел бы этого делать больше никогда, и вообще впервые в жизни всерьез задумался о том, что лучшим выходом из ситуации будет самоубийство. Вариантов разрешить эту ситуацию так, чтобы не было противно всю оставшуюся жизнь видеть собственную отвратительную рожу в зеркале, не существовало: он методично просчитал их все и даже в духе старой школы нарисовал схему на листе бумаги. Бланш, которая не подвела его и дала возможность спасти Кэмерона и тысячи людей на Аляске. Яна и Игорь, которые прошли через ад и, выбравшись из него, сразу получили мертвого Ярослава и полную невозможность продолжать жить так, словно тот умер своей смертью.

Но, если он покончит с собой, Бланш даст это же поручение кому-то другому из его коллег, и их точно остановят. А если он скажет ей, что все в порядке и ее подозрения по поводу необычного состава гостей оказались напрасными, у них будет шанс довести свое дело до конца. Конечно, им могут помешать на любой другой стадии их плана. И, конечно, потом ему все равно придется покончить с собой, хотя бы косвенно — узнав, как он ее обманул, Бланш точно перестанет испытывать к нему теплые чувства, а значит, жить ему останется недолго, — но будет ли это важно?

Очень тяжело обманывать человека, который ни разу не обманул тебя, хотя с остальными делал это каждый день по нескольку раз. И все же он не может упустить этот шанс. Такая уж у него роль, видимо: быть конченным уебком во имя добра. Например, ломать ребра тихому ученому без сознания. Или обманывать женщину, которая была с тобой честна, хотя кто бы от нее этого ожидал.

Санта-Круз, Калифорния, май 30, 2080

Они пересекались еще несколько раз, но уже не полным составом, уточняли сроки, спорили, иногда почти ругались, но соглашались в главном: им придется сделать это, иначе они — не они, а какие-то совсем другие люди. И лучше

сделать это хорошо. Такую операцию можно повернуть только один раз — или один раз ее завалить. Второй попытки не будет. Яна почти перестала есть и спать — ей это всегда было трудно, когда она волновалась, а сейчас она не просто волновалась, а волновалась с большой буквы В, — но быстро поняла, что такими темпами скоро станет не до участия в операции. Она стала по расписанию заставлять себя жевать какие-то листья и по расписанию же укладываться спать, наевшись несильного снотворного. Игорь невесело шутил, что она не только просыпается по будильнику, но и ложится по нему. За десять дней до открытия фестиваля, на котором Дерек должен был выступить с суперхитом, она решила, что пора приступать к самой первой части — звонить Тернеру и просить встретиться. Она нарезала несколько кругов по квартире, поняла, что не сможет разговаривать спокойно, ляпнет что-нибудь не то, не запомнит, что ей отвечают, или еще что-нибудь в этом же духе. Тогда она позвонила Льюису.

— Хочу с тобой посоветоваться.

— Слушаю.

— Я немного волнуюсь из-за учебы — ну, из-за экзамена, который у меня через неделю, я тебе говорила. А если принять успокоительное, будет тяжело сосредоточиться.

— Дерек в таких случаях идет бегать, — сказал Стивен после секундного раздумья. — Ну, или напивается, что в твоей ситуации не вполне подходит.

Яна услышала в его голосе улыбку. Уже одно это успокаивало ее. Вместе с ней такие люди, как Льюис. Из-за одного этого стоило действовать, а не сидеть на стуле.

— А иногда сначала напивается, а потом просыпается утром и все равно идет бегать. — Она улыбнулась в ответ.

— Знаю эту его привычку. Убил бы, честное слово. В общем, советую тебе или поспать, или побегать. Если уж даже Дереку помогает!

Они хором засмеялись.

— Да, пожалуй. Хорошая идея.

Бегать Яна не любила и никогда не понимала таких людей, как Дерек, которые лучше не будут есть, чем пропустят пробежку. Но тут она подумала, что, помимо успокоения, которое принесет физическая усталость, в беге есть еще

один плюс — возможность научиться делать это быстрее. Ситуация может сложиться очень по-разному.

Она не спеша прогулялась до пляжа, где перешла сначала на быстрый шаг, потом на легкий бег, а потом ускорила так, как будто за ней уже бежит отряд бойцов Академии. Когда она почувствовала, что сейчас задохнется, то снова перешла на быстрый шаг, и так несколько раз. Временами ей казалось, что она вот-вот упадет и останется лежать на линии прибой, но вид океана почему-то придавал сил, и она отдыхала, а потом совершала новый бросок. Получилось все равно не так много, как у любителей этого дела вроде Гаррета, но к тому моменту, когда Яна вернулась домой, ее перестала волновать не только их затея, но и что бы то ни было другое.

Игоря не было дома, он в это время тоже занимался спортом. Яна сбросила кроссовки и мокрую от пота одежду, забралась в душ, пару минут постояла под прохладной водой. Голова была необыкновенно ясной, и в то же время все происходящее казалось каким-то далеким и малозначимым. Она улыбнулась, вспомнив, как Дерек отшучивался на очередной вопрос по поводу своего нетипичного для рок-звезды пристрастия: бег — лучший наркотик, так что с формулой «секс — наркотики — рок-н-ролл» у него все в порядке. Сегодня она начала понимать, что он имел в виду.

Яна надела пижаму; волнение начало потихоньку ворочаться где-то под ребрами, и она решила сыграть на опережение. Она вошла в гостиную, встала на стул и сняла с верхней полки шкафа, куда ей с ее ростом трудно было дотянуться, сверток из плотной темной бумаги. В свертке много интересных отцовских вещей, но сейчас ее волновали не они. Она осторожно достала завернутый в отдельный пакет телефон, бережно сложила все остальное, как было, и убрала назад. Разорвала пакет, присела на диван, вывалила содержимое на журнальный столик и быстро, как будто всю жизнь этим занималась, собрала телефон из частей. Включила. Ладони с каждой секундой становились все холоднее — первый признак, что она снова начинает ужасно, убийственно волноваться, — но голова по-прежнему была пустой и ясной.

Когда лежащий на столике телефон приветственно моргнул ей, она взяла его в руку, нашла тот самый номер — он записан у отца как «Билл», конечно, они же старые товарищи, — и поднесла телефон к уху. Рука стремительно превращалась в кусок льда. Яна велела себе успокоиться. Это всего лишь старый друг ее отца. Он кормил ее мороженым, а потом у нее заболело горло, и отец очень ворчал. Ей наплевать, что сейчас это самый главный человек в мире. Она звонит ему не поэтому. Что нужно, чтобы убедительно соврать? Очень просто — не врать. Нужно взять ложь, которую собираешься произнести,

рассмотреть ее со всех сторон, найти в ней то, что имеет какое-то отношение к действительности. Просто обстоятельства сложились так, что сейчас ложь выглядит так, а правда иначе. Сложись все по-другому, и они легко поменялись бы местами. Она действительно могла бы звонить ему как старому товарищу отца. Да и что значит «могла бы»? Она уже это делает. Что нужно, чтобы убедительно соврать? Нужно поверить, что говоришь правду.

И в тот момент, когда Яна уже чувствовала тепло майского дня, в разгар которого они с Биллом уплетали мороженое в ожидании Ярослава, он снял трубку. Она звонила на его собственный, личный номер, который во всем мире знали от силы человек двадцать: семья, родственники, некоторые члены Совета — не все, у Льюиса, например, этого номера не было, — Бланш, еще несколько самых приближенных сотрудников. По этому номеру он всегда отвечал сам.

— Слушаю, — удивленно и одновременно холодно сказал Тернер.

— Добрый вечер, Уильям, — потрясающе спокойно и буднично, словно они общаются каждый день, произнесла Яна. — Прошу прощения, что беспокою в нерабочее время. Это Яна Ярошенко, дочка Ярослава.

— Привет, Яна. — Ей показалось, что он испытал облегчение, когда она представилась, все-таки не каждый день людям звонят их мертвые товарищи. — Ничего страшного.

Она вслушалась в его голос, ставший таким спокойным и тягуче-приторным после того, как она заговорила, — все-таки ей не показалось, совсем не показалось, и в первую секунду у него задрожала рука, когда он увидел на дисплее имя человека, убитого с его собственного одобрения, — и ощутила, как глаза застилает красная пелена. Нет. Яна, нет. Рано. Это боевой товарищ отца. Это друг. Он свой. Сейчас он свой, и ты позвонила ему, потому что не знала, к кому еще обратиться.

— Тебе удобно разговаривать? Не хотелось бы отвлекать такого занятого человека от чего бы то ни было.

— Я тебя внимательно слушаю.

Она почувствовала в его голосе нотки, с которыми часто говорил Ярослав — не тот Ярослав, которого они убили, а тот, старый Ярослав, который был плотью от плоти Академии. И с которым Яна так не любила общаться.

— В общем, я даже не знаю, с чего начать. Я всю голову сломала, думая, кому лучше позвонить и спросить совета. Хотела Льюису, но ты же знаешь Льюиса. Он очень хороший человек, но такой... Ладно, это отступление.

— Я понимаю, о чем ты. — В его голосе послышалась довольная усмешка.

Сожрал? Молодец. Жри. Жри, сукин сын. Нет, Яна, стой. Еще рано. Рано, кому сказано.

Она бесшумно выдохнула.

— Еще мне всегда нравился Магди, но, говорят, он приятель Бланш, да и вообще... Я знаю, что отец с ним много общался в последнее время. Перед тем как... как все случилось. И я не знаю... я просто не знаю, что думать. Я понимаю, что все это звучит очень дико, как будто я сошла с ума. Но мой отец мертв. И мне всегда нравился Магди, но они стали общаться, и вот отца нет в живых.

Она с удивлением почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Кажется, ей удалось поверить в то, что она говорит.

— И мне очень неловко тебя беспокоить, но я...

— Ты правильно сделала, что позвонила мне, — вкрадчиво сказал Уильям. — Что-то случилось? Что-то еще, кроме смерти Ярослава? Царствие ему небесное.

Я покажу тебе такое царствие, что ты будешь проклинать день и час, когда родился на свет. Ты увидишь апостола Петра у ворот и райские яблочки, которых наелась идиотка Ева. И небо в алмазах. Какое это будет небо... Яна, хватит. Пожалуйста, прекрати. У тебя умер отец, и сейчас с тобой говорит единственный человек, которому он всегда доверял. А кому тебе доверять, кроме того, кому доверял твой отец? Пока он честно защищал интересы Академии, с ним все было в порядке. А потом зачем-то начал общаться со всеми этими странными людьми, и вот результат. Кому еще верить после этого? Кому, если не Уильяму?

— Да. Случилось. — Она проглотила слезы. — И продолжает случаться. Не знаю, что думать. Мне кажется, я схожу с ума. Мне нужно поговорить с кем-то обо всем этом.

— Ты можешь поговорить со мной.

— С кем-то, кто знал его, знал хорошо. И узнал до того, как все это началось.

— Я понимаю. — Тернер делано вздохнул. — Ярослав очень изменился в последнее время. А потом эта неожиданная смерть...

На секунду ей показалось, что она видит через телефон, как он укоризненно качает головой. Действительно, все это очень странно, старина Билл, не правда

ли? Он изменился. Стал общаться с кем попало. И вот эта неожиданная смерть! Так странно! Так неожиданно! Просто ужас, правда? А ведь был таким надежным человеком. За ним никогда не водилось ничего такого! Если вы понимаете, о чем я.

Яна выдержала паузу.

— Да, — тихо сказала она как можно более убитым голосом. Напрягаться особенно не пришлось. — Я так рада, что ты понимаешь. Я боюсь говорить об этом с остальными.

— Ты правильно делаешь, Яна. Это очень разумно с твоей стороны, — удовлетворенно заключил Уильям. — Я узнаю дочку Ярослава.

Нет, дорогой. Пока ты не можешь узнать дочку Ярослава, потому что не в курсе, какая она. Но скоро все изменится.

— Спасибо. — Она выдохнула с совершенно искренним облегчением. — Честно говоря, я думала, ты просто решишь, что я сошла с ума от потрясения, и не станешь тратить на меня время.

— Не могу предположить, по какой причине ты так думала. — Тернер обиделся в лучших чувствах, хотя его голос и звучал по-прежнему вкрадчиво. — Ты дочка одного из моих самых старых товарищей. Я всегда тебя выслушаю и помогу. Даже не сомневайся.

— У меня нет слов, как я тебе благодарна. Просто нет слов. — Она снова услышала в своем голосе подступающие слезы. — Уильям, я понимаю, что это наглость с моей стороны, но ты не мог бы уделить мне время? Я бы хотела пообщаться лично.

— Без проблем, Яна. Нужно понять, что у меня со временем, но я постараюсь найти его для тебя как можно скорее.

— Мне перезвонить?

— Да, позвони мне завтра с утра, около десяти. Я буду знать свое расписание на ближайшую неделю.

— Спасибо.

— Не за что. Все в порядке.

— Уильям? А можно позволить себе несколько странную просьбу?

— Слушаю. — В его голосе появилась настороженность.

«Я тебе всегда помогу». Ха-ха-ха.

— Я понимаю, это не очень нормально, уточнять такие вещи, и это, наверное, само собой разумеется, потому что мы знакомы с моего детства и я говорю напрямую с тобой, без посредников, но все же. Ты мог бы никому не говорить о нашем разговоре? — Она выдержала длинную тяжелую паузу, а потом добавила: — Если, конечно, еще не поздно.

— Телефон твоего отца давно не используется, а за этот свой номер я могу быть спокоен. — Он издал неприятный смешок. — И говорить я, конечно, никому не буду. Но даже если бы кто-нибудь узнал, то беспокоиться не о чем. Это те люди, которые не сделают ничего плохого, даже если узнают.

Ага. То есть Бланш и компания — это друзья, и он предлагает ей целиком и полностью им доверять. Неплохо. Можно даже сказать, хорошо. Отлично! Она снова долго молчала, собираясь придать голосу как можно более мрачную тихую истеричность.

— Я не буду с тобой спорить, ты лучше знаешь, о чем говоришь. Но я очень тебя прошу. Я уже ни в чем не уверена. И мне очень нужно, чтобы никто не знал.

— Не беспокойся.

— Спасибо, — прошептала она, и из ее левого глаза наконец сорвалась слеза. Так держать! Больше надрыва и драмы! — Спасибо тебе.

— Не за что, Яна. Все хорошо.

— Я позвоню завтра в десять.

— Конечно. Как договорились.

— Спасибо. Мне очень важно, что вокруг моего отца были и такие люди.

Слезы уже всюду текут по лицу, и самое замечательное, что это прекрасно слышно по голосу. Ярослав сошел с ума и запутался. А теперь и она барахтается в болоте из ненадежных людей, предательства и лжи. Но есть такие люди, как ты, Уильям, и это придает сил. Не только мерзкие Льюисы вились вокруг моего отца, но и ты светил ему во тьме. К сожалению, он сбился с пути и потерял ориентир. Жуткая, чудовищная трагедия.

— Понимаю. — Он еле слышно усмехнулся в трубку. — Спасибо за эти слова, Яна.

— Тебе спасибо.

— Не за что, даже не думай. До завтра.

— До завтра, — эхом откликнулась она и отключилась, не дожидаясь, пока это сделает он.

Сердце билось в горле, висках, кажется, даже в глазных яблоках.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, май 31, 2080

Проснулся в три часа ночи с ощущением, будто что-то случилось. Что-то очень глобальное. Решил, что это бред, попытался уснуть — не получилось.

Пришлось встать и пойти читать новости в надежде увидеть то, от чего меня так подбросило. Ничего не нашлось. Более того, судя по прочитанному, в мире царила какая-то, я бы сказал, подозрительная тишина. Все так гладко и спокойно, что даже странно. Спать по-прежнему не хотелось. Я пожрал сам, накормил Кварка, который, увидев, что я иду к холодильнику, тут же пришел требовать свою долю грозным «мяу!!», еще раз перечитал новости за последние двое суток. Ничего. Тишина, как в затонувшей подводной лодке. Вот почему с людьми случаются такие вещи? Не имею не только ответа на этот вопрос, но даже вариантов ответа.

Теперь вот десять утра, а я дико хочу спать. День коту под хвост. Правда, Кварк? Ты ощущаешь под хвостом какой-нибудь посторонний предмет? Если да, то знай, что это мой день.

Глава седьмая

Санта-Круз, Калифорния, май 31, 2080

На следующее утро она проснулась за два часа до будильника, подскочила в постели, увидела, что еще рано, попыталась снова уснуть, но только мучительно ворочалась с боку на бок. Минут через сорок бессмысленность такого времяпрепровождения стала очевидной, она села и свесила ноги с кровати. Игоря уже не было дома — в отличие от нее, он никогда теперь не пропускал занятия. Все тело ломило. Несколько секунд она не могла сообразить, отчего, потом вспомнила свои вчерашние упражнения. Через час ей предстоит снова звонить Тернеру, и этот звонок несколько не менее важен, чем предыдущий. Он должен назвать ей дату, время и место. А что, если он сможет

выделить ей время только через две недели? Или, наоборот, пригласит приехать сегодня же? Конечно, они все равно не бросят свою идею, но риск провалиться станет намного выше.

Она подумала, что, раз вчера все получилось удачно, нужно повторить программу — не столько из-за суеверий, сколько потому, что, судя по результату, она была в правильном настроении, — и влезла в кроссовки. Первые сто метров, которые Яна просто шла по улице, дались с большим трудом: с каждым шагом боль в теле становилась все сильнее. Но она делала шаг за шагом, еще один, и еще, все ускорялась и наконец перешла на бег. Боль тут же отпустила. К тому моменту, когда она уже не могла не только бежать, но даже идти, вместе с болью прошло вообще все. Как и вчера. Ее больше не волновал Тернер, не расстраивала смерть отца, и даже собственное учащенное дыхание она слышала откуда-то со стороны. Отлично.

Вчерашняя программа повторилась в точности: душ, пижама, мгновенное воссоздание отцовского телефона из запасных частей. Все это она проделала не задумываясь, и осознание происходящего пришло только с гудками в аппарате. А если он только подыграл ей вчера, а сам прекрасно все понял? И сейчас просто не возьмет трубку? А если Бланш намного умнее их всех вместе взятых и знает об их планах с того самого дня, когда они впервые заговорили об этом? А если сейчас вместо Уильяма ей ответит мягкий женский голос и скажет: «Ты правда думала, что можешь нас обмануть?» Она вздрогнула, и тут ей ответил Уильям.

— Привет, Яна. Как настроение?

— Привет. Без изменений, но спасибо, что спрашиваешь. Я не отвлекаю?

— Нет, все в порядке. — Он сделал паузу, и она почувствовала, что весь успокаивающий эффект от пробежки отправился в мусор — какое бы время он сейчас ни предложил, ей придется с готовностью соглашаться, потому что ее вчерашний тон не предполагал капризов. — Сможешь прийти ко мне в кабинет в следующую пятницу в пять часов после полудня? К сожалению, раньше никак не получится.

Несколько секунд она не могла поверить своим ушам. В следующую пятницу в пять. В пятницу! В пятницу в шесть вечера открывается фестиваль! С одной стороны, это не так идеально, как если бы он вдруг раздобрился и предложил выходные. Но пятница! Открытие фестиваля! Всего час, отделяющий начало их встречи от минуты, когда Дерек сможет выйти на сцену! Да, ему придется менять расписание выступлений. Но пятница! Чудеса бывают.

Пусть это невеселые чудеса, которые нужны только потому, что все уже очень плохо, но они случаются. Игорь как раз успеет вырезать самые замечательные куски, смонтирует их, отправит Дереку. Главное, чтобы Дерек поставил свое выступление не в конце фестиваля, как обычно, а в начале. Но в Дереке и его способностях она не сомневалась.

— Конечно. В любое время, которое бы ты назвал.

— Я понимаю. Но все-таки пятница подходит?

— Да. Конечно. Отлично подходит.

— Очень хорошо. Прийти лучше немного раньше. Есть некоторые формальности, без которых не обойтись. — Он засмеялся тихим неприятным смехом. — И я не в силах отменить их даже для тебя.

— Я понимаю. Разумеется.

— Тогда до встречи.

— Спасибо, Уильям. До встречи.

Она торопливо отключилась, словно он мог передумать, бросила телефон на диван в гостиной, а потом упала туда сама. Первый уровень пройден. Частично благодаря тому, какие они молодцы, частично — тому, что она правильно настроилась, но по большей части чудом. Настоящим, нешуточным чудом. Он сам назначил встречу на один из тех трех дней, когда это было для них удобнее всего.

Яна вдруг села. По спине пробежал мерзкий холодок. А вдруг ей не показалось сегодня, когда она слушала гудки в ожидании ответа? А если она не впала в паранойю, а просто трезво оценила возможности противника? И все так удачно складывается не случайно, а по сценарию Бланш? Она поднялась, пошла в кухню, заглянула в заварочный чайник. Вполне вероятно. Но даже если так, то что? Неужели что-то изменилось бы для нее, знай она, что встреча в пятницу — всего лишь часть ответного плана Академии? Ведь она все равно не смогла бы остаться дома. Следовательно, нет никакой разницы, играют они с ней или она с ними. Ее задача — сделать все возможное, чтобы победить. А противник пусть сам разбирается, что делает и зачем.

Яна тяжело опустилась на стул. Наверное, она перестаралась с тренировками. С непривычки в сочетании с жутким волнением они высосали из нее все силы, и теперь она сидела, глядя в стену, не в силах пошевелить хотя бы пальцем. Из

забытья ее вырвал звук ключа, поворачивающегося в замке. Игорь зашел в дом, негромко позвал ее.

— Я здесь, — совсем тихо ответила она.

Он прошел в кухню.

— Все в порядке? — Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Яна молча кивнула. Потом встала, вышла в гостиную, разобрала телефон и быстро спрятала в недра шкафа, за книги. Зрители должны поверить, что Игорь ничего не знает о ее звонках президенту. Когда она вернулась в кухню, он стоял к ней спиной у открытого холодильника и убирал в него какие-то свертки и коробки.

— Посмотри, что пишут. — Игорь кивнул в сторону стола, на котором лежал сегодняшний номер бумажной газеты, издаваемой для любителей вроде них. — По-моему, это чересчур.

Яна уставилась на первую полосу. Заголовок гласил что-то про запрет на лабораторные исследования, не согласованные со службой безопасности, но она с трудом продиралась сквозь буквы к смыслу. Черной ручкой между букв был нарисован крошечный вопросительный знак. Какая бы ни была у них камера, этого они увидеть не смогут.

Она взяла газету в руки, вдумчиво прочитала всю первую полосу — точнее, сделала вид.

— Да уж, — сказала она. — Это сильно.

Яна пролиставала газету до последней полосы, на некоторых страницах задерживая взгляд подольше. Отложила ее, подошла к Игорю, который уже переместился к раковине и увлеченно мыл какой-то незнакомый ей фрукт, прижалась щекой к его спине, обняла. Потом поднялась на носки, сделала вид, что целует его в шею, и тихо и торопливо прошептала ему на ухо:

— В пятницу в пять.

Игорь осторожно выскользнул из ее рук, повернулся к ней, внимательно рассмотрел, будто давно не видел, а потом обнял так крепко, как только мог. Их смелые и не всегда реалистичные фантазии стремительно воплощались в жизнь. И отступать, кажется, уже некуда.

Энн-Арбор, Мичиган, июнь 2, 2080

— Папа, — вкрадчиво сказала Эми, заглядывая в кухню, где отец читал газету за утренней чашкой чая — настоящую, бумажную газету, признак того, что человеку плевать на понятные окружающим признаки высокого социального статуса. — А можно я возьму твою машину, чтобы поехать на фестиваль?

— Это еще зачем? — уточнил отец, но по голосу уже было понятно, что не откажет.

Он всегда считал, что нужно быть строгим со своими детьми, и искренне старался поступать в соответствии с этим убеждением, но выходило у него не очень хорошо. Поэтому сейчас он обязательно повредничает для приличия, а потом согласится. У него все равно выходные, машина ему будет нужна не слишком сильно. А ей очень нужна. Правда, она не могла честно объяснить ему, зачем именно, и придумала версию, что на общественном транспорте не очень удобно добираться с инструментами, а денег на такси как раз сейчас совершенно случайно ни у кого из группы нет. Дело в том, что она сама толком не понимала, зачем ей машина.

— Доброе утро, кстати. — Она подошла к нему, звонко поцеловала в начинающуюся лысину надо лбом и уселась напротив, подперев подбородок кулаками.

— «Доброе утро» принято говорить перед тем, как что-нибудь попросишь.

— Я знаю. Извини.

Она расплылась в улыбке. Он мог сколько угодно ворчать, она все равно знала, что он любит ее. И еще знала, что у нее лучший отец в мире.

— Зачем тебе машина?

— Понимаешь, мы едем на фестиваль, у нас гора инструментов, проводов и всего такого.

— Там что, нет своих проводов?

Майкл смешно поднял бровь, и она едва удержалась, чтобы не прыснуть со смеха.

— Долго объяснять. Есть, но все равно нужны свои. Ты же знаешь, в любой момент может случиться какая-нибудь ерунда. Лучше подготовиться.

— Может, на случай ерунды возьмете с собой запасную сцену? Только, боюсь, моей машины для этого не хватит. Придется заказывать грузовик.

Эми рассмеялась.

— У нас нет запасной сцены. А провода есть. — Она скорчила рожу пятилетней девочки, выпрашивающей конфету, на которую у нее аллергия. — Ну па-а-ап. Можно я возьму твою машину? Можно? Ну правда же, можно?

— Рядовая Рэдфорд, ведите себя согласно уставу! — Ему было ужасно трудно удержаться и не разрешить ей немедленно все, чего бы она ни попросила, но он старался. — Не корчите физиономии и объясните нормально, в каких целях собираетесь использовать транспортное средство!

— Повезу заранее купленный центнер травы, конечно же.

— Отставить дурацкие шутки!

Она сделала вид, что надулась.

— У нас всех сейчас не очень хорошо с деньгами. А я не хочу ехать на автобусе. У меня же инструмент.

— Инструмент у сварщика, а у тебя баловство. — Он отхлебнул из чашки, покосился на нее, чтобы проверить, на самом деле она расстроилась или просто пытается поскорее добиться своего, и добавил уже мягче: — Ты можешь взять мою машину, но при одном условии.

Она просияла.

— Каким?

— Ты расскажешь мне, зачем она тебе нужна. Сто раз ты ездила на концерты и фестивали, и тебя никогда не смущала перспектива добираться без машины.

На этот раз она надулась по-настоящему.

— Ну пап.

— Что? Ты правда собралась везти траву, что ли, раз об этом нельзя сказать?

Она пожала плечами, глядя в пол.

— Эмили. Тебе двадцать три года, а ведешь ты себя так, как будто просто три, без двадцати.

Она снова пожала плечами.

— Я бы с удовольствием рассказала, но не могу.

— Это еще почему?

Кроме нескольких очень смешных выражений, которые часто повторял отец, от него все время было слышно «это еще зачем?» и «это еще почему?». Не «зачем?» и «почему?», а так вот строго, по-деловому. Пусть все знают, что с ними говорит не смешливый рыжий дяденька, а целый настоящий шериф округа. Это еще зачем? Ха! Не знаете, что ответить? Растерялись? А это еще почему?

Она вздохнула. Похоже, идея провалилась — он уперся и не собирается поддаваться ни на какие ее приемы.

— Потому что сама не знаю. Мне кажется, что мне будет нужна машина. На вопрос «почему» ответить не могу.

— Интересно, — задумчиво сказал Майкл после паузы и отложил в сторону газету, которую все это время держал в руках.

— Звонил Джон, сказал, что администрация фестиваля переносит наше выступление на полчаса вперед. И знаешь, из-за чего?

Отец внимательно ее слушал.

— После нас попросилась выступить «Обратная перспектива». И они кого-то там сдвинули на попозже, а нас на пораньше, чтоб освободить для них время.

Брови Майкла удивленно поползли вверх.

— Ты только вдумайся. Самая известная группа из всех приглашенных, хедлайнер фестиваля. Мировые звезды. Попросились выступить в день открытия, в пятницу, когда половина зрителей даже еще не приехала. Вторыми. За малоизвестной группой, которую первый раз пригласили на такое мероприятие, и она полным составом трясется от ужаса. Тебе не кажется это странным?

— Кажется. — Он кивнул. — Но я слышал, что этот твой Гаррет вообще со странностями.

— Как сказать. В каком-то смысле да: если зарабатывать кучу денег, но при этом не выбрасывать одежду, пока не порвется, а тратить все на то, чтобы кто-то, кого ты никогда не видел, не умер от голода, быстро получишь звание человека со странностями. С другой стороны, я не слышала, чтобы он когда-либо делал что-то подобное.

— Да уж, действительно странно. Я только не понимаю, при чем тут моя машина.

Эми нетерпеливо махнула рукой.

— Но это еще не все.

— Он сказал, что будет выступать в костюме панды?

Она засмеялась.

— Костюм панды удивил бы меня меньше, честно говоря. Джону сказали, что Гаррет хочет сделать всем сюрприз и они не будут ничего менять в афишах. Поэтому в программе фестиваля мы по-прежнему заявлены в половине седьмого, а выйти должны будем в шесть. Будем открывать программу. Понимаешь, мало того, что они будут играть в какое-то дурацкое время, так еще и не хотят заранее об этом рассказывать. — Эмили так воодушевилась, что подалась вперед и почти легла на стол. — Мы об этом узнали только потому, что нас это непосредственно касается. Представляешь, приедут их фанаты, а они уже отыграли! Вот это, я понимаю, сюрприз!

Отец задумчиво потер лоб рукой.

— В общем, фиг знает, что у него случилось, — сказала она уже спокойнее. — Может, он просто сошел с ума. Но если не сошел, то у всего этого есть какая-то причина.

Майкл кивнул. По лицу было видно, что, пока она говорила, ему пришли в голову невеселые мысли.

— И я бы хотела на всякий случай быть готовой ко всему.

— Твой Гаррет что-то задумал, — серьезно сказал он после длинной паузы. — И то, что он задумал, мне уже заранее не нравится.

Она пожала плечами. В отличие от отца, она очень любила Гаррета и несколько не сомневалась, что он не придумает ничего плохого.

— Я тебя понимаю. Но, может, ты все-таки дашь мне машину? Вряд ли она мне экстренно понадобится, но в крайнем случае я просто съезжу на фестиваль на машине.

— А мне вот кажется, что понадобится. Там начнется какая-нибудь заваруха, и ты быстро прыгнешь в нее и уедешь оттуда, чтобы ни в чем не участвовать. Хорошо?

Эми опустила глаза.

— Эмили? Ты уедешь оттуда, если обстановка станет беспокойной?

— Да.

— Посмотри на меня.

Она нехотя подняла глаза.

— Уедешь? Обещаешь?

— Папа, я могу пообещать это только в ответ на кое-какое обещание с твоей стороны.

— Ничего себе разговор с отцом. Мы вообще-то начали с того, что ты просила мою машину.

— Я бы и так попросила тебя это пообещать.

Он пристально посмотрел на нее.

— Нет. Эмили, ты же знаешь. Все, что угодно, но только не это. Помимо того что я твой отец, у меня есть обязанности перед обществом.

Несколько секунд она сидела, глядя в пол, а потом вскочила.

— Нет, не знаю. Не знаю! Каким еще обществом! Я попросила машину. Я вообще не хотела тебе рассказывать, что случилось и зачем я ее прошу! Ты уперся как баран, выпытал все, а теперь говоришь, что не можешь мне пообещать не использовать это в работе! Не буду я брать никакую машину, но только посмей что-нибудь кому-нибудь об этом сказать! Я никогда в жизни с тобой больше не буду разговаривать, если ты так сделаешь!

Она выскочила из кухни и побежала вверх по лестнице, на бегу вытирая слезы. Вот так всегда. Она очень любит своих родителей, доверяет им, скучает по ним, когда учится и живет отдельно. Но стоит только ей приехать дольше, чем на неделю, как сразу начинается вот такое. Они сначала разговаривают с ней нормально, и ей кажется, что они лучшие друзья и понимают ее, как никто другой, а потом она делится чем-нибудь важным, чем-нибудь настоящим, открывается им, а они говорят в ответ такую ерунду, что ничего не остается, кроме как выскочить из комнаты. И если обычно дело не заходило дальше простой обиды, что ее не поняли, хотя все указывало на то, что поймут, то в этот раз ее отец превзошел сам себя. Надо же! Она знает, что он не может пообещать не использовать ее слова против нее же! Против Гаррета, которого она любит с детства и портрет которого до сих пор висит у нее на двери! Вот это да. Вот это родительская любовь!

Эми забежала в комнату и что есть силы хлопнула дверью с портретом Гаррета. Идут они куда подальше! Завтра же она соберет вещи, на пару дней переедет к Джону, потом они вместе поедут на фестиваль, а потом она снимет квартиру и будет жить отдельно до осени, пока не начнется учеба. Потому что это уже слишком. Оставаться в этом доме после такого выше ее сил. Эми села на кровать. При мысли о том, чтобы провести с Джоном двое суток, ей стало неуловимо тоскливо. Вроде бы все в порядке, она его любит, и нет никаких причин, чтобы не провести с ним время даже без ссоры с отцом. И в то же время она с куда большим удовольствием играла бы с братом и копалась с мамой в саду.

И все-таки придется ехать к Джону. С отцом она теперь еще долго не заговорит. А если тот правда сделает что-нибудь, чтобы помешать Дереку, то «долго» вполне может превратиться в бесконечность. Она вздрогнула. Какая же она дурочка, уму непостижимо! Гаррет ведь нисколько, нисколько не похож на человека, который будет капризничать и сходить с ума просто от нечего делать. Скорее всего, у него есть серьезные причины так себя вести. И вряд ли он был бы счастлив, узнай он, что какая-то дурочка рассказала своему отцу-шерифу, что происходит. А если отец возьмет и помешает ему? Как она сможет себе это простить? Что бы ни придумал Дерек, она на сто, на тысячу процентов уверена, что это правильно. Эми не могла вспомнить ни единого случая, когда она была бы не согласна с каким-нибудь его поступком. Даже не зная, в чем дело, она готова поклясться: то, что он собирается сделать, хорошо.

Он заслужил такое отношение. Дерек воспитал ее. Он был третьим человеком после родителей, который повлиял на то, какая она есть. Это из-за него она играет в группе, и играет серьезно, уделяя занятиям не меньше двух часов в день, а иногда и все четыре. Это из-за него она бежит с учебы не домой, а в детскую больницу, чтобы помогать медсестрам. Это из-за него, наконец, она ушла из Академии, чем повергла в шок и истерику всех родственников, включая самых дальних.

Он, сам того не зная, сделал для нее больше многих из тех, с кем она была знакома лично. И чем она ответила ему на это? Тем, что поставила под удар его план — а у него совершенно точно есть план! — рассказав обо всем своему отцу? Она попыталась посмотреть на висящий на двери плакат, но поняла, что не может. Не может посмотреть в глаза даже его изображению, не говоря уже о нем самом. Наконец ей представится шанс это сделать, а она не сможет им воспользоваться.

Конечно, о том, что он переносит свое выступление, знала не одна она. Это знали десятки людей. Группа, которая должна была выступать после них, а ее

подвинули неизвестно куда. Организаторы фестиваля. Наверняка информация об этом уже дошла до всех, кого она могла интересовать. И ее отец далеко не самый негативно настроенный по отношению к Гаррету человек из этого списка. Так что вряд ли именно ее дурость испортит его планы.

Другое дело, что сама она будет знать, что дико, чудовищно ошиблась, болтая языком о чем не надо. И это тоже очень обидно. Нет слов, насколько. Конечно, за Гарретом давно следят, и даже без ее трепа нашлось бы кому вмешаться. Но ей отчаянно хотелось, чтобы этим кем-то был не ее отец. Если один из главных людей в ее жизни начнет бороться с другим, это будет намного тяжелее лично для нее, чем если это сделают какие-нибудь неизвестные ей люди.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, отец осторожно заглянул в комнату.

— Дочка, можно к тебе?

— Смотря зачем, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно более спокойно и холодно.

Он воспринял это как разрешение войти и изнутри закрыл за собой дверь.

— Знаешь, я подумал, это ведь хорошо, когда дети доверяют родителям.

— Правда? Не может быть.

Майкл кивнул.

— И было бы неправильно подрывать твоё доверие.

Он подошел еще чуть-чуть ближе.

— Ты ведь говорила со мной как с отцом, а не как с шерифом.

— Ты такой наблюдательный!

— И я обещаю тебе, что не буду ничего предпринимать. Не хочу, чтобы ты перестала рассказывать мне о том, что тебя волнует.

Она молча слушала. Он подошел совсем близко и присел на кровать рядом с ней.

— Да и Гаррет твой, судя по всему, не самый ненормальный человек. Вряд ли он станет кидаться бомбами или еще что-нибудь в таком духе.

— Если и станет, то не на этом фестивале. — Она усмехнулась. — Но он не станет.

— Короче говоря, обещаю, что не буду вмешиваться, если дело не дойдет до совсем уж нехороших вещей. А если дойдет, то я вмешался бы и без твоего рассказа. — Он протянул ей руку в знак примирения. — Идет?

Она подумала несколько секунд, а потом пожала руку.

— Идет.

— И можешь взять мою машину.

Она с недоверием покосилась на него.

— Только обещай, что, если там станет опасно, ты сразу же оттуда уедешь.

Ей очень не хотелось этого обещать, но перед ней сидел отец, который и так сделал правильные выводы и огромный шаг навстречу, и она кивнула.

— Хорошо. Обещаю. Спасибо, папа.

— Договорились. И постарайся не очень трястись, когда увидишь его живьем.

Перед ней снова сидел тот отец, в котором она не чаяла души.

— Постараюсь, — пообещала она уже веселее.

— А то он увидит, что ты не можешь связать двух слов от ужаса, и не влюбится в тебя.

— Мне и не надо, чтобы он в меня влюблялся.

— Конечно, конечно. И плакат этот ты держишь на двери потому, что это не очень симпатичная дверь и очень симпатичный плакат.

И тут она не выдержала и ударила его подушкой.

Санта-Круз, Калифорния, июнь 7, 2080

Яна просыпается поздно, почти в двенадцать. В последние дни есть, спать и хоть как-нибудь расслабляться стало совсем тяжело, и словом «просыпается» ее пробуждение назвать трудно. Это выныривание из странного тяжелого полузабытья. Она механически одевается, идет по уже ставшему обычным маршруту до пляжа, бегают, возвращается. Она по-прежнему не понимала кайфа от бега, но без физических нагрузок начинала нервничать так, что не могла делать совсем ничего. Она заходит в ванную, бросает одежду на пол, смотрит в зеркало.

Как ни странно, выглядит она не совсем ужасно. Даже удивительно хорошо для человека, который уговаривает себя есть хотя бы два раза в день по чуть-чуть. Она похудела, у нее небольшие круги под глазами, но это даже хорошо. Было бы странно переживать из-за загадочной смерти отца и цвести при этом. Сейчас она как следует соберется, накрасится, попытается замазать круги и будет выглядеть идеально для сегодняшней встречи — приличная дочка советника, которая не может прийти в себя после трагедии, но очень старается не показывать этого окружающим.

После душа она идет в кухню, варит кофе, садится за стол и замечает на столе записку на салфетке. «Ты лучше всех, и я тебя люблю». Яна улыбается. В процессе придумывания и реализации их плана она в тысячный раз убедилась, что Игорь удивительный человек, каких больше нет. Интересно, как он сейчас. Наверное, волнуется даже сильнее, чем она. Хотя нет, сильнее, чем она, волноваться просто невозможно. Причем волнует ее совершенно не то, сумеет ли она выбраться живой и невредимой, а то, получится ли у нее разговорить Тернера нужным им образом. Волноваться о собственном благополучии можно будет после того, как Уильям скажет нужные слова. Вот тогда можно будет поставить галочку напротив главного дела своей жизни и думать о таких мелочах, как здоровье и свобода.

Она укладывает волосы, одевается в заранее приготовленное — простую белую рубашку, юбку чуть выше колена, туфли на небольшом каблучке, вдевает в уши сережки — одна самую малость тяжелее другой, но об этом можно забыть уже через минуту, — застегивает на руке часы. Главное — не забыть включить передатчик в нужный момент. Переться в кабинет Тернера, излучая радиосигнал, безумие. Хоть Амир и утверждает, что они не следят за УКВ-диапазоном, но рисковать, находясь в нем лишний час, явно не стоит. Значит, придется сделать вид, что от волнения теребишь сережку. Это, впрочем, будет несложно: волнуется она так, что готова не только теребить сережки, но и расчленять людей. Яна красится так тщательно, как не красилась еще никогда в жизни. Потом смотрит на свое отражение в полный рост. Все как надо. Так она себе и представляет ту девушку, которой он начнет говорить какую-нибудь нужную им ерунду. На минуту ей приходит в голову мысль, что у нее совершенно нет сил на автобус и нужно вызвать такси; потом она понимает, что, если Тернер настолько самоуверенный сукин сын, каким всегда ей казался, возможно, никто не предупрежден об их встрече. Когда она пройдет охрану, все, кому надо, тут же узнают о ее визите, но привлечь к себе внимание за час до этого было бы глупо. Яна, которая никогда не ездила в Академию на такси, вдруг едет туда на такси. Одно это заставило бы ее задуматься, будь она одним из сотрудников Бланш.

Она выходит из квартиры и медленно идет к остановке. Она знает в общем и целом, что будет говорить, но в зависимости от того, что будет отвечать Тернер, придется импровизировать. Только бы не упустить шанс. Пусть Бланш Бернар делает с ней что хочет, пусть убивает ее, пытается, сажает в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, пусть ест ее живьем без ножа и вилки, только бы сделать все, что нужно. Она бы никогда не сказала этого вслух, у нее есть Игорь, он самый удивительный человек на свете, и он очень расстроится, если услышит от нее что-то подобное, но по-настоящему ее сейчас волнует только одно: сможет ли она найти правильные слова. Сможет ли не упустить свой шанс, свой первый и последний шанс.

Яна медленно идет к остановке, и каждый шаг дается ей с таким трудом, словно она босиком наступает на битое стекло.

Чикаго, Иллинойс, июнь 7, 2080

Дерек закрывает лицо руками, трет глаза. Он стоит за кулисами главной сцены «Лоллапалузы»² и понимает, что так его не трясло ни разу, никогда. Даже когда он впервые приехал на этот фестиваль в качестве участника, будучи тощеньким студентом, и ему казалось, что реакция публики на их выступление — самое главное в жизни. Помогло бы накатить грамм сто пятьдесят какого-нибудь доброго напитка, но нельзя.

Все может сложиться совершенно непредсказуемо, и нужно быть в здравом уме и кристально ясном сознании, готовым в случае чего сесть за руль, или давать показания, или объясняться с врачами. Усугубляет состояние то, что нельзя ни с кем поделиться — Мэтт знает в общих чертах, что Дерек задумал какую-то фантастическую штуку, но не знает подробностей, а остальные двое не знают вообще ничего, кроме того, что у него есть таинственные причины играть в самом начале. Еще, конечно, жутко бесят молодые музыканты из какой-то начинающей группы, открывающей программу; название он сегодня слышал, но тут же забыл.

Они ходят мимо и время от времени поглядывают на него так, что хочется заорать «да, блядь, это я!», стукнуть кулаком по какому-нибудь предмету по соседству и свалить отсюда к чертовой матери. Но Дерек не только не делает ничего подобного, но даже пытается сдержанно улыбаться в ответ.

Во-первых, он сам когда-то был совершенно таким же. Стоит ему на секунду вынырнуть из своего состояния и посмотреть на вокалиста этой группы, как он узнает себя.

Во-вторых, никто не заставлял его переться на фестиваль в самый первый день и играть рядом с этими ребятами, которые могут смотреть на него только с открытым ртом. Он сам попросился, и было бы неправильно кидаться из-за этого на ни в чем не виноватых парней и девчонок. Кстати, о девчонках. У этой группы девушка-басистка.

Надо рассказать об этом Лохматому. Девчонок в музыке много, но басистки по-прежнему встречаются не так часто. Надо постараться перестать трястись и послушать, что они играют. Вдруг что-нибудь приличное? Он ведь и сам когда-то так начинал.

Он усмехается. Чертов ты кретин, хватит дрончить на свою охеренность. Подумай лучше о том, что будет, если никаких записей тебе не придет. Что ты будешь делать? Как объяснишь свое появление на этой сцене в первый, блядь, день? Как узнаешь, на каком этапе произошел сбой? Не съешь ли ты свою дурацкую голову, пытаешься догадаться, на этом свете прекрасная девушка Яна или уже спешит на встречу к своему чуть менее прекрасному отцу? Как ты вообще будешь жить потом дальше? А впрочем, насрать. Сейчас бесполезно ломать над этим голову. Запись вполне может и прийти. Другой вопрос, какая это будет запись.

Дерек отмахивается от навязчивых мыслей и опять ловит на себе взгляд девицы, которая играет на бас-гитаре. На этот раз он не отворачивается, а рассматривает ее в ответ. Еще несколько минут назад ему казалось, что она смотрит на него так же, как и остальные ребята из их коллектива: О БОЖЕ ЭТО ЖЕ ГАРРЕТ!!! — а сейчас он видит, что это не так. Она смотрит на него как человек, который догадывается, что с ним что-то не в порядке. С явной симпатией и сочувствием, что ли. И с немым вопросом, какого черта у него случилось. На секунду ему кажется, что девчонка близка к тому, чтобы подойти и прямо об этом спросить, но вместо этого она опускает глаза и быстро идет за сцену, в сторону своих ребят. Хм. Девушка-басистка рассмотрела в его финте ушами с выступлением в первый день что-то большее, чем шанс хорошо отыграть и понравиться самым известным гостям этого притона. К сожалению, именно сейчас он критически не способен уделить внимание хоть чему-то, кроме шнурков на своих кедах, нервной ходьбы туда-сюда и бессмысленных размышлений, получится у них или нет, но нужно хотя бы запомнить, что так бывает.

Звонит телефон. Старый телефон, с которым он ходит уже год и который, если все получится, прямо сегодня будет выключен насовсем. Это его бывшая девушка. Последняя из его бывших девушек, точнее. Вообще он старается никогда не считать бывших девушек конченными дурами и про каждую может сказать что-то хорошее. Но прямо сейчас ему хочется заорать в трубку, что

более тупой овцы он не встречал в жизни и не могла бы она напрямь то, что у нее вместо мозга, и с третьей попытки въехать в его просьбу больше никогда ему не звонить. Он принимает вызов и не кричит, но громко говорит не слишком счастливым голосом:

— Ты, во-первых, не вовремя, а во-вторых, мы уже все обсудили, разве нет?

В ответ доносится стандартная хрень про необходимость встретиться и поговорить.

— Я что, неясно выразился? — очень зло спрашивает он. — Не надо, пожалуйста, мне больше звонить.

Вторую порцию стандартной хрени он не дослушивает даже до третьего слова.

— Не. Звони. Мне. Больше. Никогда.

Он отключается и с трудом справляется с желанием швырнуть телефон так далеко, чтобы тот скрылся из глаз. Мимо проходит паренек с челкой и смотрит на него как-то недружелюбно. Кажется, это вокалист той группы, в которой на бас-гитаре играет странная девушка. Он какой-то неприятный, этот парень. Может, у Дерек просто нервы на пределе, а парень на самом деле лучший человек на свете, но именно сейчас он так взбесил его, что хочется догнать и дать в морду.

Дерек давит пальцами на виски. Да, в таком состоянии он никогда еще не был. Хотеть дать кому-то в морду за то, что тот прошел мимо в неподходящий момент, — это слишком даже для такого психа, как он. А девица с басом? Он даже не помнит, как она выглядит. Наверное, узнает ее, когда снова увидит, но вот сейчас не может вспомнить вообще ничего. Он даже не в состоянии сказать, какая у нее задница. Такого с ним не случилось вообще никогда. Иногда это даже бесило: припершись на какое-нибудь очень хорошее мероприятие в очень правильное место, где нужно думать о помощи людям, он через считанные минуты знал всех обладательниц симпатичных задниц вокруг, даже если на мероприятии была не одна сотня человек. И вот его скрючило настолько, что тяжело не кидаться на мужчин и обращать внимание на женщин. Невероятно.

Он нащупывает в кармане второй телефон, купленный несколько часов назад. Он еще не регистрировался в нем под тем номером, на который Игорь должен прислать запись. Ни этого номера, ни самого аппарата еще не существует для полиции. Главное, что он на месте. В его кармане. Все остальное — ерунда.

— Гаррет какой-то ненормальный, — говорит Джон, доставая гитару из чехла.
— Только что послал кого-то по телефону, а потом так на меня посмотрел, как будто я его личный враг.

— Мне кажется, у него что-то случилось и есть причина так себя вести, — как можно более сдержанно отвечает Эми.

Чего ей только не хватает сейчас для полного счастья, так это поссориться со своим парнем, который к тому же вокалист их группы, за пять минут до первого значимого выступления, и выйти на сцену с трясущимися от злости руками.

Джон усмехается, и это не предвещает ничего хорошего.

— Ты всегда будешь так говорить. Даже если он сейчас начнет убивать людей, ты скажешь, что у него что-то случилось и есть причина.

— Если начнет убивать людей, не скажу.

— Сомневаюсь.

— Слушай, Джон. Я стояла тут и молчала. Ты подошел и первым заговорил про Гаррета, а теперь цепляешься к словам. Чего ты хочешь? Испортить мне все настроение перед выступлением?

— Хочу понять, почему твой запас терпения распространяется не на всех людей.

Она чувствует, как желание поссориться становится нестерпимым. Джонни хочет сказать, что его, несчастного мальчика, она обижает и не готова терпеть от него все подряд, а Гаррету прощает любые выходки. А что Гаррета она до этого дня не видела в глаза и он физически не мог сделать ей ничего плохого, не считается. Главное, есть повод прицепиться. Как же ее это достало!

— Потому что у тех людей, на кого он распространяется, не было случая его испытать.

Ее уже трясет от злости. Мало того что он собирается устроить очередную предсказуемую сцену, так еще и нашел для этого самое подходящее время.

Он поворачивается к ней лицом.

— Ладно. Хорошо. — В его глазах читается, что ничего не хорошо, а просто ему вдруг тоже пришло в голову, что неразумно ругаться здесь и сейчас. — Проехали. Извини.

Она мрачно кивает.

Скоро они проедут не только сегодняшний случай, но и всю эту осточертевшую ерунду. Она несчастлива с ним, и пора прекращать тянуть резинку от трусов. Надо раз и навсегда запретить себе наматывать на кулак соплю про то, как он ее любит и как хорошо она его знает — слишком хорошо, чтобы вот так бросить и идти узнавать кого-то другого, кто может оказаться мерзким уродом. Ее останавливал еще и тот факт, что они вместе играют в группе, а решишь она от него уйти, он создаст такую атмосферу, что придется сваливать. Но, кажется, все зашло в такой тупик, из которого не помогут выбраться даже мысли о группе. Найдет она другую группу. Может, еще лучше этой. Она ведь молодец. Нет, правда.

Но это будет актуально завтра, послезавтра и во все последующие дни. А сейчас надо успокоиться, сосредоточиться и двигать к зрителям.

Дерек стоит прямо у выхода на сцену, но так, что его не видно собравшимся внизу. Он держит в руке только что включенный телефон и уже второй раз пытается правильно ввести пароль, но руки жутко трясутся. Если бы можно было записывать ощущения, как музыку, он бы записал их и ощущал снова и снова, просто чтобы поверить, что такое состояние в принципе бывает.

Мэтт уже прыгает по сцене, художественно проверяя строй инструмента. Этот чудик ничего не может сделать в простоте, и совершенно офигевшие люди, которые никак не ожидали увидеть их группу сегодня вечером, стоят на ушах. Лохматого, как всегда, еще нет в поле зрения, этот философ, как и полагается настоящему басисту, смачно на все плюет и появляется ровно за секунду до того, как первый звук первой песни пронзит пространство. Барабанщик давно на месте, меланхолично подкручивает болт в установке. И только Дерек трясущейся рукой третий раз вводит пароль.

У него наконец получилось, и теперь он тарашится на дисплей, как будто умеет поджигать предметы взглядом. Сердце, кажется, вовсе перестает биться. Он не слышит и не видит ничего вокруг; вроде бы его окликают Мэтт, но Мэтт вместе со всем фестивалем находится где-то в другой галактике за сотни тысяч световых лет. Дерек стоит один посреди слепящей пустоты, и единственное, что есть в этой пустоте, кроме него, — телефон.

Проходит три тысячи лет, и ничего не происходит. Ничего. Ни единого уведомления. Никого нет, ничего нет, никаких записей, даже сраных сообщений, что все провалилось и можно спокойно петь свои дебилские песни, а потом стреляться. Или сразу стреляться. Он сжимает свободную руку в кулак. Ну давай же. Давай. Скажи мне хоть что-нибудь. Скажи, что все кончено. Это

лучше, чем стоять тут вот так и трястись, обливаясь потом. Он сейчас сдохнет, получит какой-нибудь разрыв сердца, мать его, и некому будет поставить чертову запись, если она придет. Еще через три тысячи лет он понимает, что недалек от того, чтобы разрыдаться. Не заплакать, не почувствовать влагу под веками, а именно разрыдаться, как маленький ребенок. Кидаться предметами, лечь на живот, дрыгать ногами, и стучать кулаками об пол, и рыдать, рыдать, рыдать.

Еще три тысячи лет. Еще. И еще. Кажется, из соседней галактики его зовут уже несколько человек. Какого хрена им надо? Пусть сидят у себя в галактике и не высовываются. Еще три тысячи лет. Триста тысяч лет. Миллион. Жизнь стремительно выбирается на сушу из мирового океана, динозавры царствуют и вымирают, потом откуда-то появляются люди — надо отметить, что они довольно мерзкие уже тогда, когда у них еще нет атомной бомбы, коммунизма и Академии, — потом исчезают мамонты. А он все так же стоит и пытается сжечь взглядом молчащий телефон.

Когда он в прямом смысле слова начинает терять сознание и все погружается уже не в звездную пыль, а в плотный молочно-белый туман, телефон вибрирует у него в руке. Чудовищным усилием он концентрирует на нем взгляд. Одно новое сообщение. В нем вложение. Довольно тяжелое. Это не сообщение о том, что все провалилось. Это запись. Прыгающим пальцем он велит телефону принять ее. Три процента. Шесть. Шестнадцать. О боже. Он сейчас сойдет с ума и ничего никому не сможет поставить. Двадцать семь. Тридцать.

Надо как-то послушать это перед тем, как включать всем сразу. Вдруг там вовсе не то, чего он ждет. Но тут хрен что услышишь, Мэтт играет, зал орет и визжит. Он кидается дальше за сцену, врывается в человека и быстро говорит, не понимая, кто перед ним:

— Есть наушники? Мне срочно нужны наушники!

Человеком, в которого он врезался, оказывается неприятный парень из группы, которая только что отыграла. Он смотрит на Дерекка с неопределимой смесью восхищения, ужаса и отвращения и молчит.

— Мне срочно нужны наушники! — повторяет Дерекк громче, и откуда-то сбоку, из тумана, высовывается маленькая рука, кажется, женская. В открытой ладони лежат свернутые наушники, олдскульные, проводные.

— Спасибо! — говорит он, не глядя на хозяйку руки, и разматывает их, по-прежнему стоя перед парнем, с которым столкнулся.

Со второй попытки воткнув шнур в телефон, он вставляет наушник в правое ухо, потом в левое; наушник из правого тут же вываливается, и он очень неприлично ругается себе под нос. Наконец все готово, файл загружен, наушники в ушах. Он медлит секунду — в этом файле или жизнь тысяч людей, или его собственная смерть, его и четверых его друзей, — а потом нажимает на кнопку «воспроизвести».

— Я думал, ты понимаешь, — вкрадчиво, как маньяк играющему без присмотра ребенку, говорит Тернер, но в голосе слышится тщательно скрываемое раздражение. — О чем мне было с ним говорить? Если взрослый человек, который не первый год во всем этом варится и прекрасно знает, что можно делать, а чего нельзя, вдруг сходит с ума — что ему сказать? Я намекал ему, что мы все неприятно удивлены произошедшими в нем переменами.

— Уильям, — сдавленно отвечает Яна. — Я отношусь к тебе с большим уважением, иначе меня бы здесь не было, и пришла к тебе как к другу, а не как к врагу, но сейчас я не могу поверить своим ушам. Что значит «что можно делать, а чего нельзя»? Я хорошо знаю своего отца. Он не делал ничего противозаконного и социально опасного. Все, что он делал, — это голосовал в Совете так, как считал нужным. Этого что, нельзя делать?

— Яна. — По голосу слышно, как он в изнеможении закатывает глаза. — Я не понимаю, ты притворяешься или тебе правда нужно объяснять очевидные вещи?

— Это очевидные вещи?

Кажется, она плачет. Или вот-вот начнет.

— Ну конечно. — Тернер вздыхает. — Ты говоришь, что он не делал ничего социально опасного. А ты хоть представляешь себе, что такое социальная опасность? Ты думаешь, опасно взрывать бомбы? Нет, безусловно, это опасно. Для тех нескольких десятков человек, которые окажутся рядом. Нескольких десятков, Яна.

Она всхлипывает, в этом уже нет никаких сомнений, а тон президента становится все более назидательным. Как будто ему легче объяснять очевидные вещи плачущей девушке, чем спокойной.

— В мире одиннадцать миллиардов человек. Когда от взрыва страдают десятки, это не очень хорошо. Но не социально опасно. А вот когда человек, много лет придерживавшийся нашего последовательного, стабильного курса,

направленного исключительно на позитивные вещи, пусть и не всегда посредством популярных мер, вдруг начинает вести себя, как идеалистически настроенный подросток, — вот это социально опасно. Хрупкий мир, которого нам удалось достичь ценой долгих усилий, держится на том, что все приняли существующее положение вещей. Да, им многие недовольны. Да, в мире много недалеких людей, не понимающих, что важнее благополучие в перспективе, чем благополучие сейчас и крах потом. Но даже те, кто недоволен, даже те, кто пытается что-то нам противопоставить, — даже они принимают, что все так, как есть. Ты думаешь, Льюис борец? Герой? Он такая же часть существующего положения вещей, как я. Да, Яна, именно, и не надо на меня так удивленно смотреть. Это же игра. Нет, конечно, речь идет о судьбе всей нашей цивилизации, и это очень серьезно, но все-таки здесь есть свои правила, как в любой игре. Льюис занимает свое место. Очень искренне и с энтузиазмом, но играет роль винтика в системе. От души борется за права человека и за другую вредную фантастику. Но борется в рамках, которые ему задал я. Хоть и не знает об этом. Ты понимаешь?

Она снова издает какой-то звук, и Дерек просто видит эту сцену: плачущая Яна сидит перед убийцей своего отца, слушает его напыщенную отповедь и изо всех сил хочет вцепиться ему в глотку, но вместо этого смотрит в пол, шмыгает носом и пытается сделать вид, что с ней все в порядке.

— А твой отец, — как ни в чем не бывало продолжает Тернер, — выскочил из своей роли. Как шахматный конь, который вдруг перестал ходить буквой Г. Он стал вести себя так, как будто того мира, в котором мы все живем, не существует. Как будто можно делать все, что взбретет в голову, голосовать за разную вредную болтовню, которая к тому же не раз обсуждалась и отклонялась, и вообще вести себя в крайней степени неосмотрительно. И вот это, Яна, вот это — настоящая социальная опасность. Сегодня выкрутился один винтик, а завтра пара сотен решит, что можно вести себя так, как хочется. А там недалеко и до того, что все люди решат, что им необязательно занимать отведенные им места. Ты представляешь, как получается порядок? Зрители заходят в кинозал. У них на билетах указаны места, и люди находят их и занимают. Можно догадаться, что будет, если их запустить в зал без билетов, чтобы они садились куда захотят? Вот именно. Если миллиарды людей вдруг решат, что их жизнь является чем-то большим, чем топливо для огромного корабля под названием «цивилизация», который должен двигаться вперед, а не торчать на месте, что начнется на этой планете? Они захотят снова распорядиться землей, своими странами, своим положением в обществе? И даже те из них, чей интеллектуальный коэффициент равен восьмидесяти пунктам. Даже они сочтут, что им положено что-то, кроме прилежного

исполнения роли топлива, которое должно давать энергию на движение, а не брать на себя смелость решать, в какую сторону ехать. Ты когда-нибудь видела, чтобы бензин решал, в какую сторону повернуть колеса? Правильно. И не увидишь. В технике, в отличие от болтовни, все устроено очень рационально и справедливо. Никто не начнет лить слезы по бензину, который сгорел. А когда речь заходит об устройстве общества, все тут же начинают руководствоваться какой-то сахарной ватой. И те имеют право, и эти... Все на все имеют право, только на выходе мы имеем автомобиль, который не едет. Подумай, на что был похож наш мир до появления Академии, когда все много рассуждали, но каждое колесо ехало, куда ему вздумается. Тебе снова этого хочется? А Ярославу, видимо, хотелось. Поэтому я и говорю, что он сошел с ума. Никак не могу поверить, что до такого можно дойти в здравом уме, будучи не дурным мальчишкой, а зрелым человеком.

Он наконец замолкает и шумно, неестественно вздыхает.

— Все это очень грустно. Я сам был потрясен и разочарован не меньше, чем ты сейчас, когда все случилось. Я ведь до последнего надеялся, что у него временное помутнение рассудка и он придет в себя.

Повисает напряженная пауза, наполненная чем-то, не имеющим выражения в словах, а потом Яна неожиданно спокойно произносит:

— Спасибо, Уильям.

— Не за что, Яна. Надеюсь, тебе полегчает после этого разговора. Я знал, что он будет непростым, но мне всегда казалось, что ты разумная девочка и все правильно поймешь.

Новая пауза; Дереку видится, как она кивает и на лице у нее сложное сочетание чувств и эмоций.

— А можно я задам тебе последний вопрос? Извини, что отнимаю у тебя время, но мне правда важно это знать.

— Я специально выделил время, в которое никто не будет меня отвлекать. Не беспокойся.

— Ты сравниваешь наш мир с машиной. Но машина существует для того, чтобы везти хозяина. У нее отдельно от человека никакой самостоятельной ценности. Поэтому очень легко объяснить, почему в ней все устроено так, как устроено. А для чего существует все это, если люди — просто топливо? Зачем его жечь, Уильям? Чтобы куда-то приехать? А куда мы приедем, если сожжем всех по пути?

— Вопросы, которые ты задаешь, очень сложные и глубокие и в то же время очень наивные.

— Это очередная очевидная вещь, которой я не понимаю?

Он тихо смеется; Дереку изо всех сил хочется схватить его за лацканы пиджака, в который он наверняка одет, и размазать его мозги по ближайшей стене.

— Конечно. Все очень просто: нужно правильно понимать слово «мы». Друг друга мы не сожжем. Потому что мы — не топливо.

— Еще каких-то полгода назад в это «мы» для тебя входил Ярослав. И ты не собирался его жечь. Ведь не собирался, правда? А сейчас он уже гниет в земле. Все очень быстро меняется, Уильям. Это пугает.

— Пугает отсутствие четких правил. Иными словами — бардак. Вот что пугает по-настоящему. А у нас есть правила. И твой отец это прекрасно знал. Мне больно говорить это, Яна, и особенно больно говорить это тебе, но он сам делал все, чтобы случилось то, что случилось.

— Ты хочешь сказать, что мой отец сам себя убил?

Он снова тихо и неприятно смеется.

— Какие вы радикальные, молодежь. Не устаю удивляться. Хорошо. Если тебе так будет спокойнее, то да.

— А все остальные? Те, о ком я слышу каждый день? Они тоже сами?

— Что это ты такое слушаешь, что слышишь каждый день? Я бы в первую очередь задался этим вопросом. А во вторую подумал бы о том, что их убила природа. Они уже родились людьми, от которых нет никакого толка, — то есть, по сути, мертвыми.

— Но, Уильям...

— Нет никаких «но», Яна, дорогая моя. Попробуй стать взрослым человеком. Отправься в Нью-Йорк, спустись под землю и проведи там хотя бы полчаса. И если из-за людей, которых ты там увидишь, ты захочешь говорить мне «но», я послушаю, что за этим «но» последует. Хотя я почему-то уверен, что не захочешь. — Он опять смеется. — Может, потому, что когда-то сам был ребенком, а потом вырос.

Они долго молчат, потом Яна начинает говорить, что пойдет думать над его словами и большое спасибо, что уделил время, но Дерек уже несется на сцену. Сердце бьется чаще, чем в тот день, когда он пытался отдышаться после бега с

жуткого похмелья. Внутри черепа отдаются глухие удары — бум, бум, бум, — как будто кто-то что есть силы бьет его по голове, но не снаружи, а изнутри. Он влетает на сцену, отталкивает в сторону Мэтта, который, похоже, совершенно по нему не скучал и нашел способ завести зал и без вокалиста, прорывается к микрофону, стоящему у края сцены, по центру. Зал встает на уши.

Людей намного меньше, чем он привык видеть на этом фестивале, наверное, тысяч пятьдесят-шестьдесят. Он старается выровнять дыхание. Ничего, даже если у каждого из этих пятидесяти тысяч есть двести друзей в разных соцсетях, то через десять минут об этом узнают несколько миллионов. А где несколько миллионов — там несколько миллиардов. Зал, кажется, собирается орать, пока не надоест, и Дерек поднимает руку.

— Добрый вечер, друзья, — говорит он; шум начинается снова, и он опять поднимает руку. — Я тоже очень рад вас всех видеть, но мне нужно говорить быстро, поэтому прошу вас тихо меня послушать. Как вы наверняка поняли, у нас сегодня необычное выступление. Мы приготовили вам кое-что, что произведет на вас большее впечатление, чем любая музыка на свете.

С каждым его словом вокруг становится все тише, а поднятых рук с телефонами все больше.

— Как вы знаете, у Академии есть президент, любящий порассуждать о том, что все, что он делает, идет исключительно на пользу нам с вами. Недавно он убил одного из своих советников, потому что тот перестал быть его игрушкой, — конечно, это тоже было сделано ради всеобщей пользы, как и все остальное, — а когда дочка этого советника пришла к нему спросить, зачем он это сделал, вот что он ей ответил. Послушайте сами. Вам понравится больше, чем если бы я спел вам все свои песни. Обещаю.

Тишина становится гробовой. Даже удивительно, что такое количество людей может стоять так тихо. Дрожащей рукой он поднимает телефон, замечает, что не вернул наушники хозяйке, думает, что нужно будет вернуть, выдергивает их, вяло удивляясь в процессе, почему в такой момент его волнуют какие-то сраные наушники. Его, может, через три секунды аккуратно снимут прицельным выстрелом из снайперской винтовки.

Сердце проваливается к кишкам. Только бы это случилось после того, как запись дойдет до последней секунды. Только бы он успел. А дальше гори все синим пламенем. Он справляется с прыгающей рукой, включает воспроизведение и подносит динамик аппарата к микрофону.

Он смотрит на лица людей в первых рядах, на поднятые вверх руки с телефонами, слушает Янин дрожащий голос, звучащий в полнейшей тишине. Вот что такое рок. Да простят его все великие, на чьей музыке он вырос, но это лучшее выступление рок-группы за всю историю человечества. Ради этого момента все гитаристы всех групп мира десятилетиями дергали струны, ради этого барабанщики осваивали карданы, брились налысо и делали татуировки на затылке.

Ради этого созданы радиостанции, записаны альбомы, разбиты гитары и сложены в стихи миллионы слов. Ради вот этого момента, когда группа стоит, не издавая ни звука, а над полем в абсолютной тишине разносится голос президента Академии Уильяма Тернера. И голос этот говорит людям, что должен их сжечь. Что-то величественное, почти волшебное в этой сцене, как будто дело происходит в мифе или какой-нибудь священной книге. Голос с неба объявляет, что он божество, которое сожжет людей, если посчитает нужным.

Яна прощается с Тернером, Дерек опускает деревянную от напряжения руку, и тишина вокруг становится такой, будто у него лопнули барабанные перепонки, а потом воздух взрывается криком и свистом. Такого шума он не слышал никогда, ни на одном концерте, ни на одной демонстрации, даже во время военных действий, на которых ему доводилось присутствовать. После мертвой тишины этот шум совершенно оглушает его, он стоит в центре сцены, не в силах понять, что дальше. Он сделал главное дело своей жизни, это совершенно очевидно и не вызывает никаких вопросов: и то, что это главное дело, и то, что он его сделал.

Пуля снайпера не летит, и нужно принимать какие-то решения, а он стоит посреди сцены и беспомощно озирается, как потерявшийся в супермаркете ребенок. К нему подбегает девочка и принимается что-то быстро-быстро говорить; он четко видит ее лицо, но не слышит ни слова. И даже не из-за чудовищного гула, стоящего в воздухе, а просто потому, что не в силах сосредоточиться и понять, что означает произносимый ею набор букв. Дерек смутно понимает, что, кажется, это та самая басистка, про которую он думал, пока ждал записи, и, скорее всего, это ее наушники он все еще сжимает в кулаке; он делает над собой усилие и разжимает руку.

— Это твои наушники, да? Спасибо. Извини, что не отдал сразу.

Девочка вдруг хватает его за плечи и трясет с неожиданной для своего телосложения силой.

— Дерек, прекрати это дерьмо! Ты понимаешь, что я говорю? Какие, на хрен, наушники? Ты меня слышишь, слышишь или нет?

Он моргает, как только что проснувшийся.

— Так лучше. Мой отец — шериф. Нормальный, настоящий, не из тех, кто слушается всех приказов Бланш Бернар. Он только что звонил мне, сказал, что все слышал и что тебе надо срочно валить отсюда, потому что тебя объявляют в розыск как террориста. Он поможет, но тебе надо выбраться с фестиваля.

Он кивает.

— Сейчас ты берешь и прыгаешь в толпу. Я знаю, что ты никогда так не делаешь, но сейчас ты берешь и прыгаешь в толпу, понял? Потом бежишь к выходу в сторону шоссе сорок один — не в сторону основного выхода, там через пять минут все будет оцеплено, а в сторону сорок один, — а потом просто бежишь. Тебе нужна парковка у пляжа на Тридцать первой улице. Давай сюда телефон, покажу на карте. Только запоминай, сам телефон нужно оставить здесь.

Он хлопает глазами, отдает ей телефон. Она что-то делает в нем, показывает ему карту.

— Ты меня понял?

Он кивает.

— Точно?

Он кивает еще раз.

— Тогда прыгай.

Он стоит на месте, не шевелясь.

— Прямо сейчас. Счет на минуты. Прыгай, говорю!

Он стоит на месте, и тогда девушка поворачивает голову и делает какой-то знак рукой. Через секунду в спину ему прилетает хороший тычок, воздух со свистом вырывается из его легких, как будто он надувной матрас, который решили сдуть, и Дерек летит куда-то вниз.

Последним, что он успел подумать перед падением, было «я задущу этого сукиного сына». Один раз чертов придурок Мэтт уже проделал такой номер, после чего его лицо серьезно пострадало. Дерек, который не боялся лезть в горячие точки и выступать против самой крутой организации мира, лучше бы съел носки, в которых только что пробежал марафон, чем прыгнул в толпу по

доброй воле. Он много раз видел, как это проделывают ребята из других групп — да что там, иной раз и его собственная команда с удовольствием так баловалась, — и всякий раз не мог понять, каким органом думают эти люди вместо мозга.

А если толпа расступится и ты что есть дури приземлишься на землю? А если упадешь кому-нибудь на голову, на неудачно подставленную руку, попадешь ботинком кому-нибудь в живот и веселое мероприятие кончится разборкой с полицией и поездкой в больницу? И самое главное, что человеку будет больно. При мысли о том, чтобы прыгнуть, у него начинало противно ныть в районе солнечного сплетения. И вот скотина Мэтт повторил свой номер снова. Пусть только попадется ему на глаза!

Его ловят, помогают встать на ноги, и тут до него доходит. Скотина Мэтт, может быть, больше никогда не попадется ему на глаза при всем желании. Дерек только что подписал себе смертный приговор на глазах у тысяч людей, и весь вопрос в том, насколько быстро Академия приведет его в исполнение. Он озирается, в голове шумит. Окружающие его люди, на головы которым он только что свалился, удивительно серьезны. Они не визжат, как после его прошлого полета, не пытаются подбросить его вверх, не тянут к нему руки. И даже фотографирует его мало кто. Они просто помогают ему встать и очень внимательно на него смотрят. Да. Это того стоит. Даже если сейчас он не добежит ни до какой машины — кстати, какой именно машины, кто-нибудь знает хотя бы, как зовут эту сумасшедшую девушку? — это все равно был самый правильный поступок в его жизни. Потому что у людей всегда и везде должны быть именно такие лица. Если они люди.

Он относительно приходит в себя, зачем-то говорит «извините» и начинает протискиваться сквозь толпу в сторону выхода, про который говорила девчонка. К его удивлению, особенно протискиваться не приходится, при виде него все просто расступаются, давая ему дорогу. Несильно расступаются. Ровно так, как надо. Чтобы полиция не сумела быстро понять, в какой части толпы он сейчас. На середине пути он понимает, что забыл выключить телефон, как полный мудака, и хотя номер не его и начал работать каких-то двадцать минут назад, это все равно ощутимо пахнет провалом.

Дерек понимает, что так и идет, зажав телефон в кулаке, — видимо, он не выпускал его из рук с тех пор, как первый раз услышал в нем голос Тернера, — прямо на ходу вытаскивает аккумулятор и протягивает кому-то слева, не глядя. Телефон в полной тишине забирают у него из руки. Он смотрит на свою открытую пустую ладонь и думает, что за последние тринадцать лет у него

появились тысячи друзей, которых он мог никогда не видеть в глаза, но которые все правильно понимали и были готовы в любую секунду прийти на помощь.

— Спасибо, ребята, — говорит он, не прекращая движения к выходу. — Спасибо.

— Тебе спасибо, — отвечает высокий парень с длинными волосами, пропуская его. — Мы вздрючим этих уродов. Даже не сомневайся.

Дерек кивает и пробирается дальше. Кажется, они победили, и президенту Тернеру, а может, и всей Академии только что пришел конец. Даже если на выходе с территории фестиваля его ждет немедленный расстрел, Тернеру это не поможет.

Все дальнейшее Дерек преодолевает на автопилоте, не отдавая себе отчета в своих действиях и не принимая никаких решений: вот он выбирается из толпы и валит в сторону кемпинга. Бегущие навстречу незнакомые ребята говорят ему, что администрация пока тянет время и бодается с полицией, не пуская на территорию и уверяя, что внутри не случилось ничего противозаконного и все идет по плану, но уже понятно, что через считанные минуты все будет оцеплено, а посетителей сложат лицом в траву. Эти же ребята крутят пальцем у виска, услышав, что он собирается выбраться наружу через один из выходов. Он куда-то с ними идет, в палатке переодевается в чьи-то вещи, чтобы быть не похожим на себя хотя бы издали, вяло удивляется, что не продумал план отступления заранее.

Они всей компанией начинают спускаться к озеру, на полдороге ныряют в кусты, выбирают из них. Перед ним оказывается ровное поле, на котором нет ничего, кроме травы, а в конце этого поля по блестящей в лучах закатного солнца ленте бегут крошечные игрушечные машинки.

— Вот шоссе сорок один, — говорит один из сопровождавших его парней, чьего имени он даже не спросил. — В одном месте придется бежать под развязкой, но это самый быстрый способ попасть туда пешком.

— Да и то сомнительный, признаться, — добавляет другой. — Может прилететь вертолет, а тут ты как на ладони.

— Твоя парковка там. — Первый берет чуть левее, показывая рукой в направлении шоссе.

Дерек переводит взгляд с одного на второго, коротко кивает, молча жмет им руки, разворачивается и бежит в сторону ленты, стараясь не смотреть на солнечный диск, наполовину опустившийся за горизонт.

Первую милю он думал о том, что привык бегать или очень быстро, но с перерывами на совсем медленную трусцу, или на длинные дистанции, но экономя силы. Бежать на пределе возможностей и видеть при этом, что цель, к которой бежишь, все еще очень далеко, было чем-то новеньким. Но разве не этот день он предчувствовал, когда в любую погоду, в любом состоянии, через «не могу» и мат сквозь зубы надевал кроссовки и вытряхивал себя на улицу? Разве не к этому он готовился, когда бежал в метель по зимнему Стокгольму в нетипичный даже для Северной Европы холод и снежинки больно кололи ему лицо, а на ресницах намерзал лед? Разве не для этого однажды он чуть не вызвал себе службу спасения, когда после бега со страшного похмелья в страшную жару ему стало так плохо с сердцем, что он всерьез приготовился умирать? Ты должен бежать, сукин сын. Ты тренировался двадцать три года не для того, чтобы сдать сейчас.

На протяжении следующей мили связных мыслей в голове стало сильно меньше, и выглядели они весьма убого. В основном это были короткие нецензурные вопросы, когда же шоссе, которое какого-то хрена не могли проложить на милю западнее, приблизится настолько, чтобы ему перехотелось послать все к черту, лечь в траву и закрыть глаза. Выглядевшее логичным предположение, что расстояние преодолевается быстрее, когда бежишь, как спринтер, а не как марафонец, оказалось фуфлом. Еще никогда время не тянулось так долго, а мили не были такими издевательски длинными.

Когда проклятая парковка наконец показалась на горизонте и стало ясно, что он сможет добежать и не будет переходить на шаг или падать и лежать, глядя в вечернее небо, никаких мыслей в его голове не осталось вовсе. Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь, в глазах темно, в голове такой шум, как будто он засунул ее внутрь рассчитанного на стадион концертного усилителя, во рту пустыня, и песчинки царапают горло в кровь, под ребрами, в животе, в боку справа и в боку слева что-то болит, колет, ноет, саднит и скребется.

Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь. Лучшим выходом из этого состояния было бы упасть на траву, подтянуть колени к груди и отчаянно разреваться. Но нет. Вместо этого новый рывок, раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь. Беги, говнюк. Бегать по Центральному парку с телефоном в модных спортивных штанах, всем своим видом говоря «посмотрите, какой я прикольный чувак» и пырясь по сторонам, может каждый идиот.

А ты беги в кедах, джинсах и давно ставшей мокрой футболке, с завязанной вокруг пояса толстовкой с капюшоном, чтобы в случае чего попытаться свалить,

спрятав от копов морду. По какому-то неровному полю, где на каждом шагу можно подвернуть ногу. Стараясь не смотреть на солнце, которому насрать, смотришь ты на него или нет, оно все равно бьет в глаза. Беги. Быстро беги. Еще быстрее. Интересно, какой у него сейчас пульс — сто девяносто? Двести? Двести десять? Как интересно при такой нагрузке все пляшет перед глазами. Вертолет наверняка уже вылетел. Скорее всего, они прикончат тебя, даже если ты сможешь уйти сейчас, но ты же не можешь взять и вот так просто сдаться этим мудакам? Или можешь? Или еще один судорожный вдох, и легкие схлопнутся, а голова взорвется от давления? Не можешь. Пусть взрывается.

Зачем теперь нужна твоя голова, когда ты уже сделал все, что от тебя требуется? Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь. Кажется, что он дышит не воздухом, а угарным газом. Это невозможно. Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь. Он подбегает все ближе и ближе и понимает, что забыл спросить, какую машину ищет. Он выбежал на максимально открытую точку словно специально, чтобы его было легче заметить, и даже не знает зачем! Кажется, все было напрасно.

Силы оставляют его. Он стоит у въезда на парковку, сложившись пополам и зачем-то схватившись рукой за пылающий бок, перед глазами прыгают искры. От его дыхания стоит такой шум, как будто это работа десяти пылесосов, включенных на полную мощность. На асфальт возле левой ноги падает красная капля, потом еще одна, потом несколько рядом, и они все продолжают и продолжают падать. И когда он с ужасом понимает, что добегался до того, что из носа хлынула кровь и теперь один черт знает, что делать, куда идти и как выбираться из этой дыры, рядом с ним раздается отчаянный визг шин.

Красные капли все падают и падают, падают на асфальт, кеды и одежду. Он поворачивает голову на звук и понимает, что уже близок к тому, чтобы наконец валяться на земле и рыдать. Но это тормозит летящая на приличной скорости машина, и в ней распаивается пассажирская дверь.

— Ничего себе, — говорит голос с водительского сиденья, когда он делает последнее невозможное усилие и вваливается в машину. — Я думала, тебя придется ждать.

Это та самая девушка, которая трясла его, когда он стоял посреди фестивальной сцены, ничего не соображая. Она внимательно оглядывает его, лезет в бардачок, вытаскивает пачку бумажных носовых платков, протягивает ему. Потом врубает передачу, и машина срывается с места. Дерек смотрит на себя и понимает, что в крови уже почти вся одежда. Он делает носом глубокий вдох, и рот наполняется

отвратительным вкусом крови. Неудивительно, что он не может нормально дышать, а перед глазами пляшет космос. Он откидывается на сиденье, запрокидывает голову, прижимает к носу сначала один платок, потом второй.

— Я бежал, — отвечает он, когда к нему возвращается способность выковыривать из горла звуки.

— Ты очень быстро бегаешь.

— Я раньше бегал марафон за три двадцать три. — Он слабо улыбается. — Это не то чтобы очень быстро, но кое-чего стоит.

Она кивает.

— Да, это реально круто. Я бегала только половину за два с лишним часа и не могу сказать, что мне очень понравилось.

Чтобы хоть немножко рассмотреть ее, Дерек осторожно косится в ее сторону, потому что, если повернуть голову полностью, кровь может потечь снова. Девчонка очень приятная. Ей явно нет и двадцати пяти, выглядит она хорошо, но ровно настолько, насколько получается само, без попыток понравиться окружающим. И у нее выражение лица человека, который без всяких объяснений понял, что произошло.

— Это ведь ты дала мне наушники? — в нос говорит он, не расставаясь с платком.

Она снова кивает.

— Я не знаю, где они. Извини.

— Дерек, ты что, с ума сошел? — строго спрашивает девчонка, глядя на него, как психиатр на сложного пациента. — Какие еще наушники? Ты хоть знаешь, что происходит после твоего выступления? Скоро ни одному человеку в мире не будет дела до наушников.

— Наконец-то. — Он улыбается.

Она снова отрывается от дороги и бросает на него быстрый серьезный взгляд.

— Тебе, если что, тоже не будет.

— Я знаю. И готов. Кстати, — он вдруг поднимает голову, — куда мы едем?

Она звонко смеется.

— Я ждала, когда ты этим заинтересуешься. Надо отметить, ждать пришлось долго. Ответ «пока не скажу» покатит?

Дерек всматривается в ее профиль, нахмурившись и уже собираясь сказать, что, конечно, большое спасибо ей за помощь, но все-таки есть легкое ощущение, что она офигела, но вместо этого вдруг машет рукой и снова роняет голову на спинку сиденья.

— Покатит. Сегодня все получилось, а остальное волнует меня не слишком сильно.

— Ну и отлично. — Она снова смеется.

Он резко выпрямляется. Яна. Он не знает, что с ней и где она, и у него нет способа это выяснить. Никакого. До тех пор, пока какие-нибудь новости не дойдут до него сами.

— Что-то случилось?

— Да. Я вдруг понял, что мне неоткуда узнать, все ли в порядке с Яной. — Дерек перехватывает ее вопросительный взгляд. — С девушкой, которая говорит с Тернером на этой записи.

— А она специально это сделала? Говорила с ним так, чтобы он стал высказываться таким вот образом? Или это случайно получилось? Можешь не отвечать, но просто интересно.

— А ты как думаешь?

Какая странная девица. Играет на бас-гитаре, помогает ему, хотя видит впервые в жизни, машину ведет так, как будто это она работает шерифом, а не ее отец. Интересно. А с чего он вообще решил, что она ему помогает? Может, везет его прямо к отцу, чтобы облегчить ему работу?

— Я думаю, что если специально, то она просто молодец. Я бы не сдержалась и вцепилась ему в глотку после третьего предложения. А если случайно, то это похоже на чудо.

Дерек задумчиво смотрит на нее.

— А ты тоже не любишь Академию?

Она молчит несколько секунд, потом нехотя, как ему кажется, отвечает:

— Я там училась. А потом ушла.

— Интересно. — Он поворачивается к ней, забыв про платок. — А почему, если не секрет?

Она молчит еще дольше.

— В частности потому, что ты мне объяснил, что это плохо.

Дерек отворачивается и уставляется на дорогу. За этот потрясающий день он узнал о мире и о себе больше, чем за предыдущие несколько лет. Оказывается, откуда-то появились тысячи людей, готовых въехать во все с первых секунд и броситься помогать, причем помогать не так, что лучше бы не мешали, а удивительно четко, быстро и по делу. Они не просят у него автограф, увидев рядом, а ведут в кемпинг и вручают толстовку, они забирают у него телефон, показывают ему дорогу, а теперь вот оказывается, что некоторые из них по своей воле ушли из Академии. И, кажется, некоторым из этих людей он сам, своими руками помог такими стать. Это настолько невероятно, что Дерек чувствует, что заплачет, если будет продолжать вот так смотреть на полупустую дорогу и думать об этом. Все эти годы ему казалось, что он без конца делает и делает что-то, что может помочь каким-то конкретным людям, но ничего не меняет в целом, что-то кому-то объясняет, доказывает, иногда с пеной у рта и со слезами на глазах, чего-то требует, к чему-то призывает, а вокруг стена. И он бьется об нее головой, и борется с ней, и говорит для нее, а она все так же стоит на своем месте, и ни один кирпичик в ней не начал качаться. А сегодня стена рухнула, внезапно, в одно мгновение, и за ее обломками он увидел тысячи людей, которые слушали и слышали каждое его слово. И главное, что он видел, глядя в лица тех, кто расступался, чтобы дать ему пройти, кто вел его к шоссе, глядя сейчас в лицо этой девочки, — процесс необратим.

Даже если завтра он сойдет с ума и начнет говорить прямо противоположные вещи, умолять успокоиться, полюбить Академию и не высовываться, — поздно. Эти ребята уже не зависели от него. Они уже выросли, выросли вот такими. И если его убьют вечером этого удивительного дня, он умрет с легким сердцем, зная, что его тут же заменят десятки и сотни. Может, и лучше, если его убьют. Они тогда рассердятся еще сильнее, чем сейчас, после прослушивания мощнейшего рассказа Тернера о его взглядах на устройство мира. А такие вот ребята, в каждом из которых он узнавал себя лет пятнадцать назад, — они могут многое, когда рассердятся. Они и так могут многое. А уж когда рассердятся...

— Кстати, я все еще не знаю, как тебя зовут.

Девчонка улыбается, не отрывая взгляда от дороги.

— Эми.

— А полностью?

— А зачем тебе? — Она удивленно смотрит на него, но продолжает улыбаться.

— Эмили Рэдфорд.

Дерек уставляется в лобовое стекло.

— Я очень рад, что ты существуешь, Эмили Рэдфорд. И все вы.

Она тоже отворачивается и напряженно смотрит на дорогу.

— Спасибо, Дерек. Это лучшие слова, которые я слышала в жизни. А теперь ты мигом переползешь на заднее сиденье, ляжешь и не будешь отсвечивать, потому что меня тормозит коп, и я буду врать ему, что спешу к папе, потому что очень испугалась.

Санта-Круз, Калифорния, июнь 7, 2080

Она успевает послушать примерно две трети, когда в ее кабинет без обычного предупреждения входит Тревор Нортон.

— Что-то случилось? — спрашивает она. И тут же смеется, осознав всю бессмысленность этого вопроса.

— Да, мэм.

— Тревор, я уже обещала тебя убить, если еще раз услышу такое обращение? Я не помню.

Вместо ответа он подходит ближе, вытаскивает из кармана брюк пропуск и кладет его на край стола. Потом медленно расстегивает пиджак, достает из кобуры пистолет и тоже кладет на стол. За пистолетом идут галстук, с которого он аккуратно снимает микрофон, и наушник из левого уха.

— Я думаю, что теперь меня в любом случае придется убить, — серьезно говорит он.

Бланш улыбается все шире. Какой все-таки чудесный мальчик. Честно пришел сдаваться. Сам. Не боится, не бегает, не блеет. Думает, что сегодняшний выход Яны Ярошенко из-за шторы с сообщением про голого короля стал для нее сюрпризом. Причем по глазам видно, что хоть и считает директора собственного департамента сукой и людоедкой, но переживает все равно — думает, что она ему верила, а он ее коварно предал, не сообщив о готовящемся заговоре против Тернера.

Он выяснил все про их план, как только она попросила его присмотреть за странным сборищем на дне рождения Дерека. После поминок Ярослава это выглядело подозрительно, и Бланш была обязана попросить кого-нибудь проверить, не задумал ли звездный состав какого-нибудь сюрприза. И Бланш знала, кого попросить. Тревор все узнал, но не стал ничего говорить, потому что всегда хотел, чтобы Академия выглядела совсем иначе. И вот он сделал все, чтобы изменить мир, — но предал тех, на кого работает. А теперь пришел к ней, чтобы за это заплатить. Вообще она считает, что все это страшная глупость, но знал бы Нортон, как он хорош сейчас в этой глупости.

— Не ожидала увидеть сеанс мужского стриптиза прямо на рабочем месте. Чувствую, ты вошел во вкус, и за галстуком последуют пиджак и штаны, и не то чтобы мне неинтересно, но момент не самый подходящий. Не мог бы ты надеть все это обратно и пойти работать?

Он смотрит на нее, серьезно-пресерьезно, на секунду ей даже становится стыдно за свой тон.

— Ты ведь наверняка уже слышала.

О боги всех религий, какой смешной мальчишка. Он младше нее лет на пять максимум, ему нормально за тридцать, но она чувствует себя развратной пенсионеркой, глядя в его глаза. Кажется, что в этом смешном высоком парне в идеальном костюме с идеальной стрижкой — конечно, у него же Очень Важная Работа — собрали всю честность мира. Обычно она смеется над всем таким, но сегодня вид этого несчастного мальчика трогает ее почти до слез. Она встает со своего места и обходит вокруг стола.

— Конечно, я уже слышала, Тревор.

Он внимательно смотрит на нее. Глаза глубокие, как Тихий океан, — кажется, в мире очень много честности, намного больше, чем ей всегда казалось.

— Я слышала.

Она берет со стола наушник, подходит ближе, заносит руку, потом спохватывается — какая все-таки заразительная хрень так называемое приличное поведение, две минуты пообщалась с его сторонником и уже берет пример.

— Я засуну его назад в твое ухо, не возражаешь? Это не будет расценено как сексуальное домогательство? — Бланш смеется, но не как обычно. — Помни, что ты сам задал такой тон разговору своим внезапным стриптизом.

— Но зачем?

— Что зачем? Зачем засовывать его в ухо? Мне казалось, тебе известно, зачем сотрудники службы безопасности их носят.

Он смотрит на нее — и вдруг понимает.

— Ты знала?

— Апельсин.

— Что?

— Ничего, Тревор. Зачем ты спрашиваешь?

— Чтобы узнать ответ.

— Зачем тебе ответ на этот вопрос? Что ты будешь с ним делать?

Он смотрит на нее не отрываясь, глаза становятся все больше.

— Ты думаешь, тебе станет легче от знания, что ты не единственный предатель? Не станет. Ты же все равно будешь страдать. Даже зная, что предал убийц и преступников и сделал это ради святого дела. Ты слишком хороший, Тревор. Слишком хороший, чтобы хорошо себя чувствовать. Так что расслабься и просто чувствуй себя плохо.

— Ты знала?

— Я не буду отвечать на этот вопрос. Более того, еще минута, и разговор в таком тоне будет закончен. — Она подносит наушник к его лицу. — Держи. Верни на место. Сегодня ты неожиданно сильно мне нравишься, поэтому я, пожалуй, воздержусь от этого интимного жеста.

Он осторожно забирает наушник из ее пальцев.

— Все остальное рекомендую тоже надеть обратно. Наверное, ты уже понял, что сегодня будет много работы.

— Что ты... что мы будем делать?

— Мы, — Бланш улыбнулась так широко и искренне, как не улыбалась уже очень давно, — мы арестуем всех этих людей, разумеется, и посмотрим, как будут развиваться события. Дело резонансное, поэтому пока мы просто арестуем их. Так будет безопаснее в том числе и для них самих. Мне нужна твоя помощь. И не надо на меня так смотреть.

Тревор как будто просыпается — несколько раз часто моргает, возвращает наушник на место, подходит к столу, убирает пистолет, микрофон, пропуск.

— Хотя смотри, если хочешь. — Она машет рукой. — В этом даже что-то есть.

Он подходит к двери.

— Тревор.

Он оглядывается. Видок у него, конечно, еще тот. Как будто они не разговаривали, а трахались прямо на столе.

— Сегодня я как никогда рада, что ты есть. Приходи в себя. Нас всех ждет тяжелый вечер.

В первые пять, ну, может быть, десять минут ей кажется, что она сумеет уйти, убежать, спрятаться, что все сложилось самым лучшим образом, который только можно себе представить. А потом из открывшейся двери лифта, на котором она собиралась ехать вниз, к выходу из здания, высовывается изящная дамская рука с темным лаком на ногтях, хватая ее за рубашку, несильно прикладывает головой о закрывающуюся дверь и быстро втягивает внутрь.

Когда двери закрываются, обладательница руки аккуратно прислоняет Яну к стенке, на случай падения после удара, а второй рукой нажимает три кнопки одновременно. Лифт сразу перестает подавать какие бы то ни было признаки жизни — гаснут даже светящиеся цифры с номером этажа, на котором они находятся. Остается одна синеватая лампочка под потолком.

— Привет, — говорит Бланш. — Я старалась, чтобы было не очень больно. У меня получилось?

Это последние слова, которых Яна ожидала от нее.

— Могло быть и больнее. А зачем ты старалась?

— Снаружи камера, на которой наша встреча должна выглядеть определенным образом. А еще мне придется попросить твои сережки. Говорят, таких больше нигде не достать.

— У меня есть выбор? — зачем-то спрашивает Яна.

— Есть. На ближайшие часы он такой: не мешать мне — и все будет быстро, не трудно и не больно, или мешать — и все будет долго, трудно и больно. А что будет дальше в общем и целом, я еще не знаю сама.

Она пожимает хрупкими плечиками. В тусклом синем свете ее глаза горят особенно пугающе. Яна долго молча смотрит на нее, а потом как-то безразлично думает, что и правда не хочет лишних проблем, медленно снимает обе сережки и вкладывает их в открытую ладонь мисс Бернар.

— Умница, — серьезно говорит та и перекладывает одну из сережек в другую руку. — М-м-м, как хорошо. Разница граммов в двадцать, не больше. Грамотно сделано. Кто это у нас такой молодец?

Яна молчит. Бланш выжидающе смотрит на нее, а потом хохочет так искренне и радостно, как будто ей только что рассказали потрясающе смешной анекдот.

— Конечно. — Она проводит пальцами под правым глазом, словно досмеялась до слез. — Ты же не скажешь. Ты же хорошая, ответственная девочка, которая не может сдать своих. Но есть плохие новости: умственное усилие, направленное на установление автора этого чудо-украшения, заняло у меня примерно одну секунду. Какие сегодня все забавные, как сговорились.

Она снова смеется. Перед Яной стоит второй человек после Тернера, которого она могла бы искренне, яростно и от души ударить. И лучше не рукой, а каким-нибудь тяжелым предметом. Понятно, что количество моральных уродов в верхушке Академии неисчислимо, но с наслаждением стукнуть она могла бы только этих двоих.

— И главное, ты так естественно за нее схватилась. Не знай я, что происходит на самом деле, поверила бы, что девушка просто нервничает.

— А ты знала?

Бланш снова пожимает плечами.

— Конечно. А что, тебя это удивляет?

Яна сползает на пол лифта. Как же рано она обрадовалась. Бланш заранее знала об их плане. Никто не услышал получившуюся запись. Все было напрасно. Она просто поиграла с ними в свое удовольствие, как кошка играет с мышкой, перед тем как съесть.

Бланш садится перед ней на корточки.

— Бедный ребенок. Готовится умирать, но при этом волнуется не о себе, а об успехе мероприятия. — Она протягивает руку и неуверенно гладит Яну по голове, как будто хочет проверить, что та настоящая. — Вас услышали. Все в порядке.

Яна изо всех сил сжимает кулак и впивается ногтями себе в ладонь. Кажется, она сошла с ума.

— Ты знала заранее, а теперь говоришь, что все получилось? Такое возможно?

— Да. — Бланш резко встает. — Я знала заранее, но все получилось. А еще я не хотела убивать твоего отца.

— Извини, что? Мне кажется, я брежу.

— Сама себе удивляюсь: видимо, старею. Оправдываюсь вот перед тобой, хотя кто бы меня просил.

Бланш потягивается всем телом, как после сна, и снова садится, уже не на корточки, а на пол рядом с Яной, подперев спиной стену лифта.

— Вы молодцы. Нет, серьезно. Никаких тривиальных ходов, четкая ставка на свои сильные стороны, соблюдение принципа «чем проще — тем лучше». И прекрасное знание характера нашего Уильяма. Бомбами его не возьмешь, потому что это моя сфера ответственности, и посмотрела бы я на того, кто попробовал бы нанести ему физический вред. Собственно, уже смотрела, и не один раз. Выглядели они плачевно. — Она нехорошо усмехается. — А вот послать безоружную девчонку с большими глазами, которая умеет найти нужные слова, еще никто не додумался. И сработало же. Правда, мне пришлось немного вам помочь, загрузив нашего Уильяма кое-какими делами в среду и четверг, чтобы ваша встреча никак не смогла состояться раньше. Боялась, что вы сойдете с ума, живя с этой записью несколько дней. Да и сделать вид, что я не знала, было бы намного труднее. Я странная, но умею работать, и всем об этом хорошо известно.

Яна смотрит в ее улыбающееся лицо, не в силах поверить в то, что слышит. Мир или сошел с ума, или перед ней какой-то очередной план Бланш, настолько тонкий, что она даже примерно не может понять, в чем он состоит.

— Я специально тогда решила сама рассказать тебе про смерть Ярослава. И не врала, когда говорила, что мне жаль. Но еще очень хотела на тебя посмотреть. Давно знала, что ты непростая девочка, из атомной смеси Ярослава и Елены не могло получиться ничего скучного, но решила убедиться.

— Почему атомной? — Впервые за несколько минут Яна подает голос.

— Да потому что твоя мама, при всем моем уважении, была ненормальная. Таких христиане в святые записывают, а им вообще-то лечиться надо. Что ты на меня так смотришь? Ты что, не в курсе ее подвигов?

Яна смотрит на нее и молчит.

— Ничего себе. — Бланш качает головой. — Я надеялась, что Ярослав рассказал. Но теперь он уже ничего не расскажет, поэтому придется мне. Твоя мать пыталась разработать лекарство от рака, но получалась ерунда. Оно работало, но давало такую побочку, что становилось уже неважно, есть у человека рак или нет.

Бланш грустно смеется, и впервые, услышав этот смех, Яна думает не о том, как бы побольнее ударить ее.

— Тогда эта прекрасная женщина решила, что ей нужно обязательно продолжить испытывать лекарство на людях, несмотря на запрет, чтобы довести до ума, и, послав подальше обливающегося слезами — почти в буквальном смысле слова — мужа, принялась тестировать его на себе. Теперь у нас есть лекарство от рака, а у тебя нет матери.

Яна обводит глазами лифт, синеволосую в инфернальном свете фигурку рядом, собственные руки и ноги. Все такое удивительное, что можно смотреть бесконечно.

— Вот у меня, например, нет совести, как у вас, добрых и хороших, принято говорить, — продолжает фигурка. — Но знаешь что? Если бы у меня была дочка, я бы не стала ширяться недоделанным лекарством от рака. Ну, мне так кажется. Короче, я это все к тому, что хорошие люди, умеющие сочувствовать, — это очень тяжело. И для себя, и для окружающих.

— Конечно, — вдруг отвечает Яна. — Посмотри хотя бы на себя. Заразно это оказалось, правда?

Бланш улыбается.

— Записываю балл на твой счет. Ты своим заявлением, что будешь торчать на всех видах наркотиков, пока не умрешь, попала в единственное больное место своего отца. Он не мог больше смотреть, как от непонятных веществ умирают дорогие ему женщины. И поэтому начал делать неожиданные для всех вещи. Дальше ты знаешь.

— Если бы только я знала об этом раньше.

— Если бы ты знала об этом раньше, сегодняшний вечер не был бы таким удивительным.

— Что там происходит? — Яна вдруг вспомнила, почему сидит в этом лифте.

— В мире? Он стоит на ушах.

Яна тоже улыбается, а Бланш продолжает:

— Знаешь, что на самом деле управляет миром? Конечно, не Тернер. И даже не такие отморозки, как я. Миром управляет дерьмо, которым наполнены люди. Знаешь, как принимаются все решения в этой организации? Тернер приходит к какому-нибудь своему товарищу, одним из которых долгое время был твой отец, и говорит: я подумал, что неплохо будет сделать вот так-то. Говорит очень решительно, но сам в глубине души не уверен. А товарищ, конечно, поддерживает, что бы ни сказал Тернер. Тогда Тернер идет еще к паре товарищей; все в полном восторге от его идеи. Потом эта тема выносится на Совет, где уже успевшие морально подготовиться товарищи дружно голосуют за, а Льюис и Магди — против. Невероятная конструкция. Если любого из них разбудить ночью, прижать к стене и спросить, что он думает по поводу, допустим, принудительной стерилизации народов Африки, он начнет очень смешно мяться, потому что не думает ничего. У них нет ничего такого, от чего они при случае не могли бы отказаться. А следовательно, ничего такого, на чем они могли бы настаивать. При этом они умудряются так проникнуться энтузиазмом друг друга, который сами же друг в друге и вызывают, что в момент произнесения какой-нибудь очередной глупости искренне в нее верят. Я тоже могу отказаться от чего угодно, но я этого и не скрываю. А эти утопят тебя в ядовитой слюне, если усомнишься в их искренности. Тернер — знаешь, я очень благодарна Тернеру, это благодаря ему я на этом месте, но в какой-то момент я просто не смогла бы ему помочь, — так вот, он жутко испугался, увидев, что твой отец сменил настройки бортового компьютера. Три человека в его Совете, способных говорить разное, говорить уверенно, в любое время дня и ночи, не посоветовавшись предварительно с товарищами, — это страшная угроза. Страшно это все, да? Миллионы людей в заднице из-за того, что какая-то дюжина идиотов привыкла повторять друг за другом. Ну, мне-то не очень страшно, конечно, в гробу я видела эти миллионы людей. А вот тебе, наверное, очень.

— Бланш, — говорит Яна. — Ты ведь понимаешь, что сережка все еще работает? Как думаешь, хорошо будет, если к откровениям Тернера прибавятся твои?

— Спасибо за заботу, мой ангел. Понимаю, и именно поэтому мы и разговариваем в лифте, а не в каком-нибудь приятном месте за чашкой чая. В этом лифте — как в бункере. Никакой сигнал отсюда не пройдет.

Она устало вздыхает и не спеша разбирает сережку на части.

— Что ты будешь делать? — спрашивает Яна после паузы. — И со мной, и с остальными, и вообще?

— Мне нужно посмотреть, как будут развиваться события. И не делать пока резких движений. Для этого придется всех вас задержать. Начнем, как ты уже поняла, с тебя.

Яна послушно кивает. Почему-то ей стало казаться, что нужно во всем слушать эту сумасшедшую женщину.

— Я скажу, что буду сама тебя допрашивать, и постараюсь защитить, насколько это возможно. — Она вдруг морщит нос. — Какое неприятное слово. Оно мне не идет.

— Если не получится, я не обижусь, — спокойно говорит Яна. — Я знала, на что шла.

Бланш внимательно на нее смотрит, а потом придвигается ближе и осторожно целует в щеку. В нос Яне вкрадчиво вползает приятный аромат каких-то духов, настолько тонкий, что для него невозможно найти подходящих слов.

— Ты уже второй человек за день, который невероятно меня порадовал. Нечасто выдаются такие славные дни.

После этих слов Бланш встает, и Яна тоже встает вслед за ней.

— А ты? — спрашивает она. — Не боишься, что не сможешь защитить не только меня, но и себя тоже? Вряд ли они будут в восторге, если обнаружат, что ты не стала нам мешать, хотя знала обо всем заранее.

— Не боюсь. — Бланш встряхивает синими волосами. — Хотела бы не допустить этого по ряду причин, но словом «страх» мои чувства назвать сложно. И, конечно, я тоже знала, на что шла. Это моя работа — знать.

Пару секунд они смотрят друг на друга с какой-то чудовищно неуместной теплотой, а потом Бланш берет Яну за запястье:

— Сейчас я выверну тебе руку. Будет не очень больно, но ты сделаешь вид, что очень. Сделаешь вид хорошо. Качественно. На этаже уже никого нет, его освободили для нас, и нам надо выступить красиво. Ты поняла?

Яна кивает.

— Если сделаешь вид недостаточно хорошо, придется вывернуть так, что делать не придется. А нам обоим хотелось бы этого избежать.

Яна снова кивает.

— Все показания давай честно. Говори обо всем до вот этого нашего разговора. Не старайся никого выгородить, все равно бесполезно. Смотри в глаза всем, кто будет спрашивать, и говори правду. Подчеркивай мотив мести за отца, но политический тоже не отрицай. Они давно тебе не нравились, а смерть отца стала последней каплей.

Яна кивает в третий раз.

— Отлично, моя хорошая. Пора идти.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, открытая запись, июнь 7, 2080

Прикрепленная к записи картинка: электронный билет на рейс Анкоридж — Лос-Анджелес на имя Джаспера Ирвина Ньюэлла Кэмерона с дополнительным местом в салоне для кота, вылет 9 июня в 12:35

Хотел добавить комментарий к картинке, но, думаю, все понятно и так.

Время пришло. Оно пришло совершенно точно.

Заметки

[←1]

Неточное цитирование книги «Бледно-голубая точка» Карла Сагана. Книга названа по фотографии Земли, сделанной «Вояджером-1» в 1990 году, с расстояния 5,9 миллиарда километров. Название фотографии также придумал Саган, как и самую идею такого снимка.

[←2]

Один из крупнейших рок-фестивалей в США, проводится с 1991 года.
Представляет группы в жанрах панк-рок, рок, альтернатива и металл.